

MIESIĘCZNIK
POŁOCKI.

Tom I.
Rok 1818.

№ 1(70), 2025

*«Вестник Полоцкого государственного университета»
продолжает традиции первого в Беларуси литературно-
научного журнала «Месячник Полоцкий».*

ВЕСТНИК ПОЛОЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия D. Экономические и юридические науки

В серии D научно-теоретического журнала публикуются статьи, прошедшие рецензирование, содержащие новые научные результаты в области экономики и управления, финансов, денежного обращения и кредита, бухгалтерского учета и статистики, а также юридических наук.

ВЕСНІК ПОЛАЦКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСИТЭТА
Серыя D. Эканамічныя і юрыдычныя навукі

У серыі D навукова-тэарэтычнага часопіса друкуюцца артыкулы, якія прайшлі рэцэнзаваанне і змяшчаюць новыя навуковыя вынікі ў галіне эканомікі і кіравання, фінансаў, грашовага абарачэння і крэдыта, бухгалтарскага ўліку і статыстыкі, а таксама юрыдычных навук.

HERALD OF POLOTSK STATE UNIVERSITY
Series D. Economics and law sciences

Series D of the scientific-theoretical journal includes reviewed articles which contain new scientific results in such fields as economics and management, finance, money circulation and credit, accounting and statistics and also legal sciences.

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования.

Электронная версия номера размещена на сайте: <https://journals.psu.by/economics>

Адрес редакции:
Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой,
ул. Блохина, 29, г. Новополоцк, 211440, Беларусь
тел. + 375 (214) 59 95 41, e-mail: vestnik@psu.by

Отв. за выпуск: *Е.Ю. Афанасьева.*
Редактор *И.Н. Чапкевич.*

Подписано к печати 26.04.2025. Бумага офсетная 80 г/м². Формат 60×84^{1/8}. Ризография.
Усл. печ. л. 13,48. Уч.-изд. л. 16,25. Тираж 50 экз. Заказ 170.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 336.11

DOI 10.52928/2070-1632-2025-70-1-2-5

РЕСУРСНЫЙ ВЗГЛЯД НА ФИНАНСЫ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК АЛЬТЕРНАТИВА
РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ ИХ ПОНИМАНИЯ*канд. экон. наук, доц. Т.Е. БОНДАРЬ**(Белорусский государственный экономический университет, Минск)*

В статье систематизируются результаты исследований, проведенных автором ранее, касающиеся проблем распределительной концепции финансов и обоснования необходимости её совершенствования посредством установления новой ресурсной парадигмы. В этой работе автор идет далее и предлагает к рассмотрению два возможных варианта действий в сфере намечаемого совершенствования. Рассматриваются достоинства и недостатки каждого варианта, отдается предпочтение лучшему из них. Показаны позитивные практические последствия внедрения в практику ресурсного подхода – обновленное понимание сущности и функций финансов организаций. Высказывается предположение, что ресурсный подход избавит отечественную финансовую науку от излишней дискуссионности и превратит её в созидательную силу национальной экономики.

Ключевые слова: *финансы, распределительная концепция финансов, дискуссионность финансовой науки, ресурсная парадигма финансов, возможные варианты и последствия внедрения ресурсного подхода.*

Введение. Все предыдущие наши исследования, касающиеся переосмысления распределительной концепции сущности финансов [1], исследования масштабов дискуссионности современной финансовой науки [2], её причин [3], системного исследования её последствий [4], специфики её становления в Беларуси [5], завершались констатацией необходимости совершенствования. К моменту формулировки такого вывода, нами было изучено множество мнений отечественных и российских исследователей на этот счет, проведена большая аналитическая работа, позволившая окончательно убедиться в том, что основополагающие постулаты распределительной концепции финансов, сохранив свое действие на уровне макроэкономики (государства), на уровне микроэкономики (коммерческих организаций) больше не работают. Было зафиксировано несоответствие теоретических представлений о финансах организаций эмпирическим представлениям о них. Основополагающие постулаты финансовой науки стали противоречить финансовой практике, а эти противоречия превратили финансы в абстрактную научную категорию, далекую от реальной действительности [6, с. 15].

Целью этой статьи определено дальнейшее продвижение нашей идеи о необходимости перехода к ресурсной концепции финансов и разработка возможных вариантов выполнения этой работы.

Основная часть. Еще раз кратко изложим аргументацию постановки нами именно такой исследовательской цели. Распределительная концепция финансов, как известно, связана с распределительной стадией процесса общественного воспроизводства. Только на этой стадии, в идеале, существует возможность высвобождения части средств организации от текущих расходов простого воспроизводства, обособления (распределения) их в целевых децентрализованных фондах с перспективой их последующего использования на нужды расширенного воспроизводства. Исходя из этого посылка, вся распределительная концепция финансов была построена на понимании «финансовых отношений» и «финансовых потоков» как специфической части «денежных отношений» и «денежных потоков». Этот концепт требовал постоянного узнавания терминов «финансовые отношения», «финансы» в более широких терминах: «денежные отношения», «деньги». Для обеспечения такого узнавания распределительная концепция финансов изначально предусматривала специальные «узнавательные» метки:

– Считалось, что финансам свойственен односторонний, безэквивалентный, распределительный характер движения стоимости, а деньги опосредуют классический эквивалентный двусторонний обмен, когда в одну сторону идет товар, а обратно – сумма денег, эквивалентная стоимости товара.

– Функционирование финансов связывалось исключительно с формированием и использованием целевых централизованных и децентрализованных фондов, а функционирование денег, как правило, было безфондовым.

– Использование термина «финансовые ресурсы» организации соотносилось только с её прибавочной стоимостью (прибылью), которая могла направляться на финансирование расширенного воспроизводства, в то время как функционирование денег опосредовало движение необходимой стоимости, отвечающей за простое воспроизводство.

Однако, как выяснилось, к настоящему времени на уровне «финансов организаций» эти «узнавательные» метки уже не работают полностью или в том виде, как это задумывалось в прошлом столетии создателями распределительной концепции финансов. Отечественные и российские ученые, практики все чаще констатируют эту данность. Так, они обращают внимание на тот факт, что распределительные (безэквивалентные) процессы уже не являются исключительной прерогативой распределительной стадии процесса общественного воспроизводства, они обнаруживаются и «активно влияют и на производство, и на обмен, и на потребление» [7, с. 13]. Отмечается и тот факт, что объективное действие закона стоимости осталось в прошлом, эквивалентность классических обменных сделок стала условной [8, с. 12–18]. Свое влияние на эквивалентный обмен оказало введение

санкций и ограничительных мер, систем господдержки национальных экономик [9, с. 93–100]. В прежнем режиме строгой регламентации и обязательности перестал работать и фондовый признак финансов. Ученые открыто говорят о том, что использование термина «децентрализованные фонды» не соответствует терминологии и смыслу рыночной экономики [10, с. 30–50], а финансовые отношения не всегда приобретают фондовую форму [11, с. 74–77].

Но, если исследователи финансов признают, что важнейшие отличительные признаки финансов не работают, то следует признать и тот факт, что сегодня не представляется возможным адекватно отделить «финансы организаций» от «денег организаций», обнаружить финансовые отношения и сделки в более широких денежных отношениях и сделках. Нельзя и дальше не замечать, не признавать всех этих перемен и продолжать упорно «узнавать» финансы через разграничительную призму денег. Более того, мы считаем, что именно это, ничем не обоснованное инерционное упорство финансистов-теоретиков и порождает дискуссионность отечественной науки, оно поддерживает неопределенность там, где зарубежная и отечественная практика уже всё прояснила: финансовые ресурсы как часть денежных средств являются денежными средствами, так как часть всегда обладает свойствами целого; денежные средства, которыми оперирует организация, вкладывает их в деловой оборот, и есть её финансовые ресурсы. Следовательно, сама жизнь, практика подталкивают отечественную финансовую науку к ресурсной концепции финансов.

Ресурсная концепция позволит перейти к пониманию «финансов» как средств и отношений, отвечающих за ресурсообеспеченность государства и субъектов хозяйствования. Если в ходе своего движения денежные потоки приводят к формированию, распределению и использованию финансовых ресурсов субъектов хозяйствования или государства – это финансовые потоки. Причастность финансов к формированию и использованию финансовых ресурсов станет их главной и единственной «отличительной» меткой. Такое изменение теоретических воззрений на финансы сможет урегулировать дискуссионность финансовой науки, позволит активизировать её способность объективно отражать реальную действительность и созидательно влиять на неё.

Наметив переход к ресурсной парадигме, в качестве рабочей гипотезы мы предлагаем к рассмотрению два возможных варианта действий в сфере намечаемого совершенствования финансовой науки:

- встраивание ресурсного взгляда на финансы в архитектуру распределительной концепции финансов, используемой белорусской финансовой школой;
- полный отказ от распределительной концепции финансов как не соответствующей рыночному характеру функционирования белорусских коммерческих организаций и переход к ресурсному их пониманию.

Рассмотрим поочередно оба этих варианта.

Начнем нашу работу с определения места ресурсной концепции финансов в границах действующей распределительной концепции финансов, установим возможность (невозможность) такого её встраивания. Отметим несколько важных для этого нашего исследования моментов, связанных с толкованием самого слова «встроить». Все словари и энциклопедии толкуют его одинаково: встроить – это означает: «соорудить что-то внутри действующего объекта. Синонимами к этому слову называются – «вмонтировать», «укрепить», «модифицировать», «активировать» [например, 12; 13]. Следовательно, встроить ресурсный взгляд на финансы в действующую распределительную концепцию финансов означает: укрепить её пошатнувшиеся постулаты, модифицировать её возможности по дифференциации терминов «деньги» и «финансы», «денежные отношения» и «финансовые отношения» в изменившихся условиях хозяйствования, активировать её способности позитивно влиять на экономические процессы в обществе.

На первый взгляд кажется, что такое встраивание рисует хорошие перспективы для распределительной концепции финансов. Однако, следует понимать, что добиться этого практически мы не сможем. Мы не сможем, оставаясь в рамках распределительной концепции финансов, под финансами понимать всю совокупность ресурсов коммерческих организаций: по-прежнему будет настоятельно требоваться постоянное разграничение категорий «деньги организации» и «финансы организации». Встраивание предлагаемой нами ресурсной концепции в архитектуру устаревшей со временем распределительной концепции финансов невозможно и непродуктивно. Укрепить её рухнувшие постулаты, модифицировать их, активировать их действие нельзя, как нельзя «залатать Тришкин кафтан»¹. В целом же, все сказанное выше демонстрирует невыполнимость одного из двух, взятых нами в разработку, вариантов совершенствования отечественной финансовой науки.

Рассуждая о втором варианте, предполагающем изменение парадигмы теории финансов, сразу отметим его предпочтительность. По мнению теоретиков финансовой науки [14–16], нацеленность на изменение парадигмы – это единственно правильная установка, которая позволит переформатировать «жесткое ядро», то есть, сложившиеся теоретические воззрения на финансы. Здесь очень уместно привести выводы ученых о том, что формирование новой парадигмы начинается тогда, когда не представляется возможным в рамках существующей парадигмы разрешить и объяснить возникшие проблемы [15], если между теорией и практикой сохраняются неустранимые и необъяснимые расхождения, то, как правило, следует подвергнуть сомнению, модифицировать теорию, добиваясь её соответствия практике, или же отказаться от неё в пользу иной, лучшей теории. Теории не следует менять до тех пор, пока к этому нет принудительных оснований, а единственным принудительным основанием для смены теории является её расхождение с практикой [17]. Сегодня, мы определенно наблюдаем это

¹ Выражение «залатать Тришкин кафтан» характеризует ситуацию, когда человек бестолково, путано решает свои проблемы, запутываясь в них ещё больше. Тришка (из басни Крылова) для починки локтей кафтана обрезал рукава, а чтобы надставить рукава, обрезал полы, в результате чего то, что осталось, назвать «кафтаном» было уже невозможно.

отставание от практики. И это отставание нельзя исправить «косметическим ремонтом» (встроить в него что-то, соответствующее времени). Требуется кардинальное изменение распределительной концепции финансов, а если точнее – отказ от нее и переход к ресурсному пониманию финансов. По нашему мнению, лишь действуя так радикально можно преодолеть проблемы распределительной концепции финансов, связать её избыточную дискуссионность. Такой же точки зрения уже давно придерживаются и российские исследователи Н.Л. Полторадова, В.А. Останин, Ю.В. Рожков, В.В. Глухов [18; 19].

При этом, парадигма ресурсной концепции финансов может быть сформулирована так:

Финансы (финансовые ресурсы) организации – это совокупность всех, без исключения, её денежных средств (собственных, заемных, привлеченных, фондовых и безфондовых, эквивалентных и неэквивалентных), находящихся в её распоряжении, предназначенных как для формирования, так и для пополнения, необходимых ей активов с целью выполнения всех финансовых обязательств, финансирования затрат простого и расширенного производств, затрат, связанных с удовлетворением социальных нужд и стимулированием работников в процессе осуществления организацией её текущей, инвестиционной и финансовой деятельности.

В предложенной формулировке ресурсной концепции финансов подчеркнута неразрывная связь между денежными средствами и финансовыми ресурсами коммерческой организации. На расчетный счет или в кассу организации поступают денежные средства в виде выручки от реализации продукции, работ, услуг; доходов от инвестиционной и финансовой деятельности. Но как только организация начинает распоряжаться ими, вкладывает их в деловой оборот, денежные средства становятся её финансовыми ресурсами. Такое же понимание финансовых ресурсов мы встречали у Миргородской Е.О., которая считает, что «финансы – это работающие деньги», с заложенной в них потенциальной возможностью генерировать экономическую выгоду [20].

При ресурсном взгляде на финансы, сфера использования финансовых ресурсов включает в себя не только расширенное, но и простое производство. Содержится указание на целевое предназначение финансовых ресурсов – формирование (пополнение) необходимых ей активов. Названы направления задействования этих активов: осуществление организацией текущей, инвестиционной, финансовой деятельности.

Предложенное обновленное определение финансов, кроме того, вносит ясность в процесс дифференциации таких категорий, как «капитал» и «финансовые ресурсы». Капитал – это финансовые ресурсы, которые уже «материализованы» в долгосрочных и краткосрочных активах организации на предшествующих стадиях её хозяйственного развития. А сегодняшние финансовые ресурсы – это средства, предназначение которых сводится к обеспечению финансирования текущего и предстоящего развития организации. Финансовые ресурсы содержат в себе потенциальную возможность пополнить капитал организации в её текущей и будущей деятельности. Само слово «ресурс» во многих толковых словарях трактуется как «возможность».

Рассуждая о новом взгляде на финансы, Г.И. Хотинская и Л.И. Черникова отмечают ещё один важный момент. В современных условиях происходит абсолютизация стоимости: стоимость становится главным ресурсом, основным фактором, важным средством и ведущей целью экономических агентов одновременно. Выйдя за пределы экономических отношений, формируемых в процессе производства и обмена, стоимость начинает контролировать экономическое пространство. Концентрация управленческих усилий на ключевых стоимостных показателях и трансформация внутрифирменного менеджмента в управление стоимостью обусловили появление идеологии стоимостного управления. В её основе целеполагание, ориентированное не столько на прибыль, сколько на рост стоимости бизнеса. Эти же авторы отмечают еще одно важное наблюдение, вытекающее из абсолютизации стоимости: фактором генерирования стоимости в современных условиях становятся нематериальные активы: деловая репутация, лояльность потребителей, бренд, рейтинги и т.п. В условиях усложнения конкурентной основы рынка, цифровизации экономики, в особый объект купли-продажи превратилась и информация. Информация становится фактором генерирования доходов. Она трансформировалась в реальный нематериальный ресурс, являясь одновременно и предметом труда, и средством труда, и продуктом труда, и объектом купли-продажи. Это, в свою очередь, обусловило появление информационного сегмента финансового рынка и даже мирового рынка финансовой информации [21, с. 75–80].

Фактором генерирования стоимости сегодня признаются и поведенческие закономерности. Иррациональность, субъективность в действиях экономических агентов лежит в основе финансовых пирамид и финансовых пузырей, являющихся результатом спекулятивной логики, которая способна в краткосрочных периодах создавать виртуальную стоимость. Отчасти виртуальная стоимость генерируется на фондовом рынке в виде курсовой стоимости ценных бумаг. Это подтверждает зависимость котировок от политических заявлений, громких деклараций, сомнительных слухов, хозяйственных разногласий, судебных разбирательств и иных неэкономических отношений, которые, между тем, зачастую провоцируют не только корректировку курса акций определенных эмитентов, но и обвал рынка в целом. Роль поведенческих закономерностей в генерировании стоимости обусловили появление особого вида финансов – поведенческих финансов, основанных на учете влияния психологических факторов при принятии организациями финансовых решений [22; 23].

Заключение. Таким образом, переход к ресурсному пониманию финансов позволит отражать в составе «финансовых ресурсов коммерческих организаций» не только все денежные поступления, доходы и накопления организации, но и все факторы генерирования ими новой стоимости: нематериальные активы, поведенческие закономерности организации и т.п. Только в таком наполнении категория «финансовые ресурсы» сможет обозначать то, что ещё с XVIII века и до нашего времени принято называть «кровью экономики».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарь Т.Е. О необходимости переосмысления распределительной концепции сущности финансов // Социально-экономические и правовые исследования – 2015. – № 2. – С. 24–26.
2. Бондарь Т. Дискуссионность современной финансовой науки. – Lambert Academic Publishing, 2020. – 90 с.
3. Бондарь Т.Е. Гносеологические причины дискуссионности сущности финансов // Вестник БГЭУ. – 2021. – № 1. – С. 89–95.
4. Бондарь Т.Е. Системный взгляд на дискуссионность финансовой науки как способ её преодоления // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Эконом. и юрид. науки. – 2021. – № 5. – С. 15–20.
5. Бондарь Т.Е. Становление и развитие финансовой школы БГЭУ // Вестник БГЭУ. – 2020. – № 3. – С. 127–130.
6. Барулин С.В., Барулина Е.В. К вопросу о сущности финансов: новый взгляд на дискуссионную проблему // Финансы. – 2007. – № 7. – С. 55.
7. Родионова В.В. Становление и развитие научной школы финансов // Вестник Финансовой академии. – 2009. – № 1. – С. 13.
8. Тарасов В.Н. Генезис основных теорий денег // Банковский вестник. – 2007. – № 22. – С. 12–18.
9. Хомич И.П., Алихани С. Влияние экономических санкций на экономику страны // Вестник РЭУ им. Плеханова Г.В. – 2021. – № 5. – С. 93–100.
10. Ковалев В.В. Эволюция категории финансы // Вестник ВЭГУ. – 2011. – № 1. – С. 40–50.
11. Сабитова Н.М. О понятийном аппарате в финансах // Вестник финансового университета. – 2014. – № 1. – С. 74–77.
12. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Л.И. Скворцова. – 28-е изд. перераб.. – М.: Мир и образование – 2014. – 1376 с.
13. Большая российская энциклопедия: в 35 т. / гл. ред. Ю.С. Осипов. – (2004-2017). – М., 2016.
14. Кун Т. Структура научных революций. – М.: АСТ, 2003. – 605 с.
15. Шкабара И.Е. Понятие «парадигма» и его развитие в современной науке // Философия образования. – 2006. – № 1. – С. 62–67.
16. Лакатос И. История науки и её рациональные реконструкции // Методология научных исследовательских программ. – М.: АСТ, 2003. – С. 323.
17. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки [Электронный ресурс]. – URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/4745/4766> (дата обращения: 20.02.2025).
18. Полтораднева Н.Л. Современный взгляд на трактовку категории «финансы» как методологической основы финансовой науки. Финансы и кредит. – 2013 – № 32(560) – С. 41–49.
19. Останин В.А., Рожков Ю.В., Глухов В.В. Концепт понятия «финансы»: проблемы метода познания // Финансы и кредит. – 2011. – № 22(454). – С. 2–9.
20. Миргородская Е.О. Эволюция финансового капитала в условиях глобализации: автореф. ... дисс. д-ра экон. наук: 08.00.01 / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М., 2007. – 52 с.
21. Хотинская Г.И., Черникова Л.И. Современные финансы и их влияние на экономику: качественный и количественный аспекты // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. – 2009. – № 2. – С. 77–82.
22. Куц П.С., Видеркер Н.В. Развитие концепции поведенческих финансов // Научный лидер. – 2022. – № 22(67). – С. 175–177. – URL: https://scilead.ru/media/journal_pdf_67.pdf.
23. Беломытцева О.С., Супис И.П. Обзор исследований в области поведенческих финансов в России: история и современность // Вестн. Волгогр. ин-та бизнеса. – 2019. – № 1(46). – С. 117–122. – DOI: <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2019.46.126>.

Поступила 20.02.2025

RESOURCE VIEW OF ORGANIZATIONAL FINANCES AS AN ALTERNATIVE TO THE DISTRIBUTION CONCEPT OF UNDERSTANDING THEM

T. BONDAR

(Belarus State Economic University, Minsk)

The article systematizes the results of research conducted by the author earlier concerning the problems of the distributive concept of finance and substantiating the need to improve it by establishing a new resource paradigm. In this work, the author goes further and suggests two possible options for action in the area of the planned improvement. The advantages and disadvantages of each option are considered, and preference is given to the best of them. The positive practical consequences of introducing a resource-based approach to understanding the essence of finance in organizations are shown. It is suggested that the resource-based approach will save domestic financial science from excessive discussion and turn it into a creative force of the Belarusian society.

Keywords: *finance, distributive concept of finance, debatable nature of financial science, resource paradigm of finance, possible options and consequences of implementing a resource approach.*

УДК 332.142.2

DOI 10.52928/2070-1632-2025-70-1-6-11

МЕТОДИКА АНАЛИЗА ФАКТОРОВ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫМИ ЦЕПЯМИ ПОСТАВОК (НА ПРИМЕРЕ ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ)

Е.С. ВЕРЕТЕННИКОВА

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2358-2210>

Разработана методика анализа факторов формирования системы управления региональными цепями поставок, апробированная на примере Витебской области. Новизна методики заключается в выделении ключевых, адаптированных к региональным цепям поставок, факторов (экономическое развитие, снабжение логистическими ресурсами, спрос и предложение на рынке логистических услуг, степень информатизации логистики, экологическая составляющая) и соответствующих им показателей, последующего анализа тенденций их изменения, позволяющих выявить рейтинг Витебской области среди других регионов страны, сильные и слабые стороны и резервы роста территории, которые являются основой для разработки практических рекомендаций, направленных на формирование эффективной системы управления региональными цепями поставок Витебской области.

Ключевые слова: региональные цепи поставок, управление цепями поставок, система управления региональными цепями поставок, методика, регион, устойчивое развитие.

Введение. Формирование системы управления региональными цепями поставок является основой социально-экономического развития любой территории. Оптимизация данной системы позволяет её участникам эффективно планировать, формировать, контролировать и регулировать материальные, финансовые, информационные и другие виды потоков на протяжении всего жизненного цикла товара, а регионам – комплексно решать проблемы логистического развития территории и повышать её конкурентоспособность в целом.

Согласно авторскому определению система управления региональными цепями поставок (СУРЦП) – это территориально-ограниченная и логистически интегрированная система, функционирующая под координацией специализированного регионального органа государственного управления и объединяющая субъектов хозяйствования и других стейкхолдеров для формирования и оптимизации региональных цепей поставок на специальной цифровой платформе для достижения целей устойчивого развития. Введение в научный оборот данного понятия позволяет осуществить переход от локального и фрагментарного управления логистикой (на уровне отдельных предприятий) к системному стратегическому управлению логистическими потоками региона как целостного экономического пространства; реализовать стратегию устойчивого развития через институционализацию логистики как сферы координации бизнеса, органов государственной власти и населения.

Основной стратегической целью устойчивого развития согласно Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 года является «достижение высоких стандартов уровня жизни населения на основе качественного роста экономики на новой цифровой технологической базе, формирования полноценной конкурентной среды, создания комфортных условий для жизнедеятельности и развития личностного потенциала при сохранении природных систем для нынешних и будущих поколений»¹. Формирование эффективной СУРЦП способствует достижению данной цели, т.к. направлено на повышение эффективности логистических связей в регионе, способствует сбалансированному территориальному развитию (учёт интересов государственных органов власти, участников цепей поставок и других стейкхолдеров), формирует предпосылки для кластеризации и промышленной кооперации, способствует развитию цифровой трансформации региона (инструментом формирования СУРЦП является специальная цифровая платформа). Следовательно, разработка методики анализа факторов формирования системы управления региональными цепями поставок является актуальной задачей, решение которой позволяет разработать практические рекомендации в обозначенной сфере.

Основная часть. Среди отечественных и российских ученых тема формирования СУРЦП не выделена как отдельное специфическое направление исследований. Часто ученые исследуют факторы, косвенно влияющие на формирование СУРЦП, такие как эффективность логистической инфраструктуры [1–4], логистический потенциал территории [5–10]. Карпенко Е.М., Карпенко В.М., Петрович Н.Д. в своих исследованиях отмечают, что статистических данных по логистическим показателям в региональном разрезе в Республике Беларусь почти нет, что является значительным недостатком при формировании логистической системы страны. Дефицит достоверных полноценных данных об уровне и динамике развития её структурных (региональных) составляющих существенно затрудняет процесс проведения эффективных научно-практических исследований с целью поиска направлений совершенствования логистической системы РБ [11].

Проанализировав имеющиеся доступные статистические данные, нами выделены ключевые, адаптированные к региональным цепям поставок, факторы формирования СУРЦП и конкретные показатели для анализа этих факторов, которые представлены в таблице 1.

¹ URL: <https://economy.gov.by/uploads/files/ObsugdaemNPA/NSUR-2035-1.pdf>

Таблица 1. – Факторы и соответствующие им показатели формирования СУРЦП

Факторы	Показатели
Экономическое развитие региона (В)	– ВРП (В1); – Количество действующих кластеров (В2)
Снабжение логистическими ресурсами (С)	– Численность занятых в транспортной деятельности, складировании, почтовой и курьерской деятельности (С1); – Количество организаций транспортной деятельности, складирования, почтовой и курьерской деятельности (С2); – Протяжённость автомобильных дорог общего пользования (С3); – Протяжённость эксплуатационных путей железнодорожного транспорта общего пользования (С4); – Объем используемых складов (С5)
Спрос и предложение на рынке логистических услуг (D)	– Оптовый товарооборот (D1); – Розничный товарооборот (D2); – Экспорт (D3); – Импорт (D4)
Степень информатизации логистики (E)	– Доходы от услуг в области телекоммуникаций (E1); – Число организаций, имевших веб-сайт в сфере транспортной деятельности, складирования, почтовой и курьерской деятельности (E2); – Валовая добавленная стоимость сектора ИКТ (E3)
Экологическая составляющая (F)	– Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух (F1); – Количество уловленных и (или) обезвреженных загрязняющих атмосферный воздух веществ, отходящих от стационарных источников (F2)

Предлагаемые факторы и соответствующие им социально-экономические и экологические показатели являются критически важными для анализа формирования СУРЦП, так как влияют на качество логистической деятельности и устойчивое развитие региона. На основе выявленных факторов и соответствующих им социально-экономических и экологических показателей нами предлагается методика анализа факторов СУРЦП в сравнении с другими регионами страны, которая включает два этапа: 1) определение положения (рейтинга) Витебской области по анализу факторов СУРЦП среди других регионов страны; 2) анализ показателей СУРЦП анализируемого региона в динамике с целью определения тенденций их изменения, выявления сильных и слабых сторон, выявления резервов роста территории.

На первом этапе предлагаемые показатели приводятся в сопоставимый вид (нормализуются), т.к. имеют разные единицы измерения. Принимается, что нулевое значение преобразованного показателя соответствует минимальному значению, а единица – максимальному. Выбор преобразования для нормализации зависит от того, к какому типу принадлежит анализируемый показатель. Если увеличение показателя положительно влияет на формирование СУРЦП, то значение преобразованного (нормализованного) показателя (X_{Hij}) рассчитывается по формуле (1):

$$X_{Hij} = \frac{X_{ij} - X_{jmin}}{X_{jmax} - X_{jmin}}, \tag{1}$$

где i – номер региона;

j – номер показателя;

X_{ij} – текущее значение преобразуемого показателя;

X_{jmin}, X_{jmax} – соответственно минимальное и максимальное значения показателя в группе.

Если увеличение показателя имеет отрицательное влияние на формирование СУРЦП, то значение преобразованного показателя (X_{Hij}) рассчитывается по формуле (2):

$$X_{Hij} = \frac{X_{jmax} - X_{ij}}{X_{jmax} - X_{jmin}}, \tag{2}$$

Далее рассчитываются интегрированные показатели по выделенным группам (среднее значение по каждому региону), на основе ранжирования которых региону присваивается рейтинг. Этот анализ дает возможность определить положение каждого региона в сравнении с другими, что, в свою очередь, позволяет выявить сильные и слабые стороны конкретной местности на основе объективных данных.

Группировка полученных результатов методом кластерного анализа позволяет классифицировать регионы по формированию СУРЦП как «лидеры», «следующие за лидером» и «отстающие» регионы. Так, были нормализованы предлагаемые показатели (см. таблицу 1) за 2022 год, которые представлены в таблице 2. Результаты рассчитанных средних значений предлагаемых факторов, присвоенный рейтинг регионов, а также результаты метода кластерного анализа представлены в таблице 3.

Таблица 2. – Нормализованные значения показателей по предлагаемой методике анализа факторов формирования СУРЦП за 2022 год ²

Регион (область)	Экономическое развитие регионов		Снабжение логистическими ресурсами				
	B1	B2	C1	C2	C3	C4	C5
Брестская	0,083	0,250	0,229	0,126	0,000	0,659	0,104
Витебская	0,018	0,750	0,096	0,020	0,654	1,000	0,085
Гомельская	0,094	0,000	0,157	0,019	0,108	0,460	0,083
Гродненская	0,064	0,000	0,036	0,073	0,138	0,000	0,069
Минская (г. Минск)	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	0,383	1,000
Могилевская	0,000	0,000	0,000	0,000	0,208	0,283	0,000

Продолжение таблицы 2.

Спрос и предложение на рынке логист. услуг				Степень информатизации логистики			Экологическая составляющая	
D1	D2	D3	D4	E1	E2	E3	F1	F2
0,016	0,092	0,069	0,017	0,049	0,155	0,022	0,790	0,000
0,198	0,037	0,117	0,121	0,013	0,000	0,016	0,754	0,061
0,077	0,075	0,103	0,148	0,042	0,042	0,023	0,711	0,510
0,000	0,032	0,035	0,002	0,001	0,014	0,014	0,859	0,028
1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	0,000	1,000
0,002	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	1,000	0,240

Таблица 3. – Рейтинг регионов Республики Беларусь по предлагаемой методике анализа факторов формирования СУРЦП за 2022 год и результаты метода кластерного анализа

Регион (область)	B ср. зн.	C ср. зн.	D ср. зн.	E ср. зн.	F ср. зн.	Среднее значение	Рейтинг региона	Кластер. № наблюдения	Расстояние от наблюдения до центра его кластера
Брестская	0,17	0,22	0,05	0,08	0,4	0,184	4	2	0,13997
Витебская	0,38	0,37	0,12	0,01	0,41	0,258	2	2	0,13997
Гомельская	0,05	0,17	0,1	0,04	0,61	0,194	3	3	0,10269
Гродненская	0,03	0,06	0,02	0,01	0,44	0,112	6	3	0,12553
Минская (г. Минск)	1	0,88	1	1	0,5	0,876	1	1	0
Могилевская	0	0,1	0	0	0,62	0,144	5	3	0,08001

Таким образом, по показателям 2022 г. первое место по факторам формирования СУРЦП среди регионов Республики Беларусь занимает Минская область (включая г. Минск), Витебская область – второе. Витебская область имеет лидирующие позиции по таким показателям, как количество действующих кластеров, оптовый товарооборот, экспорт, импорт, протяжённость автомобильных дорог общего пользования, протяжённость эксплуатационных путей железнодорожного транспорта общего пользования, и значительно отстает от других областей по ВРП и числу организаций, имеющих веб-сайт в сфере транспортной деятельности, складирования, почтовой и курьерской деятельности.

Проведенный с помощью программного продукта IBM SPSS Statistics 21 кластерный анализ позволил сгруппировать анализируемые регионы по предлагаемым показателям в три однородные группы. Так, регион-лидером является Минская область (включая г. Минск), ко второй группе, которую условно можно назвать «следующие за лидером», относятся Брестская и Витебская области, к третьей группе («отстающие регионы») – Гомельская, Гродненская и Могилевская области. Межрегиональная конкуренция выявляет необходимость непрерывного поиска новых путей для повышения конкурентоспособности региона за счет определения, формирования и применения собственных конкурентных преимуществ.

На втором этапе для Витебской области проанализируем показатели формирования СУРЦП в динамике для определения тенденций их изменения и выявления сильных, слабых сторон и резервов роста территории. Динамика темпов роста ВРП Витебской области за 2018–2022 годы к 2015 году представлена в таблице 4.

Таблица 4. – ВРП Витебской области за 2018–2022 годы к 2015 году, в % ³

Показатель	2018	2019	2020	2021	2022
ВРП	98,2	98,3	96,8	96,4	94,5

² URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_135053/; URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_77679/; URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_135054/.

³ URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_135053/.

Анализ таблицы 4 показывает снижение ВРП в Витебской области за последние годы. Данная ситуация объясняется воздействием таких внешних факторов, как непредвиденные остановки работы нефтеперерабатывающих предприятий из-за поставок в начале 2019 года нефти ненадлежащего качества, цикличные замедления в мировой горнодобыче, увеличение конкуренции на центральных рынках сбыта, пандемия, экономические санкции. По данным информационного кластерного портала, посвященном созданию и развитию кластеров в Республике Беларусь CLUSTERLAND.by, три из восьми действующих кластеров находятся на территории Витебской области. Это фармацевтический кластер «Союз медицинских, фармацевтических и научно-образовательных организаций «Медицина и фармацевтика – инновационные проекты» (г. Витебск, 2015 г.), Инновационно-промышленный нефтехимический кластер (г. Новополоцк, 2017 г.), Инновационно-промышленный композитный кластер (г. Полоцк, 2018 г.). В стадии формирования находятся три кластера – текстильный, деревообрабатывающий и кластер по выпуску кабельной продукции.

Таким образом, Витебская область является лидером среди регионов Беларуси по количеству действующих кластеров, однако имеющийся кластерный потенциал не используется территорией в полном объеме. Основными барьерами развития действующих кластеров являются недостаточная осведомленность об эффективности кластерной модели развития региона; отсутствие нормативно-правового управления и координации кластерного развития; отсутствие системы и механизма поддержки и финансирования кластерных проектов со стороны государства и др. Основными направлениями развития кластерных инициатив Витебской области являются:

- оптимизация деятельности технопарков и инновационных центров, которые должны стать территорией для эффективного сотрудничества малого бизнеса, органов власти, других заинтересованных сторон и ядра кластера – крупных предприятий;
- активизация работы университетских центров и проектов, обеспечивающих подготовку специалистов и большое количество стартапов;
- разработку цифровой платформы для управления и регулирования процессов кластеризации и межкластерного сотрудничества;
- финансирование и поддержка сотрудничества и взаимодействия участников кластера в разработке инноваций и эффективных кластерных проектов [12].

Основные показатели снабжения логистическими ресурсами представлены в таблице 5.

Таблица 5. – Динамика снабжения Витебской области логистическими ресурсами за 2018 – 2022 гг.⁴

Показатель	2018	2019	2020	2021	2022
Численность занятых в транспортной деятельности, складировании, почтовой и курьерской деятельности, тыс. чел	37,1	35,9	34,9	34,8	33,9
Количество организаций транспортной деятельности, складирования, почтовой и курьерской деятельности, ед.	1250	1097	1068	1049	1046
Протяженность автомобильных дорог общего пользования, км	20297	20369	20352	20387	20387
Протяженность эксплуатационных путей железнодорожного транспорта общего пользования, км	1190,8	1190,8	1190,8	1190,0	1190,0
Объем используемых складов, тыс. м ³	949,8	962,2	1034,1	1053,2	1126,8

Согласно данным, представленным в таблице 5, в 2022 году прослеживается тенденция сокращения количества организаций, а, следовательно, и численности занятых в транспортной деятельности, складировании, почтовой и курьерской деятельности. Причинами являются сокращение общей численности населения, противозидемиологические ограничения, связанные с распространением COVID-19, западные санкции. Для Витебской области характерен рост объема используемых складов с 2018 по 2022 годы. Однако можно отметить низкий уровень развития складской инфраструктуры региона. Основными барьерами развития данной сферы являются вакантность для строительства складов, недостаток складов, отвечающих современным требованиям санитарии, а также неблагоприятные условия собственности на землю для инвесторов, что вызывает трудность в их привлечении. Важно отметить недостаточное количество складских помещений класса А и В, оборудованных системой температурного контроля. Основная часть функционирующих на территории региона складов по степени оснащенности и техническому состоянию может быть отнесена к складам класса «С» и «D» [13].

Темпы роста показателей спроса и предложения на рынке логистических услуг представлены в таблице 6.

Таблица 6. – Темпы роста показателей спроса и предложения на рынке логистических услуг Витебской области за 2018–2022 гг. к 2015 г., в %⁹

Показатель	2018	2019	2020	2021	2022
Оптовый товарооборот	87,3	68,5	65,3	67,1	140,2
Розничный товарооборот	104,7	106,0	104,0	105,6	104,9
Экспорт товаров	126,0	104,4	98,2	144,7	257,6
Импорт товаров	95,7	96,8	65,9	118,5	118,5

⁴ URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_77679/; URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_39954/; URL: https://vitebsk.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/public_compilation/index_78559/.

Согласно данным, представленным в таблице 6, в 2020 г. прослеживается тенденция сокращения объемов оптового товарооборота, экспорта и импорта товаров к 2018 и 2019 гг., а в 2021 и 2022 гг. данные показатели демонстрируют значительный рост, что положительно сказывается на логистическом развитии области. Основной причиной снижения показателей спроса и предложения на рынке логистических услуг стал кризис в мировой экономике, вызванный пандемией COVID-19, приведший к закрытию границ, введению режима самоизоляции, разрыву традиционных цепей поставок, результатом которых стало сокращение уровня доходов отрасли.

Динамика показателей степени информатизации логистики представлена в таблице 7.

Таблица 7. – Основные показатели степени информатизации логистики Витебской области за 2018–2022 гг.⁵

Показатель	2018	2019	2020	2021	2022
Доходы от услуг в области телекоммуникаций, млн. руб.	254,1	274,5	302,8	328,1	356,3
Число организаций, имевших веб-сайт в сфере транспортной деятельности, складирования, почтовой и курьерской деятельности	–	–	10	–	9
Валовая добавленная стоимость сектора ИКТ, млн.руб.	286,3	329,0	394,7	483,1	547,5

Доходы от услуг в области телекоммуникаций и валовая добавленная стоимость сектора ИКТ в 2022 г. по сравнению с предыдущими годами показали рост, что оказывает положительное влияние на развитие системы управления цепями поставок региона. Однако количество организаций, имевших веб-сайт в сфере транспортной деятельности, складирования, почтовой и курьерской деятельности, составило всего 9 единиц в 2022 г. при общем количестве в регионе организаций транспортной деятельности, складирования, почтовой и курьерской деятельности 438 единиц.

Динамика основных показателей экологической составляющей представлена в таблице 8.

Таблица 8. – Основные показатели экологической составляющей Витебской области за 2018–2022 годы⁶

Показатель	2018	2019	2020	2021	2022
Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, тыс. т	152,0	154,1	146,6	138,9	131,9
Уловлено и (или) обезврежено загрязняющих атмосферный воздух веществ, отходящих от стационарных источников, тыс.т	106,9	101,1	90,0	133,0	137,1

Так, в 2022 г. по сравнению с предыдущими годами объем выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух уменьшается, а количество уловленных и (или) обезвреженных загрязняющих атмосферный воздух веществ увеличивается, что оказывает положительное влияние на окружающую среду. В рамках устойчивого развития необходимо уделять особое внимание экологической составляющей и разработать мероприятия для улучшения экологической ситуации в регионе.

Заключение. В рамках изучения управления региональными цепями поставок нами разработана методика анализа факторов формирования СУРЦП в сравнении с другими регионами страны, заключающаяся в выделении ключевых, адаптированных к региональным цепям поставок, факторов и соответствующих им показателей, последующего анализа тенденций их изменения, позволяющих выявить сильные и слабые стороны и резервы роста территории, которые являются основой для разработки практических рекомендаций, направленных на формирование эффективной системы управления региональными цепями поставок Витебской области.

Сильными сторонами Витебской области являются действующие кластеры, протяженность автомобильных дорог общего пользования, протяженность эксплуатационных путей железнодорожного транспорта общего пользования, объем используемых складов, оптовый товарооборот, экспорт товаров, доходы от услуг в области телекоммуникаций, увеличение валовой добавленной стоимости сектора ИКТ, уменьшение выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, возросшее количество уловленных и (или) обезвреженных загрязняющих атмосферный воздух веществ, отходящих от стационарных источников. В настоящее время логистический потенциал территории используется не в полной мере, несмотря на то, что регион имеет выгодное географическое положение и развитые транспортные коммуникации, которые дают возможности для устойчивого развития области. Поэтому на основе выявленных сильных и слабых сторон Витебской области необходимо провести стратегический анализ логистической системы Витебской области (чему и будут посвящены дальнейшие исследования), который позволит сформировать практические рекомендации, направленные на формирование эффективной системы управления региональными цепями поставок Витебской области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Черенков В.И., Климовец О.В., Таничев А.В. Логистическая инфраструктура: от формирования понятия к построению исследовательской модели освоения Арктики // *Фундаментальные исследования*. – 2020. – № 3. – С. 142–151.

⁵ См. сноску № 4.

⁶ URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_135053/.

2. Теоретико-методическое обоснование оценки и развития логистической инфраструктуры / Р.Б. Ивуть, П.В. Попов, П.И. Лапковская, С.В. Прокопов // Наука и техника. – 2023. – Т. 22, № 1. – С. 69–78.
3. Попов П.В., Кравец А.Г. Алгоритм оценки уровня эффективности логистической инфраструктуры региона // Прикаспийский журнал: управление и высокие технологии. – 2021. – № 3. – С. 54–61.
4. Швалов П.Г., Лукиных В.Ф. К вопросу об идентификации логистической инфраструктуры на региональном уровне // Вестник КрасГА. – 2012. – № 5. – С. 9–13.
5. Фрейдман О.А. Анализ логистического потенциала региона. – Иркутск: ИрГУПС, 2013. – 164 с.
6. Бережная Л.Ю. Анализ логистического потенциала приграничного региона (на примере Оренбургской области) // Региональная экономика: теория и практика. – 2016. – № 7. – С. 62–75.
7. Рожко О.Н. Оценка логистического потенциала региона // Вестник экономики, права и социологии. – 2015. – № 3. – С. 72–75.
8. Разработка методики оценки логистического потенциала региона / И.И. Полещук, Т.Г. Зорина, И.В. Кашникова и др. // Труд. Профсоюзы. Общество = Labour. Trade Unions. Society. – 2015. – № 1. – С. 39–44.
9. Гулягина О.С. Логистический потенциал Витебского региона: оценка и перспективы роста // Экономика и управление. – 2015. – № 2. – С. 53–57.
10. Куган С.Ф. Логистический потенциал как фактор формирования конкурентоспособности региона // Технично-технологические проблемы сервиса. – 2020. – № 1. – С. 71–75.
11. Карпенко Е.М., Карпенко В.М., Петрович Н.Д. Анализ состояния и тенденции формирования логистической системы Республики Беларусь // Актуальные проблемы экономики и управления на предприятиях машиностроения, нефтяной и газовой промышленности в условиях инновационно-ориентированной экономики. – 2016. – Т. 1. – С. 262–276.
12. Яшева Г.А., Савосина А.А., Кондратьева В.Д. Анализ кластерного развития: европейский опыт для Республики Беларусь // Право. Экономика. Психология. – 2022. – № 3. – С. 26–33.
13. Веретенникова Е.С. Оценка логистического потенциала региона (на примере Витебской области) // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. D, Экономические и юридические науки. – 2021. – № 6. – С. 15–22.

Поступила 11.02.2025

**METHODOLOGY OF ANALYSIS OF FACTORS OF FORMATION
OF THE MANAGEMENT SYSTEM OF REGIONAL SUPPLY CHAIN
(ON THE EXAMPLE OF VITEBSK REGION)**

E. VERETENNIKOVA
(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

A methodology for analyzing the factors of forming a regional supply chain management system has been developed and tested using the example of the Vitebsk region. The novelty of the methodology lies in identifying key factors adapted to regional supply chains (economic development, supply of logistics resources, supply and demand in the logistics services market, the level of logistics informatization, the environmental component) and the corresponding indicators, followed by an analysis of their change trends, allowing to identify the rating of the Vitebsk region among other regions of the country, strengths and weaknesses and reserves for territorial growth, which are the basis for developing practical recommendations aimed at forming an effective system for managing regional supply chains in the Vitebsk region.

Keywords: *regional supply chains, supply chain management, regional supply chain management system, methodology, region, sustainable development.*

УДК 311:332

DOI 10.52928/2070-1632-2025-70-1-12-15

РАЗВИТИЕ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕЗИЛЬЕНТНОСТИ СТРАН

канд. экон. наук, доц. С.Ю. ВЫСОЦКИЙ
(Белорусский государственный экономический университет, Минск)
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6049-7632>

М.Р. ИВАНОВ
(Национальный статистический комитет Республики Беларусь, Минск)

В работе выполнена оценка детерминированности уровня экономической резильентности стран мира фактором «наука и технологии». Эмпирическая проверка гипотезы осуществлена с использованием метода аналитических группировок. Основанием группировки является многомерная оценка уровня развития науки и технологий, полученная методом Уорда (кластерный анализ). Результативная переменная – адаптированная авторами оценка Глобального индекса резильентности американской перестраховочной компании FM Global. Доказано существование высокой взаимосвязи между рассматриваемыми переменными. Более половины вариации экономической резильентности стран мира определяется фактором «наука и технологии».

Ключевые слова: экономическая резильентность, статистическая оценка, наука и технологии, экспертные оценки, кластерный анализ, аналитическая группировка, моделирование.

Введение. Современная экономическая ситуация характеризуется высокой степенью неопределенности и динамичности происходящих изменений. В таких условиях поддержание лидирующих позиций уровня социально-экономического развития и высоких стандартов жизни населения становится всё более затруднительным. Способность территорий сопротивляться кризисам и восстанавливаться в посткризисный период рассматривается в рамках научной концепции «экономическая резильентность территорий (регионов)» [1]. Считается, что территории с высоким уровнем резильентности обладают определенными характеристиками, свойствами, факторами, которые позволяют ей эффективнее справляться с кризисными ситуациями. При рассмотрении факторов экономической резильентности учеными отмечается, что развитая инновационная система помогает странам и регионам «сглаживать» последствия шоков и предопределять сравнительно позитивные тенденции экономического развития. Одновременно уровень развития науки и технологий играет определяющую роль в обеспечении долгосрочного экономического роста и конкурентоспособности стран. Это позволяет выдвинуть гипотезу о существовании прямой и высокой зависимости между оценками резильентности и уровнем развития науки и технологий стран мира.

Основная часть. Проверка выдвигаемой гипотезы вызывает необходимость детализации предполагаемого исследования. Структура настоящего исследования включает в себя три взаимосвязанных этапа.

На первом этапе исследования авторами адаптирована методика оценки Глобального индекса резильентности американской перестраховочной версии 2024 г. Преимущество использования методики данной компании обосновано в работе [1]. Необходимость адаптации методики вызвана отсутствием оценок уровня резильентности Республики Беларусь, а также наличием экспертных оценок по ряду индикаторов, что затрудняет процесс территориальной сопоставимости¹.

Глобальный индекс резильентности версии 2024 г. состоит из двух блоков индикаторов, первый из которых представляет собой агрегированную оценку имущественных и кибернетических рисков ведения хозяйственной деятельности на территории страны. В его состав включается 6 индикаторов. Сводная оценка второго блока показателей характеризует макроэкономические и политические риски производственной и инвестиционной деятельности (12). Авторами исследования сформирован информационный ресурс по 85 странам мира для оценки индексов резильентности в соответствии с установленными правилами [2]: определены показатели-аналоги, порядок их расчета, производители информации и др. В результате установлено, что наиболее устойчивыми к шокам оказались экономики Дании, Нидерландов, Швеции и Ирландии за 2022 г. Аутсайдерами рейтинга стали Мадагаскар, Пакистан, Иран и Лаосская Народно-Демократическая Республика. Такой результат был получен преимущественно низкими оценками производительности труда, затрат на здравоохранение и энергоёмкости экономики.

На втором этапе исследования авторами изучен опыт оценки эффективности организации инновационной деятельности. Установлено, что в международной практике для оценки уровня инновационности широко используют Глобальный индекс инноваций². В состав индекса входят ряд блоков, каждый из которых характеризует общество, человеческий капитал, инфраструктуру, развитие рынка, развитие предпринимательства, результат использования знаний и технологий, результат творческой деятельности. Для оценки уровня развития науки, инноваций и технологий в странах исследования авторы используют данные блока «Результат использования знаний

¹ Белстат на сессии ООН призвал к улучшению качества работы кастодиальных агентств [Электронный ресурс]. – URL: <https://belstat.by/society/view/belstat-na-sessii-oon-prizval-k-uluchsheniju-kachestva-raboty-kastodialnyh-agentstv-700538-2025/> (дата обращения: 08.03.2025).

² URL: <https://www.wipo.int/publications/ru/series/index.jsp?id=129>.

и технологи». Он, в свою очередь, состоит из трех блоков показателей: создание инновационного потенциала страны (далее – создание инноваций), влияние инноваций на экономику страны (далее – влияние инноваций) и распространение результатов использования инновационных разработок (далее – распространение инноваций).

Создание инноваций включает в себя следующие показатели: количество заявок в национальных патентных ведомствах и по договору о патентной кооперации в расчете на валовой внутренний продукт, измеренный по паритету покупательской способности (ВВП по ППС); количество заявок, полученных резидентами в национальном патентном ведомстве в расчете на ВВП по ППС; количество статей в научно-технических журналах в расчете на ВВП по ППС; Н-индекс: показатель цитирования научных статей.

Влияние инноваций структурно и содержательно состоит из показателей: темп роста производительности труда, измеренного по валовому внутреннему продукту за последние пять лет; количество новых зарегистрированных фирм с ограниченной ответственностью в расчете на численность населения трудоспособного возраста; расходы на компьютерное программное обеспечение в процентах от ВВП; количество выданных сертификатов ISO 9001 в расчете на ВВП по ППС.

Распространение инноваций характеризуется следующими показателями: среднегодовые суммарные сборы за использование интеллектуальной собственности в процентах от общего объема торговли за три года; индекс экономической сложности; объем высокотехнологичного экспорта в процентах от общего объема торговли; экспорт телекоммуникаций, компьютерных и информационных услуг в процентах от общего объема торговли.

По описанной выше системе показателей выполнена многомерная классификация 85 стран мира, основанная на методе Уорда [3]. Страны разделены на 3 группы: «инновационные лидеры» (1 кластер), «технологически ориентированные» (2 кластер), «на пути к инновациям» (3 кластер); их состав представлен в таблице 1 и записан в соответствии с сокращениями, принятыми в ОКРБ 017-99 «Страны мира».

Таблица 1. – Состав кластеров (по коду страны в соответствии с ОКРБ 017-99 «Страны мира»)

Название и номер кластера	2012	2022
Инновационные лидеры (кластер №1)	BEL, CAN, CHN, DNK, EST, FRA, DEU, IRL, ISR, JPN, NLD, SWE, GBR, USA	AUT, BEL, CAN, CHN, CZE, DEU, DNK, FRA, GBR, IRL, ISR, ITA, JPN, NLD, SWE, USA
Технологически ориентированные (кластер №2)	ARM, AUS, AUT, BGR, BLR, BOL, BRA, CHL, CRI, CZE, ESP, GEO, HRV, HUN, IND, ITA, LTU, LVA, MDA, MKD, MYS, POL, PRY, ROU, RUS, SRB, SVK, SVN, THA, TUR, UKR, VNM, ZAF	AUS, BGR, BIH, BLR, BRA, CHL, CRI, ESP, EST, GRC, HRV, HUN, IND, IRN, LTU, LVA, MAR, MDA, MEX, MKD, MYS, PHL, POL, ROU, RUS, SRB, SVK, SVN, THA, TUR, UKR, URY, VNM, ZAF
На пути к инновациям (кластер №3)	AGO, ALB, BEN, BGD, BIH, BWA, CMR, COL, ECU, EGY, GHA, GRC, GTM, HND, IDN, IRN, JAM, KAZ, KEN, KGZ, KHM, LAO, MAR, MDG, MEX, MNG, NGA, NPL, PAK, PAN, PER, PHL, RWA, SEN, SLV, TGO, URY, UZB	AGO, ALB, ARM, BEN, BGD, BOL, BWA, CMR, COL, ECU, EGY, GEO, GHA, GTM, HND, IDN, JAM, KAZ, KEN, KGZ, KHM, LAO, MDG, MNG, NGA, NPL, PAK, PAN, PER, PRY, RWA, SEN, SLV, TGO, UZB

Источник: составлено на основании данных³.

Обоснованность разбиения на три кластера подтверждается оцененными функционалами качества [4] и различиями в средних показателях (рисунки 1 и 2).

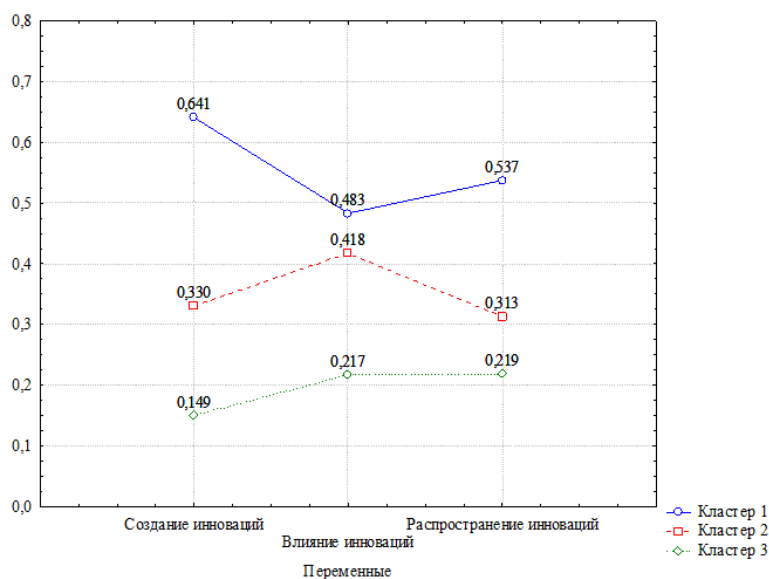

Рисунок 1. – Средние значения обобщающих коэффициентов по кластерам 2012 г.

³ URL: <https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/klassifikatory/oksm.pdf>.

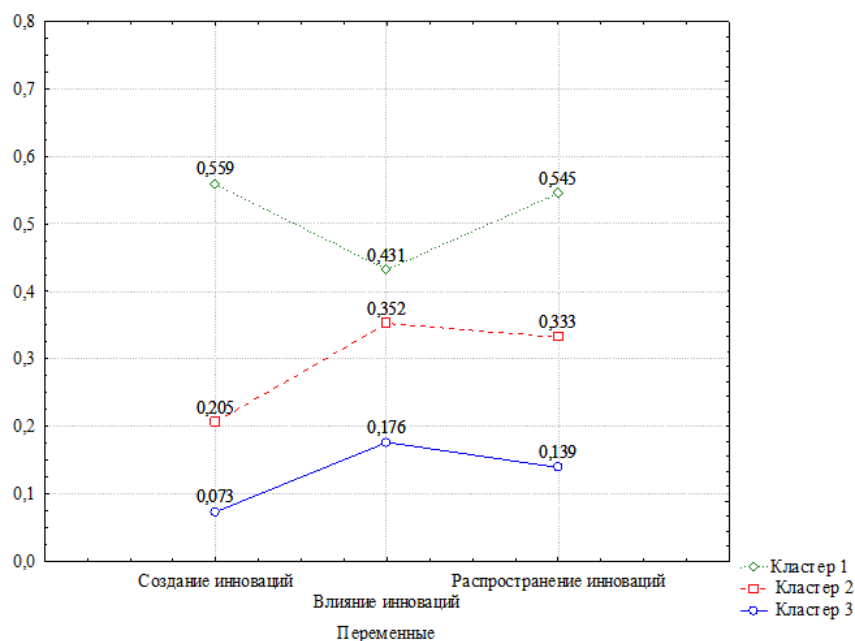

Рисунок 2. – Средние значения обобщающих коэффициентов по кластерам 2022 г.

По данным рисунка 1 видно, что сложнее всего достичь результатов по созданию инноваций странам из кластера «На пути к инновациям». Это и не удивительно, ведь более быстрое повсеместное создание и внедрение инноваций происходит лишь с использованием более наукоемких знаний и технологий. «Инновационные лидеры» занимают лидирующие позиции в разработке и внедрении инновационных технологий. Они создают передовые продукты и услуги и играют ключевую роль в формировании глобальных технологических трендов. «Технологически ориентированные» активно применяют и адаптируют существующие технологии для улучшения экономики и качества жизни. Страны данной категории успешно интегрируют инновации в различные отрасли, поддерживают развитие IT-сектора и демонстрируют стабильный рост использования технологий. Страны, отнесенные в группу «На пути к инновациям», находятся на начальном этапе развития в сфере знаний и технологий. Они начинают осваивать новые технологии и предпринимают первые шаги в направлении инновационного развития. Эти страны имеют потенциал значительного роста и улучшения своих позиций в будущем.

Сравнительный анализ данных рисунков 1 и 2, позволяет сделать вывод, что страны кластеров «Инновационные лидеры» и «Технологически ориентированные» приросли за десять лет только по показателям распространения инноваций. Страны третьего кластера потеряли по всем индикаторам развития науки и технологий. Несмотря на схожее соотношение средних значений коэффициентов по трем кластерам, расстояние в развитии между ними преимущественно возросло.

Следует отметить, что состав кластеров существенно не изменился за десятилетие.

Тем не менее, как показывают данные таблицы 1, 15 из 85 стран ухудшили или улучшили свои показатели и перешли в другой кластер. Переход из инновационных лидеров в кластер «Технологически ориентированные» осуществила лишь Эстония. Обратное движение – подъем из «Технологически ориентированные» в «Инновационные лидеры» – отмечается для Австрии, Чехии и Италии. Еще 4 страны сдали свои позиции из 2 кластера в 3 – Армения, Боливия, Грузия и Парагвай. На пути к инновациям доросли до технологически ориентированных больше всего стран: Босния и Герцеговина, Греция, Иран, Марокко, Мексика, Филиппины и Уругвай.

На третьем этапе работы проверяется гипотеза о существовании зависимости между уровнем развития науки и технологий и степенью резильентности стран мира. Для этого авторами исследования построена аналитическая группировка стран по уровню развития науки и технологий, где результирующей переменной выступает средний уровень резильентности.

Таблица 2. – Группировка стран мира по уровню развития науки и технологий за 2012 и 2022 гг.

Название кластера	Число стран		Средний уровень резильентности, коэф.	
	2012	2022	2012	2022
Инновационные лидеры (кластер №1)	14	16	0,793	0,830
Технологически ориентированные (кластер №2)	33	34	0,650	0,695
На пути к инновациям (кластер №3)	38	35	0,544	0,601
Итого	85	85	0,626	0,682

Из данных, представленных в таблице 2, прослеживается, что при переходе к группе стран с более высоким уровнем развития науки и технологий увеличивается и степень экономической устойчивости стран к кризисам.

С целью эмпирической верификации данной зависимости авторами рассчитаны коэффициенты детерминации и эмпирического корреляционного отношения. Коэффициент детерминации представляет собой соотношение межгрупповой и общей дисперсий, как это отмечено в формуле (1):

$$\eta^2 = \frac{S_{\text{меж}}^2}{S_{\text{общ}}^2}, \quad (1)$$

где $S_{\text{меж}}^2$ – межгрупповая дисперсия,
 $S_{\text{общ}}^2$ – общая дисперсия.

Межгрупповая дисперсия характеризует различия в вариации уровней экономической резильентности в зависимости от степени развития науки и технологий, а общая – в зависимости от всех факторов. Таким образом, коэффициент (1) показывает долю вариации уровня экономической резильентности стран мира от степени развития науки и технологий.

Результаты расчетов показывают, что коэффициенты детерминации составили 60,22% за 2012 г. и 59,44% за 2022 г. Это доказывает, что порядка 60% вариации значений резильентности определяются уровнем развития науки и технологий и лишь 40% – прочими факторами.

Для оценки степени зависимости между уровнем развития науки и резильентности может быть использовано и эмпирическое корреляционное отношение (2):

$$\eta = \sqrt{\frac{S_{\text{меж}}^2}{S_{\text{общ}}^2}} = \sqrt{\eta^2}. \quad (2)$$

В результате расчета коэффициента (2) получены оценки 0,776 и 0,771 за 2012 и 2022 гг., соответственно. В соответствии со шкалой Чеддока [4, с. 73], связь между уровнем экономической резильентности и степенью развитием науки и инноваций следует признать высокой. Гипотезу следует признать доказанной.

Заключение. Проведенное исследование дополняет серию публикаций по анализу факторов (детерминант) экономической резильентности территорий. Традиционно для моделирования факторов инновационного развития на уровень экономической резильентности используются методы эконометрики. Результаты исследования получаются непредсказуемыми, что во многом объясняется высокой неоднородностью рассматриваемых переменных. В настоящей работе предпринята попытка нивелировать данный недостаток за счет синтеза методов одномерных и многомерных группировок. Метод кластерного анализа позволил разделить страны мира по множеству переменных, характеризующих уровень развития науки и технологий. Далее использован метод аналитических группировок для оценки степени взаимосвязи между уровнем экономической резильентности стран и развитием науки и технологий. В результате установлено, что характеристики развития региональной инновационной системы во многом определяют степень устойчивости экономик стран мира к шоку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Высоцкий С.Ю. Методика статистической оценки индекса резильентности территорий // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Эконом. и юрид. науки. – 2023. – № 1(63). – С. 16–20. – DOI: <https://doi.org/10.52928/2070-1632-2023-63-1-16-20>.
2. Высоцкий С.Ю. Формирование информационного ресурса для оценки резильентности регионов // Науч. тр. Респ. ин-та высш. шк. Философско-гуманитарные науки. – 2023. – № 22. – С. 259–268.
3. Сошникова Л.А., Шарилова Е.Е. Многомерный статистический анализ: практикум. – Минск: Белор. гос. экон. ун-т, 2024. – 230 с.
4. Статистика: учеб.-метод. пособие / А.Г. Кулак, Е.Е. Шарилова, С.Ю. Высоцкий и др. – Минск: Белор. гос. аграр. техн. ун-т, 2018. – 308 с.

Поступила 20.02.2025

DEVELOPMENT OF SCIENCE AND TECHNOLOGY AS A FACTOR OF ECONOMIC RESILIENCE OF COUNTRIES

S. VYSOTSKY

(Belarus State Economic University, Minsk)

M. IVANOU

(National Statistical Committee of the Republic of Belarus, Minsk)

The paper assesses the determinism of the level of economic resilience of countries of the world by the factor "science and technology". The empirical verification of the hypothesis was carried out using the method of analytical groupings. The basis of the grouping is a multidimensional assessment of the level of development of science and technology obtained by the Ward method (cluster analysis). The result variable is the assessment of the Global Resilience Index of the American reinsurance company FM Global, adapted by the authors. The existence of a high interrelation between the variables under consideration has been proven. More than half of the variation in the economic resilience of countries around the world is determined by the factor "science and technology".

Keywords: economic resilience, statistical assessment, science and technology, expert assessments, cluster analysis, analytical grouping, modeling.

УДК 330.341.2

DOI 10.52928/2070-1632-2025-70-1-16-19

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЗЕЛЕННОЙ ЭКОНОМИКИ: ОПЫТ КИТАЯ

канд. экон. наук, проф. И.П. ДЕРЕВЯГО, БОЯН ЧЖОУ
(Белорусский государственный университет, Минск)
Игорь Деревяго ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3170-0512>

Формирование зеленой экономики рассматривается в качестве одного из важнейших факторов перехода к устойчивому развитию. Данный процесс сдерживается наличием ряда проблем, большинство из которых носят институциональный характер. В статье рассмотрены основные институциональные аспекты, которые обуславливают неконкурентоспособность зеленого сектора в современной экономике. Главным образом это касается неспособности рыночного регулирования в полной мере учесть долгосрочные цели развития. Опыт Китая показывает, что формирование институциональной среды с учетом долгосрочных интересов общества на основе сильной роли государства является важным фактором успешного развития зеленой экономики.

Ключевые слова: *возобновляемая энергетика, зеленая экономика, инвестиции, институты, устойчивое развитие.*

Введение. Развитие концепции зеленой экономики и внедрение её принципов в практическую деятельность стало реакцией общества на обострение экологических проблем, включая истощение природных ресурсов, загрязнение окружающей среды, изменение климата. На сегодняшний день большинство стран мира рассматривают формирование зеленой экономики в качестве одного из приоритетов долгосрочного социально-экономического развития. Не является исключением и Республика Беларусь, действия которой в данной сфере с 2016 года регулируются на уровне правительства согласно соответствующим пятилетним планам действий.

Как показывает практика, формирование зеленой экономики сталкивается с рядом проблем как методологического, так и прикладного характера. К первым можно отнести неопределенность с самим понятием зеленой экономики, выделением четких границ зеленого сектора в экономической системе, размытость подходов к оценке эффекта от инвестиций в зеленую экономику и пр. Следствием этого становится возникновение второго типа проблем, которые часто, в той или иной мере, носят институциональный характер. Успешное решение указанных проблем требует изучения опыта лидеров в развитии зеленой экономики, среди которых на сегодняшний день особенно выделяется Китайская Народная Республика (КНР).

Институциональный фактор в развитии зеленой экономики. Несмотря на наличие технических и ресурсных проблем, ключевым препятствием на пути развития зеленой экономики выступает слабая институционализация экологического эффекта в рамках современной экономической системы. Отличительной чертой зеленого сектора является направленность на улучшение экологических результатов деятельности, которые часто носят долгосрочный характер и не всегда могут быть трансформированы в текущий финансовый поток. Это снижает его конкурентоспособность по сравнению с традиционным сектором в условиях современного рынка. Поэтому развитие зеленой экономики во многом зависит от наличия эффективной системы государственной поддержки. При этом господдержка может считаться эффективной в той мере, в которой она устраняет недостаточную конкурентоспособность зеленого сектора экономики, обусловленную причинами институционального характера. Иными словами, зеленые инвестиции могут оказаться менее эффективными не потому, что направлены на развитие менее производительных технологий, а потому что существующая система экономических институтов, включая особенности государственного регулирования, не нацелена на стимулирование ресурсоэффективности и экологической безопасности. В данном контексте можно выделить три ключевых аспекта.

Первый и наиболее фундаментальный аспект связан с потребительской ориентацией современных экономических институтов в целом. Под экономическими институтами, как правило, понимается широкая совокупность формальных и неформальных норм и правил, которые регулируют экономическое поведение. Не сегодняшний день их содержание во многом обусловлено развитием и ростом популярности экономики благосостояния, принципы которой стали доминировать в экономической политике западных стран с середины XX века. В основе данного подхода лежит положение о необходимости справедливого распределения доходов и обеспечения необходимого уровня потребления для всех слоев населения. Наряду с ростом влияния кейнсианских идей, это привело к тому, что в современном обществе постоянное увеличение потребления рассматривается в качестве ключевого фактора экономического прогресса, а эффективность экономических институтов определяется тем, насколько они способствуют данной цели.

Особое место среди экономических институтов занимает налогово-бюджетная политика. Учитывая значительную роль государства в современной экономике размер и структура налогов и бюджетных субсидий оказывает существенное влияние на структуру цен и доходность инвестиций. И если до начала XX века основу фискального регулирования составляли налоги на ресурсы и потребление, то на сегодняшний день в большинстве государств преобладают поступления от налогов на прибыль, доходы, добавленную стоимость [1]. В результате потребительская направленность современных экономических институтов изначально предопределяет преимущества ресурсоемких видов деятельности, даже при условии нейтральности технологического фактора.

Очевидно, что успешное развитие зеленых технологий требует коренных институциональных преобразований, важнейшим элементом которых должна стать экологически ориентированная реформа налогово-бюджетной политики [3]. Во многих странах, в том числе КНР, подобные преобразования становятся важным стимулом развития зеленых технологий. Хотя часто такие меры не являются последовательными, а государственная поддержка зеленого сектора может сопровождаться одновременными субсидиями для экологически опасных видов деятельности.

Второй аспект касается характера учета рисков при принятии решений. Современная институциональная система в большей степени ориентирована на краткосрочные цели, в то время как зеленый сектор часто ориентирован на достижение долгосрочных результатов и требует долгосрочных инвестиций, которые являются более рискованными с позиции традиционной рыночной логики. Кроме того, дополнительный риск зеленых инвестиций обусловлен необходимостью разработки и внедрения принципиально новых для традиционной экономики процессов и бизнес-моделей, усиливая фактор неопределенности. Одновременно одним из главных аргументов в пользу развития зеленой экономики выступает её потенциал для снижения экологических рисков, обусловленных традиционной экономической деятельностью. Однако существующие экономические институты не учитывают данные риски в полной мере, что обуславливает недооценку эффективности зеленого сектора [6].

Максимально полный охват рисков при принятии инвестиционных решений, по сути, представляет их институционализацию, что будет способствовать как формированию необходимых финансовых институтов, так и повышению соответствия оценочной системы требованиям экологической устойчивости. На практике это означает развитие сферы финансовых услуг по управлению рисками зеленого финансирования, в том числе в сфере страхования, усиление роли финансовых организаций, ориентированных на долгосрочные вложения, таких как Банки развития, пенсионные фонды и пр., совершенствование рыночных механизмов в отношении зеленых товаров и услуг.

Последнее положение предопределяет *третий аспект*, который касается институционального регулирования зеленого сектора. Зеленые товары и услуги по своим свойствам часто не до конца соответствуют характеристикам рыночных благ, что снижает их конкурентоспособность на традиционных рынках, а также затрудняет формирование специальных зеленых рынков.

Негативное влияние институционального фактора на конкурентоспособность зеленых продуктов можно продемонстрировать на примере рынка электроэнергии. Во многих странах его организация предполагает очередность для поставщиков электричества. Возобновляемые источники, производительность которых зависит от погодных условий и не является регулярной, как правило, относятся к первой очереди. Соответственно, они продают электроэнергию в условиях относительного избытка предложения, когда рыночные цены сравнительно низкие. В то же время традиционные источники (газовые станции), которые могут поставлять электричество вне зависимости от погодных условий, восполняют дефицит в условиях нехватки предложения, продавая энергию по сравнительно высоким ценам [2]. Как результат, существующие рыночные институты предопределяют более низкую конкурентоспособность зеленого сектора.

Стоит отметить, что многие зеленые товары и услуги в принципе не согласуются с рыночными отношениями, соответственно, их производство требует нерыночного институционального регулирования. В то же время в отдельных сферах зеленого сектора формирование успешного рынка вполне возможно. В качестве примера можно рассматривать рынок углерода. При этом организация торговли квотами на выбросы CO₂ требует значительных административно-технических усилий, что не позволяет её рассматривать как исключительно рыночную деятельность. Успех данного рынка во многом зависит от спроса со стороны экологически ориентированных потребителей. Как показывает анализ в географическом разрезе, наибольшее развитие рынок углерода получил в Европе, тогда как на торговых площадках Азии и США, активность торговли и цены существенно ниже¹. В данном плане институты играют определяющую роль в формировании спроса.

Особенности политики КНР в области развития зеленой экономики. На сегодняшний день КНР является одним из мировых лидеров в сфере зеленой экономики. В таблице представлены основные показатели динамики её развития за 2012–2022 гг.

Таблица – Динамика развития зеленой экономики в Китае за 2012–2022 гг.

Индикатор развития зеленой экономики	2012	2017	2022	Темпы роста 2022/2012, %
Зеленый ВВП (трл юаней)	12,7	21,2	31,3	246,5
Доля зеленого ВВП в ВВП (%)	8,4	11,6	14,6	173,8
Потребление возобновляемых источников энергии (млн тонн стандартного угля)	3,7	5,5	8,3	224,3
Доля возобновляемых источников энергии в общем потреблении энергии (%)	11,4	14,3	17,4	152,6
Потребление энергии на единицу ВВП (кг условного угля на 10 000 юаней)	0,82	0,62	0,48	58,5
Выбросы CO ₂ на единицу ВВП (кг на 10 000 юаней)	2,71	2,09	1,63	60,1
Лесистость (%)	21,6	22,9	24,1	111,6
Инвестиции в охрану окружающей среды (млрд юаней)	1,1	2,3	4,2	381,8
Количество зеленых патентов (тыс.)	24,7	54,2	102,1	413,4

Источник: составлено по данным National bureau of Statistics in China.

¹ Global finance and development report 2024. URL: <https://acoes.uibe.edu.cn/docs/2024-11/7333c97f9f124f48b6e79437247e37e1.pdf>.

Как можно увидеть, в последнее десятилетие наблюдается как значительный рост непосредственно зеленого сектора экономики (его доля в ВВП выросла на 73,8%), так и улучшение показателей экологической и ресурсной эффективности китайской экономики в целом.

Выделяя основные драйверы роста стоит отметить энергетику и транспортную отрасль. По оценкам консалтинговой компании LSEG виды деятельности, связанные с первой, составляют почти 60% выпуска зеленого сектора, а отнесенные ко второй – 22%². В сумме энергетика и транспорт составляют более 80% зеленой экономики на современном этапе. Китайское правительство уделяет данным отраслям особое внимание, что позволило Китаю захватить и укрепить лидерство как в сфере возобновляемой энергетики, так и на рынке электротранспорта. На рисунке представлена структура и динамика инвестиций в сфере энергетики в Китае, США и Европейском Союзе. Как можно увидеть, Китай не только опережает основных конкурентов в абсолютном выражении, но существенно нарастил темпы роста, увеличив отрыв за последние 5 лет.

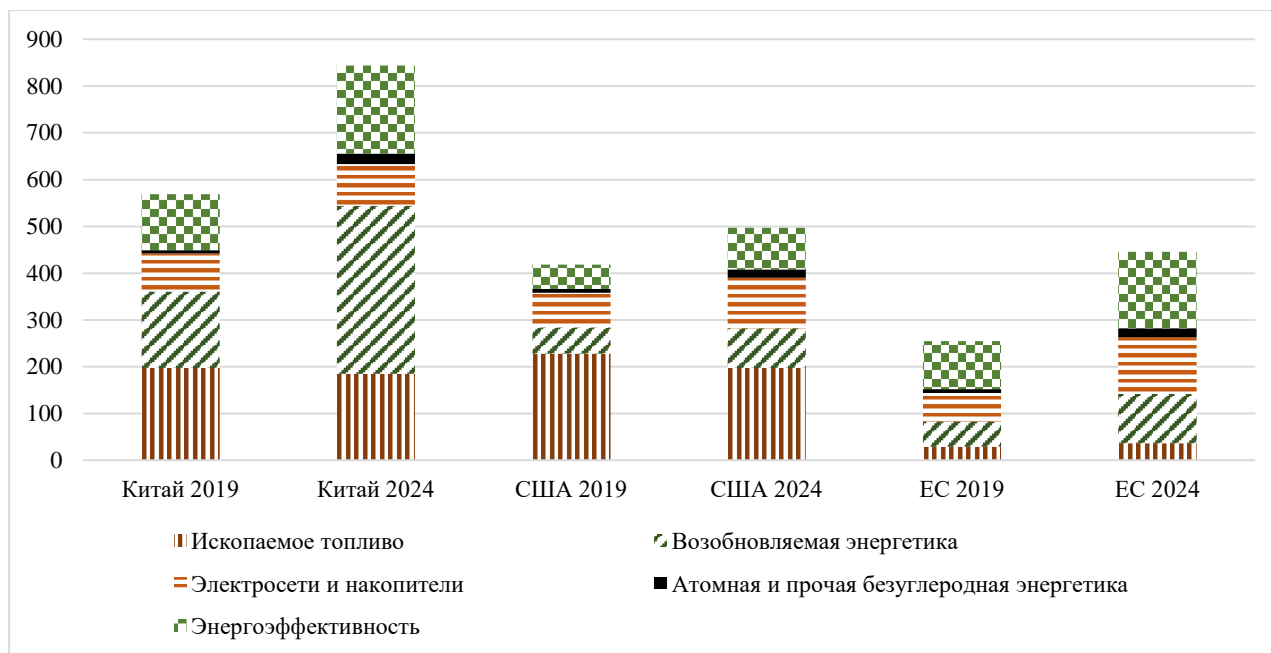

Рисунок – Инвестиции в энергетику, млрд долл. США в год

Источник: составлено по данным Международного энергетического агентства³

Успехи Китая в области зеленой экономики в последние годы особенно выделяются на фоне повышенной неопределенности и недостаточной динамики её развития в США и Европе. Такие различия во многом объясняются институциональными факторами. Несмотря на наличие мер государственной поддержки, Европейский Союз и США гораздо больше полагаются на рыночные институты. Учитывая, что последние ориентированы в первую очередь на краткосрочные финансовые интересы, зеленый сектор часто проигрывает в конкурентоспособности. В китайской экономике в формировании институциональной среды значительно большую роль играет государственное регулирование, которое позволяет намного лучше рынка учитывать долгосрочные приоритеты в принятии решений.

Ряд элементов экономической политики, которые способствовали успеху Китая в области зеленой экономики, можно рассматривать в разрезе перечисленных трех аспектов институционального регулирования. В первую очередь это касается содержания фискальной политики. Одним из важнейших факторов быстрого развития зеленого сектора стала значительная бюджетная поддержка. Она проявляется в самых различных формах и включает в себя:

- государственное финансирование исследований в области зеленой экономики;
- прямую финансовую поддержку производителям зеленого сектора, без которой они вряд ли смогли бы конкурировать на рынке;
- субсидии потребителям при покупке зеленых товаров, в частности, электромобилей и пр. [4].

Кроме прямой поддержки в КНР существенное внимание уделяется косвенным мерам повышения конкурентоспособности зеленого сектора. В данном контексте особое внимание уделяется снижению рисков зеленых инвестиций. В стране разработана соответствующая нормативная база и активно развивается инфраструктура в сфере зеленого финансирования, которая охватывает систему кредитования, привлечения средств через зеленые

² URL: https://www.lseg.com/content/dam/lseg/en_us/documents/sustainability/investing-in-green-economy.pdf.

³ URL: <https://www.iea.org/data-and-statistics/charts/annual-investment-in-clean-energy-by-selected-country-and-region-2019-and-2024>.

облигации, управление зелеными инвестиционными фондами, страхование и пр. Одними из важнейших элементов данной инфраструктуры выступают Банк Китая и Банк развития Китая, крупнейшие кредиторы зеленого сектора, способные предоставлять финансовые ресурсы под минимальный процент и на длительный срок.

Наличие развитой финансовой инфраструктуры позволило Китаю существенно снизить риски зеленого финансирования и нарастить его объемы. В частности, с 2019 по 2024 гг. доля зеленых кредитов в общем портфеле банковской системы КНР выросла с 6 до 14%⁴. В отношении остальных инструментов зеленого финансирования также наблюдается рост, что способствует активному развитию зеленой экономики.

Несмотря на сильную роль государства, Китай не исключает использования рыночных методов регулирования в зеленом секторе. В частности, создание национальной системы торговли квотами на выбросы углекислого газа рассматривается как важный инструмент снижения стоимости сокращения выбросов [5]. Тем не менее, рыночные инструменты имеют ограниченное применение и используются только там, где они способствуют повышению конкурентоспособности зеленой экономики. По этой причине Китай, например, не применяет рыночное ценообразование в отношении возобновляемой энергетики. Стабильные тарифы на электричество, а также значительные инвестиции в инфраструктуру, необходимую для передачи электроэнергии на большие расстояния, чтобы избежать недоиспользования мощностей, позволяют поддерживать эффективность солнечной и ветрогенерации [4]. В результате динамика развития отрасли меньше зависит от конъюнктурных колебаний рынка, что позволило КНР за последние годы существенно нарастить потенциал возобновляемой энергетики, значительно обогнав остальные страны.

Заключение. Рассматривая институты как ключевой фактор успешности развития зеленой экономики, важно понимать, как институциональная среда в разных странах влияет на её формирование. Рыночные институты часто оказываются не способными учесть долгосрочные интересы общества, включая необходимость достижения экологической устойчивости. Пример Китая показывает, что определяющая роль государства в формировании институциональной среды способствует более стабильному и динамичному развитию зеленого сектора. В этой связи опыт КНР может сыграть важную роль в повышении эффективности политики Республике Беларусь в области зеленой экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Adams C. For good and evil: the impact of taxes on the course of civilization; 2nd ed. – Seattle: Madison books, 2001. – 541 p.
2. Christophers B. The Price is Wrong: Why Capitalism Won't Save the Planet. – New York: Verso Books, 2024 – 432 p.
3. Daly H. From Uneconomic Growth to a Steady-State Economy. – New York: Edward Elgar, 2014. – 272 p.
4. Sanderson H. Volt Rush: The Winners and Losers in the Race to Go Green. – London: Oneworld Publications, 2022. – 304 p.
5. Бин Лю, Минцзе Цзя, Ин Чжан. Рыночное экологическое регулирование и корпоративные зеленые инновации: данные пилотных проектов торговли выбросами углерода // Экономика технологий – 2023. № 42(2). – С. 53–63.
6. Деревяго И.П. Зеленые инвестиции в Республике Беларусь: драйверы и барьеры // Белорусский экономический журнал. – 2024. – № 2. – С. 68–80. DOI: <https://doi.org/10.46782/1818-4510-2024-2-68-80>.

Поступила 21.02.2025

INSTITUTIONAL ASPECTS OF GREEN DEVELOPMENT FORMATION: EXPERIENCE OF CHINA

I. DZERAVIAHA, BOYANG ZHOU
(Belarusian State University, Minsk)

Formation of a green economy is considered as one of the factors of economic transition to sustainable development. This process is constrained by a number of problems, most of which are of an institutional nature. The article examines the main institutional aspects that determine the lack of competitiveness of the green sector in the modern economy. This mainly concerns the inability of market regulation to fully take into account long-term development goals. China's experience shows that the creation of an institutional environment taking into account the long-term interests of society based on the strong presence of the state is a prerequisite for the successful development of a green economy.

Keywords: renewable energy, green economy, investment, institutions, sustainable development.

⁴ URL: <https://blogs.griffith.edu.au/asiainsights/china-green-finance-status-and-trends-2024-2025/>.

УДК 339.137.2+658.86

DOI 10.52928/2070-1632-2025-70-1-20-27

**СТРАТЕГИЧЕСКИЙ КОНКУРЕНТНЫЙ АНАЛИЗ ОПТОВОЙ ТОРГОВЛИ
МЕДИЦИНСКИМ ОБОРУДОВАНИЕМ И ИНСТРУМЕНТАРИЕМ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ
И ВЫЯВЛЕНИЕ КЛЮЧЕВЫХ ФАКТОРОВ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ
ОРГАНИЗАЦИЙ ОТРАСЛИ**

К.В. РЕВЯКО, И.В. БЕРЕСТЕНЬ, канд. экон. наук, доц. О.Н. ЕРОФЕЕВА
(Белорусский государственный университет, Минск)

Кирилл Ревяко ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-4109-9363>

Иван Берестень ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-6993-7488>

Оксана Ерофеева ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-4333-8017>

В статье представлены результаты комплексного стратегического исследования оптовой торговли медицинским оборудованием и инструментарием в Республике Беларусь. Определены основные структурные показатели отраслевого рынка. На основе анализа количественных и качественных характеристик рынка с использованием данных по рынку оборудования и инструментария для лапароскопии и гистероскопии определена степень рыночной концентрации и интенсивности конкуренции, выявлены ключевые поставщики и дилеры медицинского оборудования, проведена оценка конкурентной среды с использованием модели пяти сил М. Портера. Особое внимание уделено выявлению и анализу факторов, формирующих конкурентные преимущества компаний на рынке. Определены важнейшие движущие силы развития отрасли с учетом особенностей ее регулирования. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов при разработке стратегий развития организаций оптовой торговли, а также при обосновании возможных направлений повышения их конкурентоспособности.

Ключевые слова: стратегический анализ, оптовая торговля медицинским оборудованием и инструментарием, рыночная концентрация, конкурентная среда, модель пяти сил М. Портера, индекс Херфиндала – Хиршмана, индекс Линда, ключевые факторы успеха, конкурентные преимущества.

Введение. Успешное функционирование и развитие конкурентоспособных организаций является важным фактором обеспечения конкурентоспособности национальной экономики. Стратегическое управление конкурентоспособностью организаций базируется на методически обоснованной разработке и эффективной реализации организационных стратегий (как корпоративной, так и деловых и функциональных). При этом в организациях Республики Беларусь с государственной долей собственности менее 25% стратегия развития существует, но не оформлена в 39% случаев; существует и оформлена как документ в 35% и на четверти предприятий нет стратегии. На предприятиях с государственной долей более 25% данное распределение составляет 63%, 19% и 18% соответственно [1, с. 20–21], что свидетельствует о высокой актуальности вопросов методической и информационной поддержки стратегического управления для повышения конкурентоспособности организаций.

Целью исследования является изучение методических основ стратегического конкурентного анализа для разработки конкурентной стратегии организации и выполнение стратегического анализа рыночной среды и структуры отраслевого рынка в динамике. Объектом углубленного стратегического исследования избран рынок медицинского оборудования для лапароскопии и гистероскопии. Исследование позволяет обеспечить аналитическую и эмпирическую поддержку для выполнения стратегического анализа, а также выявления стратегических направлений развития и обоснования стратегий развития организаций оптовой торговли медицинским оборудованием.

Основная часть. Интенсивное развитие медицинских технологий и оборудования существенно трансформирует подходы к диагностике и лечению заболеваний, тем самым открывая новые возможности для повышения эффективности медицинской помощи, а обеспеченность медицинской техникой выступает значимым фактором, определяющим качество, доступность и эффективность оказания медицинской помощи населению. При этом технологическое обеспечение медицинских учреждений рассматривается как система, включающая не только само оборудование, но и механизмы его распределения, обслуживания и модернизации. Технологическая модернизация медицинских учреждений способствует повышению точности диагностики, сокращению сроков лечения и реабилитации пациентов, минимизации рисков врачебных ошибок.

Согласно открытой статистике, опубликованной Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь, по состоянию на 1 января 2022 г. в сфере оптовой торговли медицинскими, хирургическими и ортопедическими инструментами и приспособлениями количество торгующих организаций составляло 319 единиц. Рассматривая рынок оптовой торговли медицинским оборудованием и инструментарием Республики Беларусь укрупненно, можно отметить, что в 2021 г. продано медицинских, хирургических и ортопедических инструментов и приспособлений на общую сумму 682,6 млн. руб., что составляет 0,7% от общего оптового товарооборота. При этом из них продано товаров отечественного производства – 117,3 млн. руб., что составляет 17,2% от общего объема продаж; продано на внутреннем рынке – 591,8 млн. руб., что составляет 86,7% от общего объема продаж¹.

¹ URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/78f/5migt3215da94ghuvfwo363c86wf8kuy.pdf>

На рынке медицинского оборудования и инструментария представлено большое количество продавцов и покупателей. Продукция является дифференцированной – она различна по назначению, производителю и цене, что в конечном итоге влияет на востребованность соответствующих видов изделий среди учреждений системы здравоохранения Республики Беларусь. При этом продавцами на рынке могут выступать как сами заводы-изготовители (например, Инженерно-промышленное частное унитарное предприятие «КАРДИАН» – белорусский производитель кардиодиагностических систем и оборудования), так и дилеры, выступающие квалифицированными посредниками на пути к конечному потребителю. В результате оценки выявленных качественных факторов структуры рынка можно сделать вывод, что рынок медицинского оборудования близок по структуре к рынку монополистической конкуренции, где присутствует высокая конкуренция, но каждый производитель имеет возможность дифференциации за счет качества и уникальных характеристик своей продукции. Дополнительными барьерами для защиты конкурентных преимуществ на рассматриваемом рынке служат механизмы патентования и возможные ограничения доступа к рыночной информации.

Стратегический конкурентный анализ является этапом стратегического управления и традиционно предполагает выявление основных экономических характеристик отраслевого рынка (размер и темпы роста, количество и размеры организаций-участников рынка, влияние темпов технологических изменений, степень дифференциации товаров (услуг), наличие эффекта обучаемости, условия входа в отрасль и выхода из нее), исследование движущих сил развития отрасли, основных конкурентных сил (по модели пяти сил Портера либо её модификациям), стратегических групп и критических факторов успеха, других значимых параметров отраслевого рынка (см. [2, с. 101–102; 2, с. 120; 3, с. 83–92]). Получение надежных данных для выполнения анализа сопряжено с рядом трудностей, но является критически значимым для исследования.

С учетом высокой дифференциации продукции на рынке медицинского оборудования целесообразно проводить анализ по отдельным сегментам рынка. Для дальнейшего количественного анализа избран рынок оборудования и инструментария для лапароскопии и гистероскопии – минимально инвазивных хирургических процедур. Оптовая торговля осуществляется лапароскопами, гистероскопами, троакарами, щипцами, ножницами, крючками, захватами и другими видами продукции, на рынке представлены сотни ассортиментных позиций. Среди основных производителей, изделия которых представлены на рынке Республики Беларусь, можно выделить немецкие Karl Storz SE & Co. KG, Ackermann Instrumente GmbH, Richard Wolf GmbH, Nopa Instruments Medizintechnik GmbH, MGB Endoskopische Geräte GmbH, RZ-Medizintechnik GmbH, российские ЗАО «Аксиома-Сервис», ООО «ППП», ООО НПФ «Крыло», ООО НПФ «ЭлеПС» и мн. др. При этом важно отметить, что регистрация медицинского изделия в Республике Беларусь является обязательным условием его выпуска в обращение. Организации, которые зарегистрировали определённую товарную позицию, не обладают исключительным правом на реализацию соответствующего изделия, и в своей хозяйственной деятельности зависят от достигнутых соглашений с заводами-изготовителями. Создать барьеры для имитации конкурентного преимущества можно путем регистрации медицинского изделия под товарным знаком организации, которая его реализует. В качестве примера можно привести бизнес-кейс итальянского производителя операционных и смотровых светильников Rimsa P. Longoni S.r.l., который представлен на рынке Республики Беларусь под товарным знаком ОДО «ТахатАкси» и, соответственно, изделия этого производителя могут быть реализованы только названной организацией.

На рынке оптовой торговли изделиями для лапароскопии и гистероскопии вышеназванных производителей медицинской техники в Республике Беларусь можно выделить несколько ключевых игроков – организаций различных форм собственности: ООО «АВ СЭВЕН», ООО «Праймедиал», ООО «ТетраМед», ОДО «Геол-М», ЧПТУП «Промедика», производственно-торговое республиканское унитарное предприятие «Белмедтехника» и др. Анализ показателей, способных достоверно отразить состояние и тенденции развития структуры рынка, в значительной степени определяет стратегию фирм, а также решения соответствующих регулирующих органов. Для определения рыночных долей и анализа рыночной структуры рынка оптовой торговли изделиями для лапароскопии и гистероскопии была собрана информация по основным торговым площадкам Республики Беларусь: РУП «Национальный центр маркетинга и конъюнктуры цен» Министерства иностранных дел Республики Беларусь (goszakupki.by; icetrade.by), ОАО «Белорусская универсальная товарная биржа» (ppt.butb.by; zakupki.butb.by). Данные таблицы 1 отражают поиск и группировку данных о сделках на исследуемом рынке по ключевым словам «гистероскопия» и «лапароскопия» по заключенным договорам (статус «Договор подписан», информация по состоянию на 31 декабря 2024 года). Следует отметить, что некоторая часть оборудования и инструментария, торгуемая на рассматриваемом рынке, могла оказаться вне зоны поиска, если в названиях лотов не содержалось соответствующих слов, однако её доля невелика.

Согласно аналитическим данным, сформированным за период 2022–2024 гг., на исследуемом рынке наблюдается стабильный рост количества продавцов (появилось не менее 7 качественно новых организаций за три года). В 2022 году оптовую торговлю осуществляли 30 организаций различных организационно-правовых форм. В таблице 1 к «прочим» относятся все прочие организации, которые имеют незначительные объемы продаж по заключенным договорам в стоимостном выражении и, соответственно, относительно низкие рыночные доли. Темп роста объема продаж в 2023 году составил 75,4%, в 2024 году превысил уровень 2022 года более чем в два раза (базисный темп роста объема продаж по заключенным договорам составил 218%).

Таблица 1. — Объем продаж по заключенным договорам в стоимостном выражении (бел. руб.) и соответствующие рыночные доли организаций (% к объему продаж) в сфере оптовой торговли оборудованием для лапароскопии и гистероскопии в Республике Беларусь за период 2022–2024 гг.

2022 г.			2023 г.			2024 г.		
Организация	Сумма сделок, бел. руб.	Доля, %	Организация	Сумма сделок, бел. руб.	Доля, %	Организация	Сумма сделок, бел. руб.	Доля, %
ООО «Праймедиал»	2808277,9	27,6	ОАО «Entrydell S.A.»	1685000	21,9	ОДО «Геол-М»	4818545,83	21,6
ООО «ТетраМед»	1783047,45	17,5	ООО «АВ СЭВЕН»	1561279,53	20,3	ООО «Праймедиал»	4313747,75	19,3
ООО «АВ СЭВЕН»	1418923,89	13,9	NEWM LIMITED	1425000	18,6	ООО «МедикалЮнит»	3573790	16,0
ЧПТУП «Промедика»	308463,46	3,0	ООО «Праймедиал»	279025	3,6	ООО «АВ СЭВЕН»	1973173,56	8,9
ОДО «ТахатАкси»	162969,1	1,6	ЧПТУП «Промедика»	213819,81	2,8	ООО «ТетраМед»	286676,41	1,3
ООО «Здравмедтех-Бел»	93954,8	0,9	ООО «ПК Медтех»	163207	2,1	ЧПТУП «Промедика»	241188,23	1,1
ИТПУП «Ви-Рент»	48450	0,5	ООО «Здравмедтех-Бел»	68024,2	0,9	ОДО «ТахатАкси»	232984,87	1,0
ОДО «Белмедсервис»	32586	0,3	ОДО «ТахатАкси»	55360	0,7	ООО «МедиСпец»	92250,48	0,4
РУП «Медтехноцентр»	5246,55	0,1	ООО «ТетраМед»	47660	0,6	ООО «НейроМед»	50336,8	0,2
прочие	3517853,39	34,5	прочие	2181696,67	28,4	прочие	7362251,31	33,0
ИТОГО	10183828,54	100	ИТОГО	7680072,21	100	ИТОГО	22287079,5	100

Примечание – составлена авторами на основании данных электронных торговых площадок РУП «Национальный центр маркетинга и конъюнктуры цен» Министерства иностранных дел Республики Беларусь (goszakupki.by; icetrade.by) и ОАО «Белорусская универсальная товарная биржа» (ppt.butb.by; zakupki.butb.by).

Далее определим показатели рыночной концентрации. Они позволяют количественно характеризовать рыночную структуру, а также отражают стимулы поведения фирм на рынке (чем выше уровень концентрации, тем в более значительной степени организации зависят друг от друга). Отметим дополнительно, что на взаимозависимость продавцов, их склонность к соперничеству или сотрудничеству влияют и многие другие факторы (такие как издержки входа, доступность информации о ценах, темпы изменения технологии производства или оказания рыночных услуг), поэтому рассматриваемые показатели не могут выступать единственными для оценки интенсивности конкуренции.

Таким образом, используя формулу индекса концентрации [4, с. 344] рассчитаем доли, занимаемые тремя крупнейшими продавцами (CR (concentration ratio)) на исследуемом рынке:

$$CR_3 = \sum_{i=1}^3 k_i, \quad (1)$$

где k_i — рыночная доля фирмы на рынке.

Полученные значения составляют 59,0%, 60,8% и 57,6% за период 2022–2024 гг. соответственно, что говорит об умеренной концентрации рынка ($45\% < CR-3 < 70\%$) [5, с. 24]. Коэффициент концентрации, однако, не позволяет дифференцировать роль различных фирм на рынке. Для получения более достоверной управленческой информации целесообразно использовать дополнительно другие показатели (индекс Херфиндаля – Хиршмана, индекс Линда и др.).

Значения индекса Херфиндаля – Хиршмана (НИ) были рассчитаны по формуле [4, с. 344]:

$$НИ = \sum_{i=1}^9 k_i^2, \quad (2)$$

где k_i^2 — квадрат рыночной доли фирмы, действующей на рынке.

Для 2022, 2023 и 2024 годов получены значения НИ 1333, 1299 и 1191 соответственно ($1000 < НИ < 2000$), что также говорит об умеренной степени концентрации рынка (см. [5, с. 24]).

Расчет индекса Холла – Тайдмана для исследуемого рынка нецелесообразен, поскольку результаты деятельности мелких продавцов не оказывают существенного воздействия на рыночную конкуренцию на нем.

Основываясь на анализе полученных значений, можно предположить, что на рассматриваемом субрынке могут проследиваться некоторые черты олигополии (наличие нескольких крупных участников, которые могут выступать как прайс-мейкерами, так и прайс-тейкерами; наличие очень высоких нестратегических барьеров для вступления в отрасль в виде сертификации продукции; небольшое количество товаров-заменителей продукции олигополистов и др.). Протестируем гипотезу с помощью расчёта индекса Линда (L) (таблица 2), который определяет «границы» олигополии [6, с. 54]:

$$L = \frac{1}{K(K-1)} \sum_{i=1}^K Q_i, \tag{3}$$

где K – число крупных продавцов (от 2 до n);
 Q_i – отношение между средней долей рынка i продавцов и долей $(K - i)$ продавцов;
 i – число ведущих продавцов среди K крупных продавцов.

Таблица 2. – Расчётные значения индекса Линда для определения «границ» олигополии на рынке оборудования и инструментария для лапароскопии и гистероскопии за 2022–2024 гг.

№ индекса	Значения для 2022 г.	Значения для 2023 г.	Значения для 2024 г.
2	0,701	0,539	0,516
3	0,504	0,377	0,417
4	0,726	0,756	0,437
5	1,426	0,827	1,031
6	1,482	0,852	1,209
7	1,432	1,077	1,218
8	1,794	1,199	1,594
9	2,362	1,246	2,161

Перед проведением расчётов рассматриваемые организации были отсортированы по убыванию анализируемого показателя (см. таблицу 1). Индексы Линда рассчитываются последовательно начиная с № 2. При этом важный для исследователя критерий – первый минимум, то есть первое значение индекса, которое меньше двух соседних, предыдущего и последующего. Как следует из расчетов за каждый год анализируемого периода непрерывность нарушалась при $K = 4$ (после наблюдаются выбросы значений, которые превышают предшествующие), что свидетельствует о возможности формирования т.н. «олигополистического ядра» и олигополистических взаимодействий с участием трех наиболее крупных хозяйствующих субъектов. В процессе разработки своих стратегий организации отрасли должны уделять особое внимание стратегическим действиям именно этих фирм, составляющих олигополистическое ядро. Процессы формирования согласованного поведения в олигополистическом ядре, однако, ограничены действующим законодательством, и постоянным контролем ценообразования и доступности товаров или услуг для учреждений здравоохранения со стороны уполномоченных органов.

Для всестороннего анализа конкурентной среды рассматриваемого рынка использован метод балльной оценки пяти конкурентных сил Майкла Портера, который позволяет комплексно изучить ключевые факторы, определяющие уровень конкуренции, прибыльность и привлекательность рынка [3, с. 79–93]. Параметры оценок каждой из пяти сил Портера (угроза появления товаров-заменителей, угроза появления новых конкурентов, рыночная власть поставщиков, рыночная власть покупателей, уровень конкурентной борьбы) детализированы с учетом особенностей отрасли и оценены по трехбалльной шкале: 3 балла – высокий уровень угрозы; 2 балла – средний уровень угрозы; 1 балл – низкий уровень угрозы. Суммарный балл по каждой силе позволяет определить общий уровень привлекательности рынка и выявить ключевые зоны повышенного конкурентного давления.

При анализе угрозы со стороны товаров-заменителей (услуг-заменителей) на рынке оптовой торговли оборудованием для лапароскопии и гистероскопии рассматривался единственный параметр «Прямая продажа продукции заводами-изготовителями медицинского оборудования и техники». Производители могут участвовать на рынке, минуя дилеров, вследствие этого суммарная оценка соответствует высокому уровню угрозы со стороны услуг-заменителей.

В ходе анализа угрозы появления новых игроков на рынке были выявлены умеренные барьеры входа на рынок, выраженные отсутствием серьезных (непреодолимых) препятствий для новых участников (что подтверждается входом на рынок новых организаций в исследуемом периоде). Важно отметить замедляющийся темп роста отрасли, что делает отрасль умеренно привлекательной для новых игроков. Эффект обучения в отрасли умеренно значим. Хотя отсутствие существенной экономии на масштабе не создает дополнительных барьеров для входа, необходимость значительных вложений в дистрибуцию может до некоторой степени сдерживать приток новых конкурентов. В совокупности, угроза появления новых игроков оценена как средняя.

Анализ рыночной власти поставщиков выявил комплексное воздействие нескольких ключевых факторов. Дифференциация производимой и поставляемой продукции позволяет компаниям иметь некоторую свободу

выбора, не создавая критической зависимости от конкретных поставщиков. Поставляемые товары заводов-изготовителей полностью удовлетворяют рыночный спрос функционирующих на рынке компаний в необходимых поставках, дефицитные позиции отсутствуют. При этом издержки переключения на других поставщиков находятся на умеренном уровне, предоставляя торгующим организациям некоторую гибкость в выборе партнеров. Поставщики готовы и стремятся наладить сотрудничество с компаниями в рассматриваемой отрасли, готовы гибко подходить к условиям поставок (приоритетность отрасли). Суммарная оценка рыночной власти поставщиков указывает на средний уровень влияния поставщиков. Это означает, что отрасль находится в относительно стабильной позиции по отношению к поставщикам, существуют определенные риски и ограничения, но они не достигают критического уровня и поддаются управлению через грамотное выстраивание долгосрочных отношений и работу с заводами-изготовителями.

При анализе рыночной власти покупателей выявлено, что услуги компаний-участников рынка обладают частичной уникальностью с теми или иными отличительными характеристиками, важными для клиентов, что позволяет отдельным организациям удерживать позиции на рынке. Анализ чувствительности к цене показывает, что покупатели всегда будут переключаться на товар с более низкой ценой. При этом, поскольку наблюдается высокая значимость удовлетворенности качеством предлагаемых услуг, можно предполагать наличие потенциала долгосрочного удержания клиентов. Итоговая оценка указывает на средний уровень угрозы рыночной власти покупателей, что свидетельствует о необходимости постоянного внимания торговых организаций к потребностям клиентов (покупателей).

Анализ уровня отраслевой конкурентной борьбы свидетельствует, что исследуемый рынок умеренно концентрирован. Уровень дифференциации услуг демонстрирует стандартизацию по ключевым свойствам, однако присутствуют отличия по дополнительным характеристикам. Это создает потенциал для компаний повысить узнаваемость на рынке через развитие уникальных свойств предлагаемой услуги и дополнительного сервиса. В отношении ценовой политики отмечается жесткая ценовая конкуренция с отсутствием возможностей повышения цен. С учетом проведенных расчетов и анализа уровень угрозы внутриотраслевой конкуренции оценен как «высокий», что свидетельствует о необходимости постоянного мониторинга конкурентной среды и разработки стратегий по усилению конкурентных преимуществ компании. Агрегированная оценка конкурентных сил представлена в таблице 3.

Таблица 3. – Анализ пяти сил М. Портера для рассматриваемой отрасли (оптовая торговля оборудованием для лапароскопии и гистероскопии)

Фактор (сила)	Описание воздействия	Оценка угрозы
Угроза появления услуг-заменителей	Рост прямых продаж производителями медоборудования, доступность импортных аналогов медицинских изделий	Высокий уровень угрозы
Угроза появления новых участников рынка	Барьеры входа на рынок (инвестиции в складские мощности, сервисное обслуживание; требования к сертификации для работы с медицинской техникой; налаживание отношений с производителями, поставщиками), государственное регулирование, интенсивность конкуренции	Средний уровень угрозы входа новых игроков
Рыночная власть поставщиков	Большое число крупных зарубежных производителей, дифференциация продукции, издержки переключения поставщиков; возможные попытки выйти на рынок страны напрямую, минуя дилера	Средний уровень влияния поставщиков
Рыночная власть покупателей	Чувствительность к цене, ограниченность бюджета, дифференциация продукции, информированность; возможность самостоятельной закупки оборудования/техники/инструментария напрямую у заводов-изготовителей, исключая вариант дилерских услуг	Средний уровень угрозы
Уровень отраслевой конкурентной борьбы	Ограниченное число крупных участников, присутствует дифференциация услуг, умеренные барьеры входа на рынок, соперничество за долю рынка, нецелесообразность повышения цен с учетом особенностей рыночной структуры и спроса	Высокий уровень угрозы внутриотраслевой конкуренции

Ключевые факторы успеха – это «элементы, обеспечивающие успех компании, другими словами, все, что способствует повышению прибыли» [2, с. 126]. В зависимости от особенностей отрасли к ним могут относиться качество проводимых исследований и разработок, полная загрузка производственных мощностей, высокое качество обслуживания, выгодное расположение, патентная защита, хороший имидж и многие другие. На основе анализа цепочки создания ценности в рассматриваемой отрасли и специфики работы организаций в отрасли следует заключить, что ключевыми факторами успеха являются: репутация организации, развитая инфраструктура компании, эффективное управление финансами организации, клиентоориентированность и др.

Развитая инфраструктура компании подразумевает наличие современного офисного помещения для эффективной работы сотрудников, собственного автопарка для своевременной доставки продукции заказчиком, а также специально оборудованных складских помещений, соответствующих всем требованиям хранения медицинской техники и инструментария.

Следующим ключевым фактором успеха является широкий ассортимент и высокое качество предлагаемой продукции (фактически конкурентоспособность организации в значительной степени формируется через конкурентоспособность поставщиков). Успешные компании на данном рынке способны предложить дифференцированное медицинское оборудование и инструментарий в сфере лапароскопии и гистероскопии. При этом вся продукция должна соответствовать международным стандартам качества и иметь необходимые сертификаты, что особенно важно в сфере здравоохранения и регулируется действующим законодательством.

В современных условиях международного сотрудничества работающие в рассматриваемой отрасли компании сталкиваются с рядом существенных вызовов в операционной деятельности. Сотрудничество с европейскими производителями создает значительную зависимость от колебаний курсов валют. На границе ЕС и Республики Беларусь часто возникают непредвиденные задержки в поставках. Это приводит к возникновению рисков срыва сроков поставки медицинского оборудования учреждениям здравоохранения и наложению штрафных санкций. Применяемая акцептная форма оплаты с партнерами создает дополнительную нагрузку на оборотный капитал компаний, что особенно критично при длительных сроках производства (до полугода и более), когда значительные средства компании находятся в замороженном состоянии.

Клиентоориентированность и гибкие условия работы с клиентами (покупателями) являются еще одним определяющим фактором успеха. Такие гибкие условия включают возможность предоставления различных форм оплаты, индивидуальный подход к формированию заказов, предоставление удобных графиков поставок и специальные условия для постоянных клиентов.

Формирование репутации надежного поставщика является результатом длительной и последовательной работы на рынке. Репутация создается благодаря регулярному своевременному выполнению договорных обязательств, качественному сервисному обслуживанию, оперативному решению возникающих проблем и профессиональной технической поддержке. Хорошая репутация становится важным нематериальным активом, способствующим привлечению новых клиентов и укреплению позиций на рассматриваемом рынке.

С учетом выявленных в процессе исследования особенностей отрасли и рынка можно заключить, что в качестве направлений развития конкурентных преимуществ организаций в отрасли могут выступить создание и развитие службы сервиса, введение дополнительной услуги по обучению и консультациям представителей организаций здравоохранения, выбор конкурентоспособных поставщиков, наличие собственного производства. Предложение по усилению конкурентных преимуществ организаций оптовой торговли на основе развития собственного производства заслуживает особого рассмотрения, поскольку это дает возможность более гибко реагировать на изменения спроса и потребностей рынка. С теоретической точки зрения Игоря Ансоффа, способность организации к адаптации и внедрению инноваций во многом определяет её успех в условиях динамичного рынка. Матрица Ансоффа, также называемая матрицей «товар – рынок», позволяет структурированно представить возможные стратегии роста организации (проникновение на рынок, развитие рынка, развитие продукта и диверсификация) [7].

Оптовые компании, торгующие медицинским оборудованием и инструментарием, могут применять различные стратегии диверсификации для расширения своего бизнеса. Одним из типов диверсификации является продуктивное расширение, которое может включать в себя добавление в ассортимент новых видов медицинской техники или инструментов. В качестве другой стратегии рассматривается рыночное расширение, когда организация выходит на новые географические рынки или охватывает новые сегменты потребителей, например, частные медицинские центры или физические лица. Наконец, «чистая» диверсификация предполагает выход компании в сферы, не связанные с её основной деятельностью [8]. Под основной деятельностью в этом контексте подразумеваются коды группировки 46460 – Оптовая торговля фармацевтическими, ветеринарными, медицинскими и ортопедическими товарами или 51460 – Оптовая торговля фармацевтическими, медицинскими и ортопедическими товарами (классификация согласно ОКРБ 005-2011), которые характерны для всех торгующих организаций на рынке медицинского оборудования и инструментария. Одним из направлений диверсификации является создание производства в рамках отдельного подразделения либо стратегической бизнес-единицы внутри организации, либо же путём создания отдельного юридического лица. Такой подход требует значительных ресурсов, но может обеспечить ощутимый рост и уменьшение зависимости от одного направления бизнеса.

Примером успешной диверсификации деятельности на рынке медицинского оборудования может послужить ООО «Текомир Медицина» (код основного вида деятельности по ОКЭД 27402 – Производство осветительного оборудования), выпускающее медицинские светильники белорусско-немецкого производства под товарным знаком Теко-Mach, и УП «Текомакс-Мн» (код основного вида деятельности по ОКЭД 51460 – Оптовая торговля фармацевтическими, медицинскими и ортопедическими товарами), которое их реализует наравне с продукцией других заводоизготовителей. ООО «Текомир Медицина» фактически является собственным производством торгующей организации УП «Текомакс-Мн», обе имеют одних и тех же учредителей². Такое решение обеспечивает интегрированную цепочку поставок, что приводит к улучшению контроля качества и сокращению издержек на всех этапах производства

² Министерство юстиции Республики Беларусь. Получение информации из Единого государственного регистра юридических лиц и индивидуальных предпринимателей [Электронный ресурс]. – URL: https://minjust.gov.by/directions/unified_state_register/information_from_egr/?ysclid=m5idp1204f855185469 (дата обращения: 04.01.2025).

и продажи, дает возможность более быстрой адаптации к требованиям заказчика. Кроме того, это позволяет обеспечивать меньшую зависимость от поставщиков и колебаний валютного курса.

Качественно работающие дилеры медицинского оборудования могут внести вклад в повышение эффективности использования соответствующей техники, поскольку обосновано, что «для эффективного использования медицинского оборудования необходимо качественное управление всеми этапами жизненного цикла оборудования и сочетание нескольких факторов: научно обоснованный выбор метода лечения или использования нового оборудования, создание необходимой инфраструктуры использования оборудования, проведение вместе с производителями медицинского оборудования совместных научных исследований, привлечение инвестиций в разработку нового оборудования, обучение персонала и сервисное обслуживание» [9]. Так, профессиональная служба сервиса дилеров медицинского оборудования представляет собой штат квалифицированных специалистов для оперативного обслуживания оборудования, в чьи функции входят предоставление комплексного обслуживания, установка и настройка оборудования, а также быстрое реагирование на поступающие технические запросы. Система обучения и консультаций выступает важным дифференцирующим фактором на рынке. Компании могут предоставлять комплексное обучение персонала заказчика по работе с оборудованием, проводить регулярные консультации по обслуживанию техники, организовывать образовательные семинары и обучающие курсы на реализуемом оборудовании для врачей (с учетом требований действующего законодательства Республики Беларусь (Кодекса Республики Беларусь об образовании, Положения об обучающих курсах дополнительного образования взрослых, утвержденного постановлением Министерства образования Республики Беларусь от 09.09.2022 N 296 и др.)). Названные обучающие мероприятия могут выступать также элементами системы внешней корпоративной социальной ответственности организаций отрасли, развивая лояльность покупателей и повышая эффективность использования оборудования.

Заключение. Исследование показало, что исследуемый рынок медицинского оборудования для лапароскопии и гистероскопии в Республике Беларусь характеризуется умеренной рыночной концентрацией, что подтверждается расчетами индекса Херфиндаля – Хиршмана. На рассматриваемом субрынке могут проследиваться некоторые черты олигополии, о чем свидетельствуют рассчитанные значения индекса Линда. На динамику структуры рынка оказывает влияние наличие нестратегических барьеров входа. Отраслевой анализ с использованием модели 5 сил М. Портера позволяет заключить, что для организаций существует потенциал повышения узнаваемости и репутации через развитие уникальных свойств предлагаемой услуги и дополнительного сервиса. В отношении ценовой политики отмечается отсутствие возможностей повышения цен. Уровень угрозы внутриотраслевой конкуренции оценен как «высокий», что свидетельствует о необходимости постоянного мониторинга конкурентной среды и разработки стратегий по усилению конкурентных преимуществ компании.

На основе анализа цепочки создания ценности в рассматриваемой отрасли выявлены такие ключевые факторы успеха в отрасли, как: репутация организации в качестве надежного партнера, эффективное управление финансовыми ресурсами организации, клиентоориентированность и др. В качестве направлений развития конкурентных преимуществ организаций в отрасли могут выступить создание и развитие службы сервиса, использование в качестве дифференцирующего фактора дополнительной услуги по обучению и консультациям представителей организаций здравоохранения, выбор конкурентоспособных поставщиков, диверсификация направленной деятельности.

Полученные результаты могут быть использованы при разработке стратегий развития организаций, специализирующихся на оптовой торговле медицинским оборудованием и в целом организаций оптовой торговли, а также при определении путей повышения их конкурентоспособности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батова Н.Н., Точицкая И.Э. Глобальные тенденции и перспективы развития ESG-инициатив в Беларуси // Новая экономика. – 2022. – Спецвыпуск № 2. – С. 18–23.
2. Томпсон-мл. А., Стрикленд А. Стратегический менеджмент: концепции и ситуации для анализа / Пер. с англ. – 12-е изд. – М.: Изд. дом «Вильямс», 2002. – 928 с.
3. Грант Р.М. Современный стратегический анализ. – 7-е изд. — СПб.: Питер, 2012. – 544 с.
4. Тироль Ж. Рынки и рыночная власть: Теория организации промышленности / Пер. с англ. – СПб.: Эконом. шк., 1996. – 745 с.
5. Аристова Е.В. Основные показатели определения рыночной концентрации // Вестник магистратуры. – 2013. – Т. 3, № 12(27). – С. 22–25. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-pokazateli-opredeleniya-rynochnoy-kontsentratsii>.
6. Розанова Н.М. Теория отраслевых рынков: продвинутый уровень: учеб. для вузов. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2023. – 407 с.
7. Ансофф И. Стратегический менеджмент / Игорь Ансофф; [пер. с англ. О. Литун]. – СПб. [и др.] : Питер, 2009. – 342 с.
8. Рой Л.В. Стратегия диверсификации компании (теоретические подходы) // Вестник Московского университета. Сер. 6. – 2009. – № 2. – С. 87–105. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-diversifikatsii-kompanii-teoreticheskie-podhody>.
9. Булава Е.В., Ушакова Е.О. Эффективность использования медицинского оборудования // Интерэкспо Гео-Сибирь. – 2018. – № 9. – С. 241–245. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnost-ispolzovaniya-meditsinskogo-oborudovaniya>.

Поступила 04.02.2025

**STRATEGIC COMPETITIVE ANALYSIS OF WHOLESALE TRADE IN MEDICAL EQUIPMENT
AND INSTRUMENTS IN THE REPUBLIC OF BELARUS AND INDUSTRY'S KEY FACTORS
OF ORGANIZATIONS COMPETITIVENESS IDENTIFICATION**

K. REVIAKA, I. BERESTEN', A. YERAFEYEVA
(Belarusian State University, Minsk)

The article presents the results of a comprehensive strategic study of wholesale trade in medical equipment and instruments in the Republic of Belarus. The main structural indicators of the industry market are determined. Based on the analysis of quantitative and qualitative characteristics of the market using data on the market of equipment and instruments for laparoscopy and hysteroscopy, the degree of market concentration and intensity of competition is determined, key suppliers and dealers of medical equipment are identified, the competitive environment is assessed using the M. Porter five forces model. Special attention was paid to identifying and analyzing the factors that form the competitive advantages of companies in the market. The most important driving forces of the industry development have been identified, taking into account the specifics of its regulation. The practical significance of the study lies in the possibility of using its results in the strategies development of wholesale trade organizations, as well as in the justification of possible directions for development its competitive advantages.

Keywords: *strategic analysis, medical equipment and instruments wholesale, market concentration, competitive environment, M. Porter's five forces model, Herfindahl – Hirschman index, Linda index, core success factors, competitive advantages.*

УДК 338.45

DOI 10.52928/2070-1632-2025-70-1-28-32

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УКЛАД ЭКОНОМИКИ КАК ОСНОВА ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

д-р экон. наук, д-р техн. наук, проф. А.В. ТЕБЕКИН
(Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова)

канд. экон. наук, доц. Г.Н. СЕРЯКОВ
(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

Актуальность представленного исследования определяется тем, что технологический уклад является основой социально-экономического развития общества, формирует ВВП страны и мировой экономики в целом, определяя динамику экономического развития, в которой динамика промышленного развития является ядром технологического уклада в мировой экономике и ведущей отраслью национальной экономики Республики Беларусь. В этой связи для исключения стратегических ошибок при планировании направлений инновационного технологического развития национальной промышленности целью данной работы является исследование теоретико-методологических основ развития технологического уклада национальной экономики, его структуры и инфраструктуры на основе анализа известных определений понятий технологического уклада, на базе которых проведено радикальное уточнение понятия «технологический уклад национальной экономики». Практическая значимость полученных результатов заключается в том, что они позволяют критически переосмыслить такие понятия, как «многоукладность национальной экономики», «смена технологического уклада национальной и мировой экономики». Кроме того, полученные результаты исследований позволяют по-новому взглянуть на процессы инновационного технологического развития национальной промышленности как ядра экономики Республики Беларусь в условиях глобальной конкуренции за сырьевые и товарные рынки как на региональном, так и на мировом уровнях развития экономики.

Ключевые слова: технологический уклад, развитие, национальная экономика, структура, инфраструктура, промышленность, глобальная конкуренция.

Введение. Технологический уклад является основой социально-экономического развития общества, формирует ВВП страны и мира, и определяет динамику экономического развития в целом. При этом промышленность является ядром технологического уклада. Это в полной мере относится к экономике Республики Беларусь, где промышленность является ведущей отраслью национального хозяйства [1]. Доля промышленности в основных макроэкономических показателях за 2023 г. составила 27,5% в структуре ВВП по видам экономической деятельности, 24,1% от общей численности населения, занятого в экономике и 94,1% в объеме экспорта товаров. Кроме промышленности, в отраслевой структуре технологического уклада национальной экономики укладообразующими отраслями являются: сельское хозяйство – 6,5% ВВП, 7,1% от общей численности населения, занятого в экономике; строительство – 5,1% ВВП, 5,9% от общей численности населения, занятого в экономике; транспорт – 4,7% ВВП, 6,1% от общей численности населения, занятого в экономике¹. По предварительным оценкам макроэкономические показатели хозяйственной деятельности за 2024 г. остались на сопоставимом уровне.

Помимо структуры производства, в рамках технологических укладов национальная и мировая экономика характеризуется инфраструктурой как комплексом взаимосвязанных производственных и непроизводственных отраслей, обеспечивающих общие условия общественного воспроизводства и жизнедеятельности населения. К производственной сфере относятся отрасли, непосредственно обслуживающие материальное производство: энергоснабжение, связь, материально-техническое обеспечение. Социальная инфраструктура включает в себя отрасли, обеспечивающие нормальную жизнедеятельность населения: жилищно-коммунальное хозяйство, здравоохранение, бытовое обслуживание и т.д. В структуре ВВП по видам экономической деятельности сфера услуг, обеспечивающих общие условия общественного воспроизводства и жизнедеятельности населения Республики Беларусь, в 2023 г. составила 47,8%² и в 2024 г. также приближалась к половине объема экономики.

Таким образом, технологический уклад национальной экономики Республики Беларусь представляет собой структуру укладообразующих отраслей, таких как промышленность, сфера услуг, сельское хозяйство, строительство, транспорт и инфраструктура, то есть комплекс взаимосвязанных производственных и непроизводственных отраслей, обеспечивающих общие условия общественного воспроизводства и жизнедеятельности населения страны. Для образного восприятия технологический уклад экономики страны можно представить, как сильно укрепленную крепость, которая имеет высокие стены, снаружи земляной вал и глубокий заполненный водой ров, а внутри нее находятся люди, которые защищают в рамках крепости сложившийся и устоявшийся уклад жизни.

Но время идет, и городу-крепости требуется расширение. Для того, чтобы преодолеть сопротивление напрашивающимся изменениям, необходимо иметь хорошо продуманную стратегию наступления [2] или,

¹ URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_95662/.

² Там же.

в нашем случае, стратегию инновационного развития отраслей национальной экономики и, в первую очередь, промышленности как ведущей укладообразующей отрасли, формирующей и развивающей технологический уклад и страны, и мирового хозяйства в целом. Опираясь на это образное сравнение технологического уклада страны с крепостью, можно понять, что рассуждение о динамике развития национальной экономики как о процессе радикальной смены технологических укладов, исключающем многоукладность экономики (когда территория старой крепости фактически отвергается), а также с учетом того, что жизненные циклы различных технологий априори отличаются по продолжительности, – большое заблуждение, которое приводит к стратегическим ошибкам на макро-, мезо- и микроуровне управления экономикой при планировании инновационного технологического развития национальной промышленности.

Основная часть. Проведенные исследования показали, что инновационное развитие технологического уклада национальной экономики обусловлено закономерностями больших технологических циклов Кондратьева [3], а объективная необходимость внедрения технологических инноваций обусловлена глобальной конкуренцией экономических систем промышленности на региональном и мировом рынках за сырьевые и товарные рынки. Однако проблемы выбора направлений инновационного развития технологического потенциала промышленности, обеспечивающих опережающее развитие национальной экономики, требуют формирования самостоятельной методологии исследований.

Принимая за основу тот факт, что технологический уклад является основой социально-экономического развития общества, формирует ВВП страны и определяет динамику экономического развития, а промышленность является ядром технологического уклада и ведущей отраслью национальной экономики Республики Беларусь, для исследования теоретико-методологических основ развития национальной промышленности, формирования самостоятельной методологии выбора направлений инновационного технологического развития промышленности обратимся к известным трактовкам понятия технологический уклад экономики.

Проанализируем известные определения понятия «технологический уклад», чтобы уточнить его и по-новому взглянуть на процессы эволюционного развития технологических укладов в национальной и мировой экономике.

1. Д. Риккардо рассматривал понятие «уклад», отождествляя его со строем (в форме буржуазного) как вечную и естественную форму общественного производства [4]. Уклад рассматривается им как форма производственных отношений. При этом основой производственных отношений является собственность на средства производства. В то же время роль производительных сил не учитывается. Тем не менее, важнейшими элементами производительных сил являются люди и средства производства. Люди – основа производительных сил, они приводят в движение средства производства, создают орудия и предметы труда, совершенствуют технологии производства товаров и услуг. В этой связи понятие «уклад» по Д. Риккардо следует рассматривать как технологический уклад экономики, так как производственную основу укладообразующих и вспомогательных производств составляют технологии.

2. К. Маркс рассматривал технологический уклад как некий строй, олицетворяющий собой способ производства, которому соответствуют экономические отношения, определенные данным способом производства, при смене которого меняются и экономические отношения [5]. В этом определении К. Маркса так же роль производительных сил, являющихся важнейшим элементом технологического уклада национальной экономики, не учитывается должным образом.

3. В.И. Ленин рассматривал технологический уклад экономики как тип общественно-производственных отношений, который не определяет характера экономического базиса общества, а существует наряду с другими укладами в данной экономической системе [6]. В этом определении также, роль производительных сил, являющихся важнейшим элементом технологического уклада национальной экономики, не учитывается.

4. С.Ю. Глазьев характеризует технологический уклад экономики как целостный комплекс технологически сопряженных производств, как макроэкономический воспроизводственный контур, охватывающий все стадии переработки ресурсов и соответствующий тип непроизводственного потребления [7]. В этом определении также роль производительных сил не учитывается. Кроме того, следует отметить, что далеко не все производства национальной экономики сопряжены в одной технологической цепочке и охватывают все стадии переработки ресурсов и соответствующий тип непроизводственного потребления.

5. В.И. Белоусов и А.В. Белоусов описывают технологический уклад как комплекс освоенных прорывных, революционных инноваций (изобретений), обеспечивающих количественный и качественный скачок в развитии производительных сил человеческого общества [8]. Таким образом, во внимание принимается не сам технологический уклад экономики и сложившиеся внутри него производительные силы и производственные отношения, укладообразующие и обслуживающие отрасли, а только прорывные, революционные инновации, обеспечивающие количественный и качественный скачок в развитии производительных сил, то есть речь идет только об инновационном развитии национальной и мировой промышленности.

6. А.В. Синицкий рассматривает технико-экономический уклад как систему технологически сопряженных производств и адекватных им институтов [9]. В этом определении роль производительных сил, отраслевая структура и инфраструктура, сложившиеся в национальной экономике, не учитываются. Кроме того, следует отметить, что далеко не все производства национальной экономики сопряжены в одной технологической цепочке и охватывают все стадии переработки ресурсов и соответствующий тип непроизводственного потребления.

7. А.А. Сытник технологический уклад представляет как целостный комплекс технологически сопряженных производств и адекватных им организационно-экономических отношений, что позволяет целенаправленно формировать организационные структуры, соответствующие характеру и уровню развития технологий [10]. В этом

определении роль производительных сил, отраслевая структура и инфраструктура, сложившиеся в национальной экономике, также не учитываются. Кроме того, опять приходится обращать внимание на то, что далеко не все производства национальной экономики сопряжены в одной технологической цепочке и охватывают все стадии переработки ресурсов и соответствующий тип непроектного потребления.

8. Д.С. Львов и С.Ю. Глазьев рассматривают технологический уклад экономики как совокупность технологий, характерных для определенного уровня развития производства, являющихся основой перехода от более низких укладов к более высоким под влиянием научно-технического прогресса [11]. Здесь следует отметить, что инновационное развитие, в соответствии с большими технологическими циклами Н. Кондратьева, приводит не к смене технологического уклада национальной экономики, а к развитию его технологического потенциала.

9. Основоположник выявления закономерностей экономического развития в рамках больших (длинных) циклов, Н.Д. Кондратьев, отмечал, что для каждого большого технологического цикла характерен определённый уровень развития производительных сил, который и понимается как «технологический уклад» [3]. С нашей точки зрения, эта формулировка наиболее точно отражает современное понимание термина «технологический уклад экономики», определение которого можно сформулировать следующим образом.

Технологический уклад экономики – это совокупность освоенных доминирующих технологий в структуре и инфраструктуре национальной и мировой экономики, обеспечивающих в данный исторический период времени необходимый уровень развития производительных сил и производственных отношений, а также соответствующие условия для развития общественного воспроизводства и жизнедеятельности населения.

Исходя из сформулированного определения технологического уклада, технологический потенциал отраслей национальной экономики (и в первую очередь промышленности как ведущей укладообразующей отрасли в технологическом укладе экономики для внедрения инноваций текущего технологического цикла) можно рассматривать как достигнутый уровень развития производительных сил в структуре и инфраструктуре национальной и мировой экономики в период предыдущего инновационного цикла развития мировой экономики (рисунок 1).

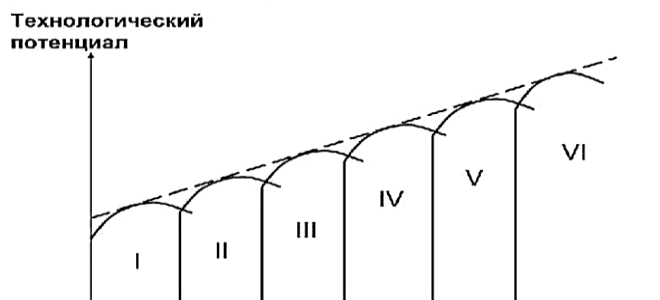

Рисунок 1. – Уровень технологического потенциала национальной экономики на разных этапах инновационного развития в соответствии большими технологическими циклами Кондратьева

Представляется, что предложенное определение технологического уклада охватывает все фазы цикла движения продуктов труда в воспроизводственном процессе «производство – распределение – обмен – потребление», раскрывает ведущую роль производительных сил, где люди, обладающие определёнными знаниями технологий, производственным опытом и навыками к труду – основной элемент производительных сил общества, позволяет критически переосмыслить такие понятия, как «многоукладность национальной экономики», «смена технологических укладов в национальной и мировой экономике», и по-новому взглянуть на процессы инновационного технологического развития национальной промышленности в условиях глобальной конкуренции за сырьевые и товарные рынки в региональной и мировой экономике.

В настоящее время термин «технологический уклад экономики» используется в отечественной экономической науке как аналог понятия «большие технологические циклы» Н. Кондратьева или «волны инноваций». В новейшей истории он был предложен в 1986 г. советскими экономистами Д.С. Львовым и С.Ю. Глазьевым в статье «Теоретические и прикладные аспекты управления НТП» [12]. Считается, что экономическое развитие страны напрямую связано с становлением новых технологических укладов, которые образуются на основе перехода экономики и национальной промышленности на новый технологический цикл, в результате которого и образуют новый технологический уклад национальной экономики.

Анализируя модельное описание развития технологических укладов экономики, типовой вариант которого представлен на рисунке 2, необходимо отметить дискуссионный характер интерпретации подобного рода описаний. Так, отталкиваясь от графического модельного описания процессов развития технологических укладов, представленного на рисунке, некорректно утверждать, что, например, эра текстильной промышленности закончилась в 1829 г., эра пара и железных дорог – в 1875 г., эра стали и электричества – в 1908 г., эра нефти и автомобилестроения – в 1971 г., а эра информации и телекоммуникаций – в 2010 г. Речь идет, в первую очередь, о смене пропорций в использовании в производстве нарождающихся инновационных технологий, превращающих

технологии предыдущих укладов в рутинные. Но это отнюдь не означает, что технологии предыдущих укладов обязательно исчезают с рынка. Более того, в них тоже может наблюдаться инновационное развитие.

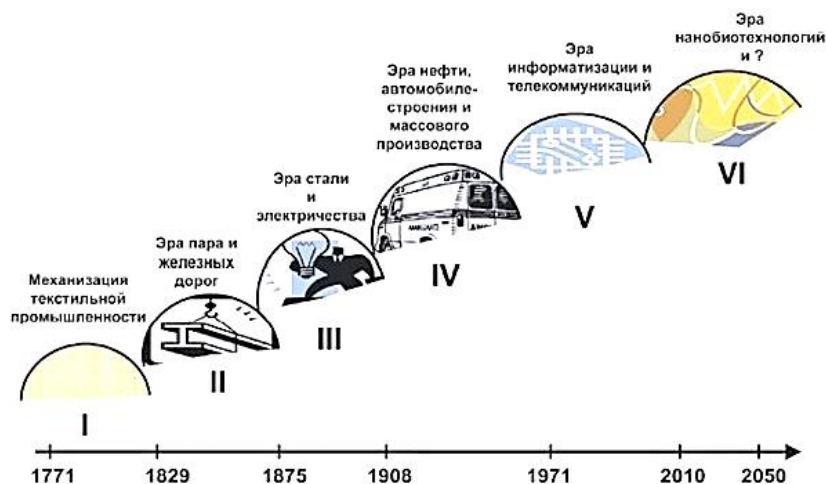

Рисунок 2. – Графическое модельное описание развития технологических укладов экономики³

Можно также рассмотреть и другие существующие модели описания развития технологических укладов мировой экономики (к настоящему времени в экономической науке описано семь технологических укладов [1]), циклы которых по продолжительности эквивалентны большим технологическим циклам экономической активности Н. Кондратьева. При этом во многих случаях встречается подмена понятия «технологический цикл» на понятие «технологический уклад» экономики, и наоборот.

На основании изложенного можно утверждать, что в процессе инновационного развития национальной промышленности как созидательного ядра технологических укладов происходит не их дискретная смена, а каскадное развитие, когда технологии нового уклада наращиваются на ранее накопленный производственно-технологический потенциал. Иначе говоря, технологическое развитие в рамках нового уклада не может быть эффективным при разрушенных ступенях лестницы предыдущих технологических укладов [13]. То есть экономический рост в стране будет определяться инновационным развитием исторически сложившихся технологий в укладообразующих отраслях, с одной стороны, и интенсивностью и качеством развития технологий нового уклада, с другой стороны.

Можно также утверждать, что в структуре технологического уклада любой индустриально-развитой экономики на данный момент времени присутствуют текстильная промышленность, железные дороги, производство и потребление стали и электричества, переработка и потребление нефтепродуктов, автомобилестроение, сети связи и телекоммуникации и т.д., что и отражает многоукладный характер экономики. Другое дело, что уровень развития любой национальной экономики будет определяться, с одной стороны, пропорциями использования технологий различных укладов, а с другой – качеством и рыночными масштабами применения каждой из них.

Заключение. Проведенные исследования структуры, инфраструктуры национальной экономики и анализ известных определений технологического уклада экономики, определяющих его как основу социально-экономического развития общества, позволяют подытожить результаты научного поиска по заявленной теме:

1. Уточнено понятие и дано определение технологического уклада национальной экономики. Технологический уклад экономики – это совокупность освоенных технологий в структуре и инфраструктуре национальной и мировой экономики, обеспечивающих в данный исторический период времени необходимый уровень развития производительных сил и условия для развития общественного воспроизводства и жизнедеятельности населения.

2. Сформулировано понятие «Технологический потенциал национальной экономики». Технологический потенциал – это достигнутый уровень развития производительных сил в структуре и инфраструктуре национальной экономики в период предыдущих технологических циклов, позволяющий развивать технологические инновации текущего технологического цикла мировой экономики.

3. Проведенные исследования позволяют утверждать, что в процессе инновационного развития национальной промышленности как созидательного ядра технологических укладов происходит не их дискретная смена, а каскадное развитие, когда технологии нового уклада наращиваются на ранее накопленный производственно-технологический потенциал. При этом технологическое развитие в рамках нового уклада не может быть эффективным при разрушенных ступенях лестницы предыдущих технологических укладов. Таким образом, экономический рост в стране будет определяться инновационным развитием исторически сложившихся технологий в укладообразующих отраслях, с одной стороны, и интенсивностью и качеством развития технологий нового уклада – с другой.

³ URL: <http://900igr.net/prezentacija/ekonomika/innovatsionnaja-ekonomika-v-rossii-cto-delat-171992/rossijskaja-innovatsionnaja-ekonomika-tehnologicheskij-fon-mir-stoit-na-6.html>.

4. Технологический уклад национальной экономики Республики Беларусь, рассматриваемый в любой период времени, представляет собой структуру укладообразующих отраслей, таких как промышленность, сфера услуг, сельское хозяйство, строительство, транспорт и инфраструктура, то есть комплекс взаимосвязанных производственных и непроизводственных отраслей, обеспечивающих общие условия общественного воспроизводства и жизнедеятельности населения страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тебекин А.В., Серяков Г.Н. Технологический уклад как основа социально-экономического развития общества: инновационные аспекты исследования // Транспортное дело России. – 2013. – № 6–2. – С. 22–24.
2. Серяков Г.Н. Управление инвестиционно-строительными процессами в современной экономике // Фундаментальные исследования. – 2022. – № 9. – С. 87–91
3. Кондратьев Н., Яковец Ю., Абалкин Л. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения // Избранные труды. – М.: Экономика, 2002. – 767 с.
4. Риккардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения [Электронный ресурс] // Библиотека экономической и деловой литературы. – URL: <http://www.ek-lit.org/ricsod.htm> (дата обращения: 08.02.2025).
5. Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В.И. О диалектическом и историческом материализме [Электронный ресурс] // Глубинная психология: учения и методики. – URL: <https://www.psyoffice.ru/9/maenl01/txt12.html> (дата обращения: 24.02.2025).
6. Ленин В.И. К характеристике экономического романтизма // Полное собрание сочинений. – М.: Изд-во полит. лит., 1967. – Т. 2. – С. 219.
7. Глазьев С.Ю. Экономическая теория технического развития. – М.: Наука, 1990. – 232 с.
8. Белоусов А.В., Белоусов В.И. О роли технологического фактора и модернизации отечественной экономики в преодолении экономического кризиса // Регион: системы, экономика, управление. – 2010. – № 1(8). – С. 45–52.
9. Синицкий А.В. К количественной теории технико-экономических укладов // Вестник Московского университета. Сер. 6, Экономика. – 2005. – № 6. – С. 18–34.
10. Сытник А.А. Современные подходы к определению технологических укладов // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2011. – № 3(37). – С. 41–43.
11. Львов Д.С., Глазьев С.Ю., Фетисов Г.Г. Эволюция технико-экономических систем: возможности и границы централизованного регулирования. – М.: Наука, 1992. – 207 с.
12. Львов Д.С., Глазьев С.Ю. Теоретические и прикладные аспекты управления НТП // Экономика и математические методы. – 1986. – № 5. – С. 793–804.
13. Тебекин А.В., Митропольская-Родионова Н.В., Хорева А.В. Теоретическая модель нового индустриального общества второго поколения и проблемы практического воплощения ноономики // Теоретическая экономика. – 2021. – № 3(75). – С. 59–70.

Поступила 03.03.2025

TECHNOLOGICAL STRUCTURE OF THE ECONOMY AS THE BASIS FOR INNOVATIVE DEVELOPMENT OF INDUSTRY

A. TEBEKIN

(Lomonosov Moscow State University)

G. SERYAKOV

(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

The relevance of the presented study is determined by the fact that the technological structure is the basis of the socio-economic development of society, forms the GDP of the country and the world economy as a whole, determining the dynamics of economic development, in which the dynamics of industrial development is the core of the technological structure in the world economy and the leading branch of the national economy of the Republic of Belarus. In this regard, in order to exclude strategic errors in planning the directions of innovative technological development of the national industry, the purpose of this work is to study the theoretical and methodological foundations of the development of the technological structure of the national economy, its structure and infrastructure based on the analysis of known definitions of the concepts of the technological structure, on the basis of which a radical clarification of the concept of "Technological structure of the national economy" was carried out. The practical significance of the results obtained is that they allow us to critically rethink such concepts as: the multi-structure of the national economy, the change in the technological structure of the national and world economies. In addition, the obtained research results allow us to take a new look at the processes of innovative technological development of the national industry as the core of the economy of the Republic of Belarus in the context of global competition for raw materials and commodity markets both at the regional and global levels of economic development.

Keywords: technological structure, development, national economy, structure, infrastructure, industry, global competition.

УДК 331.1

DOI 10.52928/2070-1632-2025-70-1-33-38

ЭФФЕКТИВНЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ КОНТРАКТ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ПОНЯТИЕ И ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ

*канд. экон. наук, доц. И.Н. ФУРСЕВИЧ
(Институт повышения квалификации и переподготовки кадров
по новым направлениям развития техники, технологии и экономики БНТУ, Минск)*

В статье рассматривается практика применения академического контракта в системе высшего образования России. На основе проведенного анализа различных подходов к содержанию сущности академического контракта, дана характеристика и уточнено понятие «эффективный академический контракт». Исследованы основные нормативные правовые акты, на основании которых осуществляется дополнительное стимулирование руководителей и специалистов из числа научно-педагогических работников в учреждениях высшего образования Беларуси. В статье сделан вывод, что применение эффективного академического контракта в учреждениях высшего образования Беларуси положительно окажет влияние на привлечение научно-педагогических работников высокой квалификации, закрепление молодых специалистов, способных к творческому росту; позволит повысить позиции учреждения образования в мировых рейтингах университетов.

Ключевые слова: *эффективный академический контракт, учреждения высшего образования Беларуси, стимулирующие и компенсирующие выплаты, научно-педагогические работники.*

Введение. Ежегодно, на протяжении длительного периода времени, наблюдается конкурентная борьба между учреждениями высшего образования (далее – УВО) и коммерческими организациями (бизнесом) за привлечение высококвалифицированных, творческих работников. Ключевой проблемой остается относительно низкий уровень оплаты научно-педагогических работников (далее – НПР) в системе высшего образования. Невысокий уровень оплаты труда оказывает существенное влияние на отток квалифицированных и креативных специалистов. На ряду с данной проблемой оказались и учреждения высшего образования Российской Федерации. Так Я.И. Кузьминов, С.А. Попова, Л.И. Якобсон отмечают, что низкие зарплаты привели работников образования и науки «к низкому качеству работы, потере профессиональных компетенций, частичному подрыву профессиональной этики» [1, с. 7]. М.В. Курбатова и С.Н. Левин считают, что более высокий уровень оплаты труда способствует отбору более производительных работников [2].

Для решения данной проблематики в Российской Федерации в 2012 г. была разработана и внедрена модель эффективного контракта, охватившая комплекс отношений университета с преподавателем по цепочке «министерство – университет – преподаватель» (принципы отбора, продолжительность контракта, академическая карьера, участие в принятии решений, мотивация, контроль и оценка, стимулирование и оплата труда [3]. Новый механизм был направлен на решение двух проблем: обеспечение достойной заработной платы работников социальной сферы и науки, позволяющий им сконцентрироваться на основном виде деятельности и не заниматься поиском дополнительных подработок; ориентация заработной платы на рост результативности деятельности (оплата по результату) [1, с. 6; 2].

Основная часть. Существует ряд подходов в развитии теории контрактов, мониторинг которых представлен в таблице (таблица 1).

Таблица 1. – Подходы в развитии теории контрактов

Определение 1	Автор 2
Эффективный контракт	
Эффективный контракт – контракт, обеспечивающий его сторонам достижение целей, ради которых они его заключают, с минимальными издержками для них	Я. И. Кузьминов, 2011 [4]
Эффективный контракт – трудовой договор с работником, в котором конкретизированы его должностные обязанности, условия оплаты труда, показатели и критерии оценки эффективности деятельности для назначения стимулирующих выплат в зависимости от результатов труда и качества оказываемых государственных (муниципальных) услуг, а также социальной поддержки	Программа поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях, 2012 [5]
В первом случае эффективный контракт есть результат переговоров вуза и преподавателей, а также конкуренции вузов за наиболее сильных преподавателей и преподавателей – за работу в наиболее престижных вузах, а во втором он устанавливается административно-бюрократическими процедурами	М.В. Курбатова, 2013 [6]
Эффективный контракт – это система мер, направленных на обеспечение достойной заработной платы работникам бюджетной сферы, обеспечение уровня их благосостояния в соответствии со сложившимися стандартами жизни среднего класса и стимулирования качественного и эффективного труда в интересах потребителя	Я.И.Кузьминов, С.А.Попова, Л.И.Якобсон, 2017 [1]
Эффективный контракт заключается в определении обоюдовыгодных условий для работодателя и работника в рамках трудового договора	И.Е. Никулина, 2018 [7]
Стимулирующий контракт	
Мы говорим о стимулирующем контракте, если сторона контракта, которая не может наблюдать качество или действия другой стороны, предлагает ей экономический стимул, побуждающий говорить правду или добросовестно себя вести	Э. Г. Фуруботн, Р. Рихтер, 2005 [8]

Окончание таблицы 1.

1	2
Стимулирующий контракт с преподавателем выстраивается на основе распределения получаемого вузом дохода, который формируется в результате улучшения его позиций на рынке образовательных услуг вследствие улучшения управления, развития системы внутренней мотивации, обеспечения роста индивидуальной производительности преподавателей и роста эффективности их совместной работы	М.В. Курбатова, С.Н. Левин, 2013 [2]
<i>Академический контракт</i>	
Под академическим контрактом понимаются специфические правовые или иные соглашения, которые определяют условия академической занятости	М.М. Юдкевич, 2012 [9]
В основу академического контракта положено превращение вузов в клиентоориентированные организации, производящие образовательные услуги.	М.В. Курбатова, С.Н. Левин, 2013 [2]
Эффективный академический контракт – это, с одной стороны, гарантии занятости преподавателей с учетом их академических свобод, с другой – создание институтов реализации академических свобод как условия повышения эффективности научно-образовательной деятельности ППС в рамках отдельного вуза	Н.В. Маковская, 2019 [10]

Анализ различных подходов в развитии теории контрактов, позволил обобщить и уточнить содержание эффективного академического контракта в системе высшего образования.

Эффективный академический контракт – это дополнительное трудовое соглашение между научно-педагогическим работником и учреждением высшего образования, направленное на обеспечение его сторонам расширения конкурентоспособности, рост производительности труда и позиций в мировых рейтингах университетов.

Предлагаемое определение в отличие от существующих отражает основную суть применения эффективного академического контракта:

- 1) расширение конкурентоспособности НПП, в том числе путем роста академической оплаты труда, включающей как содержание труда, так и дополнительное свободное время наряду с результатами научной деятельности;
- 2) рост производительности труда наряду с повышением качества образования и науки;
- 3) рост позиции УВО в мировых рейтингах университетов (например, позиции университета в вебметрическом рейтинге Webometrics; классических рейтингах университетов ARWU, QS, THE, MosUIR, URAP, CWUR и SIR) как индикатора качества оказания образовательных услуг.

Академическая оплата труда в новой модели эффективного контракта состоит из окладной части, стимулирующих выплат, компенсирующих надбавок. Новизна нового подхода оплаты труда заключается в особом распределении стимулирующих выплат между НПП в зависимости от полученного результата. Основная идея заключается в том, что зарплата работника должна напрямую зависеть от качества, количества и сложности выполняемой работы. Поэтому эффективный контракт является инструментом, стимулирующим НПП к эффективному труду, повышению производительности труда.

Критерии оценки эффективности труда НПП определяются по направлениям: учебная, учебно-методическая, научно-исследовательская, воспитательная, экспертная работа и другие виды работ [11]. Среди показателей оценки эффективности деятельности НПП являются:

- степень овладения образовательными программами (по специальностям общего, углубленного высшего, научно-ориентированного образования);
- количество опубликованных учебных, учебно-методических и других пособий;
- количество публикаций, входящих в список рецензируемых журналов, индексируемых Scopus, Web of Science, РИНЦ;
- издание авторской монографии;
- индекс цитируемости;
- защита диссертации на соискание учёной степени кандидата или доктора наук;
- присвоение учёного звания;
- подготовка кадров высшей квалификации;
- участие в государственных научно-технических программах и государственных программах научных исследований;
- участие в международных конференциях; членство в оргкомитетах, в работе диссертационных и других экспертных советов;
- наличие государственных, ведомственных и иных наград.

В Беларуси институциональные условия оформления академической оплаты труда формируют деятельность НПП в научно-исследовательской, академической и административной работах. Основная часть вознаграждения формируется за счет академической (учебной) составляющей, другие характеризуются низким размером, и, соответственно, слабым стимулирующим эффектом [12].

Регулирование оплаты труда в учреждениях высшего образования Беларуси в основном зависит от объема выполняемой НПП учебной нагрузки, устанавливаемой внутривузовским нормативом. Основным принципом внутривузовской политики труда является начисление дополнительных выплат исходя из размера окладной части. Поэтому, чем выше размер окладной части, тем выше размер оплаты труда НПП, что аргументирует отсутствие гибкости в политике оплаты труда НПП и наличие жесткой «привязки» к окладной части [13].

Рассмотрим перечень основных стимулирующих выплат работникам из числа руководителей и специалистов профессорско-преподавательского состава УВО (таблица 2).

Таблица 2. - Перечень основных стимулирующих выплат руководителям и специалистам из числа профессорско-преподавательского состава

Наименование показателя	Нормативный документ	Размер надбавки
Надбавка за характер труда педагогическим работникам (п. 3.1)	Инструкция «О порядке осуществления и размерах стимулирующих и компенсирующих выплат работникам бюджетных организаций, подчиненных Министерству образования, и бюджетных организаций, подчиненных местным исполнительным и распорядительным органам и относящихся к сфере деятельности Министерства образования» ¹	до 60% от БС по каждому основанию (конкретный размер и порядок выплаты определяются руководителями организации)
Надбавка молодым специалистам (п. 3.2)		до 45% от оклада
Надбавка за особенности профессиональной деятельности (п. 3.3)		до 50% от оклада
Надбавка за высокие достижения в труде (п. 3.4)		до 50% от оклада (конкретный размер надбавки устанавливается органом, уполномоченным заключать трудовые договоры)
Надбавка за специфику работы в сфере образования (п. 3)	Инструкция «О порядке осуществления и размерах стимулирующих и компенсирующих выплат педагогическим работникам и служащим, занятым в образовании, бюджетных организаций» ²	до 100% от оклада в зависимости от занимаемой должности
Надбавка профессиональная (п. 4)		5% от БС за каждый час учебных занятий
Надбавка за кураторство учебной группой (п. 4-1)		до 100% БС
Надбавка за работу в отрасли (п. 4-2)		35% от оклада
Надбавка за научно-педагогическую деятельность (п. 4-3)		35% от оклада, имеющим ученую степень кандидата наук по день достижения пенсионного возраста;
		55% от оклада, имеющим ученую степень доктора наук по день достижения пенсионного возраста
Надбавка за ученое звание (пп. 1.1–1.3)	Указ Президента Республики Беларусь «Об установлении надбавок за ученые степени и звания (устанавливает ежемесячные надбавки в размерах, кратных базовой ставке и порядок выплаты)» ³	за ученые звания профессора и доцента, - соответственно 0,92 и 0,46 БС. за ученые звания академиков и членов-корреспондентов Национальной академии наук Беларуси, - соответственно 3,19 и 2,74 БС
Надбавка за ученую степень (пп. 1.2–1.3)		За ученые степени доктора и кандидата наук, соответственно 1,37 и 0,92 БС
Надбавка за стаж в бюджетных организациях (п. 2)	Указ Президента Республики Беларусь «Об оплате труда работников бюджетных организаций» ⁴	до 5 лет – 10% от БС; от 5 до 10 лет – 15% от БС; от 10 до 15 лет – 20% от БС; от 15 лет и выше – 30% от БС
Надбавка по контракту (ст. 261-2)	Трудовой кодекс Республики Беларусь	до 50% от оклада
Премирование	Порядок – согласно Положению, утвержденному руководителем организации	

Примечание – размер окладной части не включает стимулирующие и компенсирующие выплаты и исчисляется произведением базовой ставки (БС) на коэффициент тарифного разряда, установленный по должности служащего (в ред. Указа Президента Республики Беларусь от 22.12.2020 № 482).

Кроме стимулирующих надбавок производятся дополнительные, в том числе компенсирующие, выплаты (доплаты за сложность выполняемой работы, за особые условия труда).

Из внебюджетных средств, в части сумм превышения доходов над расходами, остающихся в распоряжении бюджетной организации, может осуществляться дополнительное премирование работников⁵:

- за результаты работы (интенсивность и высокое качество выполняемых работ, выполнение особо срочных и важных поручений руководства);
- за результаты научно-исследовательской работы (издание научных и учебных работ, монографий, статей, подготовка кадров высшей квалификации, защита докторской или кандидатской диссертации);
- за выполнение административных обязанностей (выполнение работ в качестве заведующего кафедрой, декана, заместителя декана факультета, работы в приемной комиссии и др.).

¹ URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=w21934276>.

² Там же.

³ URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=P30700450>.

⁴ URL: <https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-no-429-ot-21-noabra-2024-g>.

⁵ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C21300641>.

Как правило, при уходе педагогического работника в трудовой отпуск (до 56 календарных дней) производятся единовременные выплаты на оздоровление в размере одного оклада с учетом педагогической (учебной) нагрузки и иные доплаты за выполнение дополнительных трудовых обязанностей⁶.

Государственная политика в сфере высшего образования направлена на активизацию деятельности белорусских УВО по использованию академических знаний и коммерциализацию полученных результатов научно-исследовательских работ, создания новых наукоемких предприятий [3]. Для повышения оплаты труда педагогических работников, престижа педагогической профессии Министерством образования Республики Беларусь принимаются меры по поэтапному повышению заработной платы. Анализ номинальной начисленной средней заработной платы учителей показал, что в январе – августе 2024 данный показатель составил 2022,3 руб. (с учетом зарплаты учителей-руководителей учреждений). По сравнению с аналогичным периодом 2023 показатель вырос на 28,6%⁷. Распределение заработной платы учителей по областям и городу Минску показало, что её размер варьируется в диапазоне 1895,2–2125,5 руб. Лидирующие позиции продолжает занимать город Минск (рисунок 1).

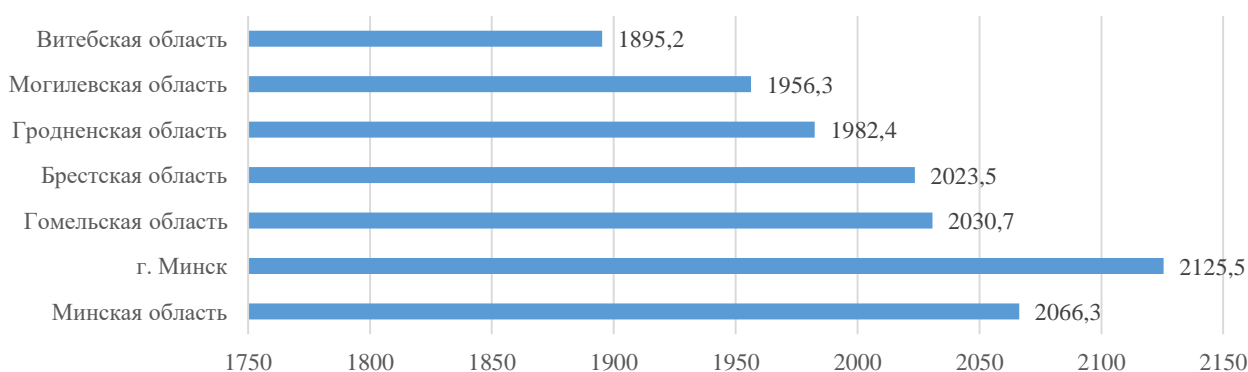

Рисунок 1. - Номинальная начисленная средняя заработная плата учителей в январе – августе 2024 года, рубль⁸

Сравнительный анализ номинальной начисленной среднемесячной заработной платы сферы образования с другими видами экономической деятельности представлен на рисунке 2.

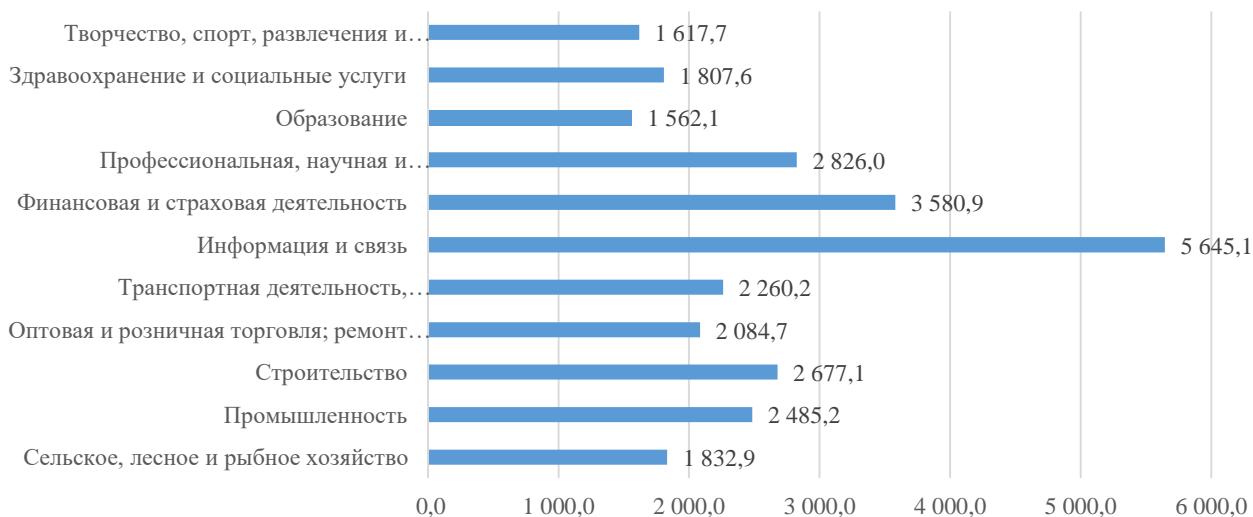

Рисунок 2. – Номинальная начисленная среднемесячная заработная плата по отдельным видам экономической деятельности Республики Беларусь за 2024 год, рубль⁹

⁶ URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=w22542772>.

⁷ URL: <https://telegraf.news/ehkonomika/belstat-nazval-srednjuju-zarplatu-belorusskih-uchitelej-na-skolko-vyshe-chem-u-drugih-rabotnikov-obrazovaniya/>.

⁸ URL: <https://myfin.by/article/money/kakie-zarplaty-polucaut-ucitela-v-minske-i-regionakh-32816>.

⁹ URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/stoimost-rabochey-sily/operativnye-dannye/o-nachislennoy-sredney-zarabotnoy-plate-rabotnikov/o-nachislennoy-sredney-zarabotnoy-plate-rabotnikov-respubliki-belarus-v-dekabre-2024-g>.

Анализ вакансий в сфере образования, представленных на сайтах поисков работы (<https://rabota.by/>, <https://praca.by/>, <https://belmeta.com/>, <https://gsz.gov.by/>), показал, что система оплаты труда педагогических работников из числа ППС бюджетной сферы варьируется в диапазоне 800 – 2000 руб. в среднем (до вычета налогов и взносов). Коммерческие организации предлагают должности педагогических работников с оплатой труда до 5000 руб. «на руки» (например, УП «Хеадвей»: преподаватель английского языка 800 – 1600 у.е.; ООО «Лукрум интернус»: педагог-хореограф / тренер до 2600 руб.; ООО «Школа вокала Фа Соль»: педагог по вокалу до 3000 руб.; ООО «Айтигенио»: преподаватель математики до 3000 руб.; за консультативные услуги (репетиторство), например, по математике, предлагают до 4000 руб.). Следовательно, вопрос по обеспечению конкурентоспособной заработной платы НПП на рынке труда по-прежнему остается открытым.

Эффективный академический контракт в рамках функционирования белорусских вузов возможен наряду с их стратегией. Однако система функционирования белорусских учреждений высшего образования слабо приближена к концепции эффективного академического контракта. Сохранившиеся в УВО академические свободы, связанные в большинстве своем с самостоятельным планированием рабочего времени, не способствуют активности научной деятельности молодых ученых, а также не стимулируют их к публикационной активности в высокорейтинговых международных изданиях [10; 13]. Для сохранения кадрового потенциала высокой квалификации, повышения привлекательности и престижности педагогических должностей рекомендуется руководствоваться принципами эффективного контракта:

- Обеспечение конкурентоспособной заработной платы, то есть не менее среднего уровня близких по квалификации работников по региону на рынке труда;
- Создание благоприятных условий для академического развития специалистов профессорско-преподавательского состава, направленных на стимулирование достижений собственных целей и целей УВО;
- Рост позиции вуза в мировых рейтингах университетов путем улучшения соответствующих индикаторов, в том числе за счет отбора наиболее конкурентоспособных работников и создания условий для их академического и карьерного роста.

Применение эффективного академического контракта в учреждениях высшего образования Беларуси позволит привлечь научно-педагогических работников высокой квалификации, удержать молодых специалистов, способных к творческому росту, путем обеспечения академических свобод, конкурентоспособной заработной платы, повысить позиции учреждения образования в мировых рейтингах университетов.

Заключение. Опыт внедрения проекта эффективного контракта в России показал, что в большей части цели проекта (рост академической оплаты труда работников бюджетной сферы (её базовой части) до конкурентоспособного уровня, разработка механизмов стимулирования качественного труда, социального пакета применением стимулирующих и компенсирующих надбавок) были достигнуты. Однако система эффективного контракта ещё не в полной мере разработана и требует дальнейшего развития.

Вместе с тем эффективный академический контракт в рамках функционирования белорусских университетов возможен. Но для этого сперва необходимо актуализировать нормативную правовую базу, а также внести изменения и дополнения в правила внутреннего трудового распорядка, коллективный договор, положение об оплате труда, положение о стимулирующих выплатах, штатное расписание, разработать критерии и показатели для назначения стимулирующих надбавок и компенсирующих выплат, и пр.

ЛИТЕРАТУРА

1. Эффективный контракт для профессионалов социальной сферы: тренды, потенциал, решения. Экспертный доклад / отв. ред. Я.И. Кузьминов, С.А. Попова, Л.И. Якобсон; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – 141 с.
2. Курбатова М.В., Левин С.Н. Эффективный контракт в системе высшего образования РФ: теоретические подходы и особенности институционального проектирования // Журнал институциональных исследований. – 2013. – Т. 5. – № 1. – С. 55–80.
3. Курбатова М.В., Донов И.В. Эффективный контракт в высшем образовании: замыслы и результаты // Высшее образование в России. – 2023. – Т. 32, № 4. – С. 23–41.
4. Кузьминов Я.И. Академическое сообщество и академические контракты: вызовы и ответы последнего времени // Контракты в академическом мире / НИУ ВШЭ; науч. ред. М.М. Юдкевич. – М.: ИД ВШЭ, 2011. – С. 13–30.
5. Программа поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях на 2012–2018 годы, утв. распоряжением Правительства РФ от 26 нояб. 2012 № 2190-р. [Электронный ресурс]. – URL: <http://government.ru/docs/5579/> (дата обращения: 25.02.2025).
6. Курбатова М.В. Эффективный контракт в вузе: от теоретической концепции к реальному изменению положения преподавателя // Научные труды ДонНТУ. Серия: Экономическая. – 2013. – № 3. – С. 41–50.
7. Никулина И.Е. Эффективный контракт в вузе как драйвер повышения качества труда научно-педагогических работников // Высшее образование в России. – 2018. – Т. 27, № 5. – С. 9–19.
8. Фуруботн Э.Г., Рихтер Р. Институты и экономическая теория. Достижения новой институциональной экономической теории / пер. с англ., под ред. В.С. Катяло, Н.П. Дроздовой. – СПб.: Изд. дом С-ПбГУ, 2005. – 701 с.
9. Как платят профессорам: глобальное сравнение систем вознаграждения и контрактов / под ред. Ф. Альтбаха и др.; пер. с англ. Е. Сивак под науч. ред. М. Юдкевич. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 439 с.
10. Маковская Н.В. Эффективная контрактация в академической среде Беларуси // Белорусский экономический журнал. – 2019. – № 2. – С. 138–151.

11. Крайнов Г.Н. Будет ли эффект от эффективного контракта в системе высшего образования? // Высшее образование в России. – 2017. – № 5(212). – С. 52–58.
12. Ванкевич Е., Кастел-Бранко Э. Информационно-аналитическая система рынка труда и прогнозирования потребности в кадрах: содержание и направления регулирования в Республике Беларусь // Белорусский экономический журнал. – 2017. – № 2. – С. 73–92.
13. Маковская Н.В. Принципы формирования кадровых академических стратегий в Беларуси // Экономика науки. – 2019. – Т. 5, № 4. – С. 271–276.

Поступила 12.03.2025

**EFFECTIVE ACADEMIC CONTRACT IN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS
OF THE REPUBLIC OF BELARUS: CONCEPT AND POSSIBILITIES OF APPLICATION**

I. FURSEVICH

*(Institute for advanced training and retraining of personnel
in new areas of development of engineering, technology and economics of BNTU, Minsk)*

The article examines the practice of applying an academic contract in the Russian higher education system. Based on the analysis of various approaches to the content of the essence of an academic contract, the concept of an "effective academic contract" is characterized and clarified. The main regulatory legal acts on the basis of which additional incentives are provided to managers and specialists from among scientific and pedagogical workers in higher education institutions of Belarus are examined. The article concludes that the use of an effective academic contract in higher education institutions in Belarus will have a positive impact on attracting highly qualified scientific and pedagogical workers, retaining young specialists capable of creative growth; it will improve the position of the educational institution in world university rankings.

Keywords: *effective academic contract, institutions of higher education of Belarus, incentive and compensatory payments, scientific and pedagogical workers.*

УДК 338.24:658.5

DOI 10.52928/2070-1632-2025-70-1-39-43

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ПРЕДПРИЯТИЯ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА ОПТИМИЗАЦИЮ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ В ПЕРИОД КРИЗИСНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

*канд. техн. наук, доц. Е.В. ЧУКАСОВА-ИЛЬЮШКИНА
(Витебский государственный технологический университет)*

В статье представлен анализ воздействия санкционного давления на промышленные предприятия и методы реагирования на влияние факторов внешней среды. Статья содержит описание ряда наиболее очевидных стратегических подходов, которые могут быть рекомендованы предприятиям Республики Беларусь в период кризисных изменений с целью сохранения устойчивого положения. Предложенные подходы – это систематическое импортозамещение, внедрение инструментов по планированию процессов и ресурсов, регулярное проведение технологического аудита и поиска новых рынков. Проведено исследование поведения промышленного предприятия единичного типа производства в кризисный период санкционного давления. Определено, что выбор наиболее очевидных стратегических направлений и грамотные управленческие решения позволили предприятию не только удержаться на стабильном уровне, но и значительно улучшить свои позиции по сравнению с докризисным периодом, что подтверждается ростом объема прибыли, ростом выработки на одного работающего, существенным ростом рентабельности реализованной продукции.

Ключевые слова: бизнес-процесс, промышленное предприятие, анализ, оптимизация, кризисные изменения.

Введение. В период 2020 – 2024 гг. на промышленные предприятия Республики Беларусь существенно усилилось влияние факторов внешней среды. Это санкционное давление со стороны стран Европейского Союза и других государств, санкционное давление на Российскую Федерацию как на основного экономического партнера Республики Беларусь, ограничение сотрудничества с государствами, не присоединившимися к санкциям, но испытывающими боязнь нарушить требования принуждающих государств. В результате введения ряда пакетов санкций произошла заморозка инвестиционной помощи Республике Беларусь, был введен запрет на поставки многих видов оборудования, на новые технологии, программное обеспечение, введены ограничения в торговле нефтепродуктами. Очевидно, что промышленные предприятия, столкнувшиеся с такими мощными лавинообразными событиями, стремятся удержаться на стабильном уровне, для чего нужны новейшие стратегические подходы к сохранению своего потенциала.

В работе [1] исследователь Е.А. Панова раскрывает причинно-следственные связи экономических санкций начиная с целей санкций на макроуровне и завершая факторами, определяющими влияние их на промышленные предприятия. Санкционное давление несёт дополнительные издержки для производственных предприятий и приводит к общему снижению продуктивности. В качестве рекомендаций автором предлагается тесное сотрудничество предприятий, кредитных организаций и государственных органов, ориентация на производственные приоритеты, включающие снижение зависимости от труднодоступных импортных комплектующих, сырья и технологического оборудования, а также своевременное перенаправление торговых потоков и реорганизация производственных цепочек. Авторами И.Р. Топуновой, Е.Е. Акулиной, С.А. Жильцовым [2] рассмотрено воздействие экономических санкций на экономику Российской Федерации, выявлен комплекс факторов, влияющий на деятельность предприятий, определена важность стратегических программ, планов и оптимизационная деятельность самих предприятий. Авторами предлагается комплекс стратегических направлений, которые смогут нивелировать негативное воздействие санкций на промышленные предприятия: всестороннее использование государственной поддержки, ориентация на импортозамещение либо расширение спектра поставщиков комплектующих и материалов, поиск новых рынков сбыта, обновление промышленного оборудования с целью повышения производительности труда, установление жесткого контроля качества для обеспечения конкурентоспособности выпускаемой продукции, обновление технологических процессов.

В работе [3] Ю.К. Абуховичем приведен анализ поведения различных стран при исследовании их реакции на введение санкций. Определено, что Республика Беларусь не является исключением и ее ответом стал пересмотр устоявшихся представлений о внешнеэкономической политике и адаптация внешнеэкономической стратегии к происходящим изменениям. В статье даётся ряд рекомендаций для снижения санкционного давления: диверсификация, наращивание операционной гибкости, создание подстраховочных избытков запасов, внедрение передовых производственных технологий, временное импортозамещение.

Основная часть. Анализ литературных и научно-информационных источников позволил выделить ряд стратегических подходов, которые могут быть рекомендованы к использованию предприятиям Республики Беларусь в период кризисных изменений с целью сохранения их устойчивого положения [4–6].

Первым подходом для организаций промышленности является ориентация на импортозамещение, которое должно носить систематический характер. Такое постепенное изменение или расширение географии поставок позволит снизить, а в некоторых случаях и исключить зависимость от импортных поставок оборудования, запасных частей, узлов, сырья и материалов.

Вторым подходом является внедрение инструментов по планированию, цель использования которых направлена на формирование актуальной картины производства, ясности возникающих проблем, определение размера потребности во всех видах ресурсов, что в конечном итоге настроит предприятие на стабильность и предсказуемость в прогнозах развития.

Третьим подходом, заслуживающим пристального внимания в период кризисных изменений, является поиск новых рынков даже при стабильных продажах. Новые рынки – это минимизация рисков, связанных с поведением заказчиков, которые могут оказаться под давлением негативных обстоятельств. Кроме того, поиск новых рынков должен быть тесно связан с внедрением новой техники и технологии, систематическим проведением технологического аудита, направленного на сохранение качества как конкурентного преимущества.

Предложенные подходы являются взаимосвязанными (рисунок). Импортозамещение предполагает поиск новых поставщиков, их анализ и оценку относительно надежности. Надежность должна оцениваться не только с позиции качества поставляемых материалов и комплектующих, но и с точки зрения гарантий относительно сроков поставок и выполнения других договорных обязательств. В свою очередь, сроки, заявленные выбранным поставщиком, будут диктовать условия при планировании предприятиями своих ресурсов. Что касается поиска новых рынков, то первым условием для клиента будет качество, поэтому качество продукта должно стать ориентиром при тактических действиях предприятия по внедрению новой техники и технологии.

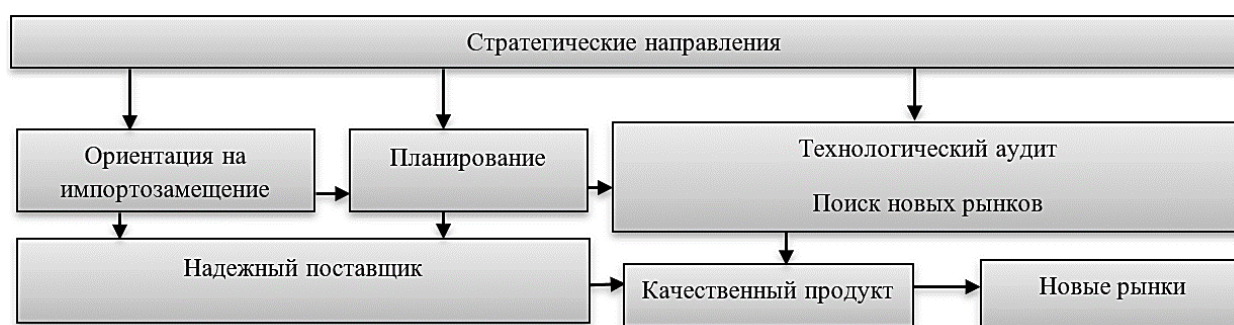

Рисунок. – Схема связи стратегических направлений предприятия в период кризисных изменений

Представленные стратегические подходы могут стать основой для оптимизации бизнес-процессов в период кризисных изменений с целью сохранения устойчивого положения предприятия.

Для исследования поведения промышленного предприятия в период кризисных изменений в качестве объекта принято машиностроительное предприятие единичного типа производства, производящее продукцию для нефте- и газодобывающей отрасли. Ассортимент выпускаемой продукции: блоки превенторы, герметизаторы, муфты ГРП, муфты BPS, активационные муфты, гидромеханические пакера, гидроякоря, пакера-подвески хвостовика, детали и узлы колтубингового и насосного оборудования. Учитывая особенности продукции и использование её на ответственных скважинах, предприятие ежегодно подвергается надзорному аудиту на соответствие требованиям API Q1 и ISO 9001. Поведение предприятия было рассмотрено в разрезе рекомендуемых стратегических направлений: ориентация на импортозамещение, планирование, технологический аудит и поиск новых рынков.

Ориентация на импортозамещение. Этап 1. Путь замены поставщиков при ориентации на импортозамещение на исследуемом предприятии начинается с анализа и определения способности потенциальных поставщиков выполнять требования, установленные в договорах относительно качества поставляемой продукции, её цены, надежности, сроков поставки. Исходной информацией при этом процессе являются справочные пособия, рекламные проспекты, каталоги, публикации в открытых источниках. С целью контроля качества поставляемой продукции предприятие создает оценочную комиссию, основной задачей которой является оценка поставщика.

Для оценки поставщика комиссия выполняет следующие процедуры:

- проверка системы менеджмента качества поставщика на требования, которые прописаны в данной системе, сюда относится проверка наличия копий сертификатов, подтверждение проведения внутренних аудитов, наличие документированных процедур, аттестация оборудования, аттестация персонала;
- проверка степени контроля, который применяется поставщиком относительно собственной цепочки поставок;
- подтверждение способности поставщика соответствовать установленным требованиям, что может быть реализовано следующими путями: проведение аудита поставщика с выездом на предприятие, пробная закупка продукции и ее анализ на соответствие описанию и требованиям договора, запросом документов, подтверждающих соответствие поставляемой продукции требованиям нормативно-правовых актов, требованиями по безопасности.

Этап 2. После оценки каждого потенциального поставщика на предприятии составляется протокол его оценки на основании ряда данных: информация о верификации системы менеджмента качества потенциальных поставщиков; сведения о несоответствиях качества поставляемых сырья и материалов, выявленных в процессе производства или в процессе эксплуатации у потребителя; отчеты по аудитам поставщиков.

Этап 3. После внесения всех потенциальных поставщиков в протокол, поставщики разбиваются на группы рисков, затем выбранные и одобренные поставщики вносятся в соответствующий реестр.

Планирование в соответствии с системой менеджмента качества исследуемого предприятия представляет собой деятельность, направленную на установление целей и определяющую необходимые мероприятия для их достижения. Планирование основывается на комплексных процессах, связанных с потребителями, производством, закупками, производственным обслуживанием, оборудованием, возможными изменениями в продукции. Процесс планирования предполагает управление необходимыми ресурсами и рабочей средой, установление требований потребителей и действующих регламентов к выпускаемой продукции, оценку рисков при возникновении нестандартных ситуаций, определение потребности в ресурсах, установление деятельности по верификации, валидации, мониторингу, контролю и испытаниям, управление изменениями. Планирование процессов создания продукции на исследуемом предприятии осуществляется путем разработки ежегодных и ежемесячных планов и производственного приказа изготовления продукции под каждый конкретный заказ.

Этап 1. Годовое планирование включает формирование финансового плана предприятия, формирование годового плана производства продукции, годового плана-графика технологической подготовки производства.

Формирование годового плана производства начинается за два месяца до окончания текущего года, предстоящего планируемому году, основанием для разработки годового плана производства являются данные по заключенным договорам текущего года, прогнозы по реализации и возможностям производства. На основании принципа гибкости при планировании предусмотрена возможность корректировки годового плана, которая может быть произведена в случае изменения объемов выпускаемой продукции, наличия вновь заключенных договоров, изменения спроса на выпускаемую продукцию, при наличии оперативных задач, возникающих в работе подразделений предприятия.

Этап 2. Ежемесячное планирование подразумевает разработку планов, включающих мероприятия по выполнению годового плана с учетом корректировок, мероприятий и корректирующих и предупреждающих действий, внесение изменений в стандарты предприятия, если это предусмотрено планом либо процедурами.

Текущее планирование на исследуемом предприятии основывается на годовом плане, при этом формируются планы на каждый месяц по детализированной номенклатуре с разбивкой по неделям. Конкретизация ежемесячных планов подразумевает составление спецификаций на сборочные единицы, учет результатов выполнения плана производства текущего месяца, оценку рисков, пополнение плана на те позиции, которые предприятие не выпустило в текущем месяце. Контроль выполнения плана заключается в указании фактической отгрузки продукции, результаты контроля учитываются при составлении плана на следующий месяц.

Технологический аудит и поиск новых рынков. Технологический аудит является комплексным исследованием технологической базы предприятия, при технологическом аудите предприятие самостоятельно может определить свое текущее состояние, оценить не только уровень используемых технологий и оборудования, но и эффективность процессов, управление ресурсами, степень соответствия производственных операций современным стандартам. Особенность технологического аудита заключается во всестороннем подходе, охватывающем как технические, так и управленческие аспекты работы предприятия.

Целью технологического аудита является выявление слабых и сильных сторон существующих решений, а также определение путей повышения производительности и сокращения затрат. Технологический аудит играет важную роль в разработке стратегии инновационного развития предприятия, направленной на внедрение передовых технологий, таких как цифровизация процессов, использование искусственного интеллекта, машинное обучение и анализ больших данных. Наиболее востребованными инструментами технологического аудита на исследуемом предприятии является бенчмаркинг и патентные исследования.

Бенчмаркинг представляет собой метод использования чужого опыта, передовых достижений лучших компаний, подразделений собственной компании, навыков отдельных специалистов для повышения эффективности работы, производства, совершенствования бизнес-процессов. Этот метод основан на анализе конкретных результатов и их использование в собственной деятельности.

Патентные исследования представляют собой метод поиска и анализа патентно-научной информации с целью обеспечения конкурентоспособности своей продукции, при этом объектом изучения являются наивысшие достижения в мировой практике конкретного вида объекта техники, технический уровень собственного производства по сравнению с мировым уровнем, тенденции развития объекта техники, то есть направление, в котором развивается объект техники.

Рынки сбыта продукции исследуемого предприятия представлены множеством организаций, которые находятся преимущественно в странах Евразийского экономического союза. Перспективами развития организации определены следующие:

- увеличение производственных площадей за счет аренды производственных цехов,
- приобретение оборудования
- освоение новых производственных операций, связанных с термической обработкой металла.

Оценка результатов деятельности исследуемого предприятия, которое в период кризисных изменений взяло ориентацию на наиболее очевидные стратегические направления, приведена за период 2021–2023 гг. в сравнении

с результатами за период 2011 – 2013 гг. Динамика основных технико-экономических показателей развития исследуемого предприятия представлена в таблице.

Таблица. – Динамика основных технико-экономических показателей развития исследуемого предприятия за 2021–2023 гг. (кризисный период) и за 2011–2013 гг. (положение до кризисного периода)

Наименование показателя	Кризисный период		Период до кризиса	
	Темп роста, %		Темп роста, %	
	2022 к 2021	2023 к 2022	2012 к 2011	2013 к 2012
Объём производства	139,99	157,45	194,44	84,99
Выручка от реализации продукции	151,16	151,85	181,94	91,03
Среднесписочная численность в организации:	93,33	101,43	114	109,23
в т.ч. производственных рабочих	102,50	102,44	117	105
Чистая прибыль организации	625,73	170,37	509,69	70,69
Затраты на производство и реализацию продукции	139,30	152,43	80,59	98,1
Рентабельность реализованной продукции	450,00	111,74	309	82,48
Среднегодовая выработка 1 работающего	149,99	155,23	159,2	80,95

Примечание – составлено по данным организации.

Исследуемое предприятие продемонстрировало весьма значительные изменения в своих основных технико-экономических показателях за период с 2021 по 2023 год. Объём производства, включая стоимость дачвальческого сырья, вырос на 139,99% в 2022 г. и на 157,45% в 2023 г. по сравнению с предыдущими годами. Этот рост также отразился на выручке от реализации продукции, которая увеличилась в 2022 г. на 151,16% и на 151,85% в 2023 г. Затраты на производство и реализацию продукции также показали значительный рост – на 139,30% в 2022 г. и на 152,43% в 2023 г. Рентабельность реализованной продукции выросла на 450% в 2022 г. и на 111,74% – в следующем. Важным показателем является выработка одного работающего, которая показала значительный рост на 149,99% в 2022 г. и на 155,23% в 2023 г.

Заключение. На основе этих данных можно сделать вывод, что выбранные стратегические направления и грамотные управленческие решения позволили предприятию не только удержаться на стабильном уровне, но и значительно улучшить свои позиции по сравнению с положением до кризисного периода.

Следует отметить, что наряду с импортозамещением, предприятию необходимо настроить четкую отслеживаемую связь цепочки поставок с производственными процессами, при этом контроль каждого звена поставки обеспечит прозрачность снабжения, что гарантирует получение качественной готовой продукции в долгосрочном периоде. В борьбе с конкурентами на новом рынке побеждает то качество, которое направлено на клиента, то есть на те ценности готового продукта, которые интересуют заказчика. При этом важно не только захватить рынок, но и удержать его, что предусматривает постоянное улучшение, сотрудничество, коммуникацию, стремление к обновлению техники и технологии, что может быть достигнуто с применением инструментов технологического аудита.

ЛИТЕРАТУРА

1. Панова Е.А. Влияние санкций на деятельность российских производственных предприятий // Государственное управление. Электронный вестник. – 2023. – Вып. № 96. – С.48-63. DOI: <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2023-96-48-63>.
2. Топунова И.Р., Акулина Е.Е., Жильцов С.А. Стратегический подход к развитию промышленных предприятий в условиях экономических санкций // Управленческий учет. – 2023. – № 6. – С. 251–257.
3. Абухович Ю.К. Направления адаптации внешнеэкономической стратегии Республики Беларусь в условиях санкций // Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы: сб. науч. ст.: в 2 т. – Минск: Право и экономика, 2022. – Т. 2. – С. 66–70.
4. Кондрашов О.В., Лапко Б.В. Моделирование бизнес-процессов как условие оптимизации управления в современной инжиниринговой компании // Новая экономика. – 2020. – № 2(76). – С. 214–223.
5. Любовцева Е.Г., Гордеева И.А. Влияние санкций на развитие экономики России: возможности и ограничения [Электронный ресурс] // Oeconomia et Jus. – 2022. – № 3. – С. 8–14. – URL: <http://oecomia-et-jus.ru/single/2022/3/2>. DOI: <https://doi.org/10.47026/2499-9636-2022-3-8-14>.
6. Грабовский Я.А. Особенности государственной поддержки промышленных предприятий в условиях санкционного давления // Вестник университета. – 2024. – № 1. – С. 61–71. DOI: <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-1-61-71>.

Поступила 04.03.2025

**STRATEGIC APPROACHES OF THE ENTERPRISE AIMED
AT OPTIMIZING BUSINESS PROCESSES DURING CRISIS CHANGES**

E. CHUKASOVA-ILYUSHKINA
(*Vitebsk State Technological University*)

The article presents an analysis of the impact of sanctions pressure on industrial enterprises and methods of responding to the influence of environmental factors. The article contains a description of a number of the most obvious strategic approaches that can be recommended to enterprises of the Republic of Belarus during periods of crisis changes in order to maintain a stable position. The proposed approaches are systematic import substitution, the introduction of tools for planning processes and resources, regular technological audits and the search for new markets. A study was conducted of the behavior of an industrial enterprise of a single type of production during a crisis period of sanctions pressure. It was determined that the choice of the most obvious strategic directions and competent management decisions allowed the enterprise not only to remain at a stable level, but also to significantly improve its position compared to the pre-crisis period, this is confirmed by an increase in profit, an increase in output per employee, and a significant increase in the profitability of products sold.

Keywords: *business process, industrial enterprise, analysis, optimization, crisis changes.*

УДК 332.012.72

DOI 10.52928/2070-1632-2025-70-1-44-48

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАТЕГОРИИ «СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА»

*канд. экон. наук, доц. К.В. ШЕСТАКОВА, д-р экон. наук, проф. Е.М. КАРПЕНКО
(Белорусский государственный университет, Минск)*

В статье представлено авторское исследование категории «социально-экономическая система», основанное на анализе состава, содержания, функций каждой из её подсистем: социальной и экономической. Проводится сопоставление социальной и экономической систем исходя из их онтологических характеристик, таких как единичный элемент (единица системы), содержание процессов, механизмов регулирования, необходимые условия существования. Изучается место каждой из подсистем (социальной, экономической) в рамках целостной системы: рассматриваются вопросы приоритета экономической системы над социальной системой, и наоборот, самостоятельности социальной и экономической подсистем. На основе критического анализа данных исследовательских позиций выводятся сущностные качества социально-экономической системы, предопределяющие её дуальную природу, что в дальнейшем служит основой для разработки методологического аппарата её исследования.

Ключевые слова: *социально-экономическая система, социальная система, экономическая система, онтология, производственные отношения, производительные силы, социальные отношения.*

На сегодняшний день социально-экономическая система является ключевым объектом научных исследований в экономической и управленческой сферах. Социально-экономические системы находили отражения в работах различных ученых на протяжении последних столетий в контексте изучения и осмысления их сущности и природы (У. Баумоль, Е. Бем-Бавек, Ю. Бромлей, М. Вебер, П. Друкер, Ф. Лист, К. Маркс, Ф. Найт, Р. Норд, В. Парето, У. Пигу, Д. Рикадро, А. Смит и др.), развития (Д. Белл, А. Богданов, Ф. Бродель, Н. Винер, Дж. Гэлбрейд, Н. Кондратьев, Н. Моисеев, И. Пригожин, У. Ростоу, А. Фримен, Г. Хакен, Й. Шумпетер и др.). С одной стороны, уже накоплен достаточный объем знаний, позволяющий сформировать целостное представление о социально-экономической системе. С другой стороны, существует необходимость в систематизации и уточнении этих знаний для их эффективного применения в дальнейших научных исследованиях, что обуславливает исследовательскую задачу данной научной работы.

В общем представлении социально-экономическая система – это интеграция и взаимодействие двух подсистем: социальной и экономической, что порождает её уникальные характеристики, особые свойства и специфику поведения. Следовательно, актуализируется научная задача онтологического анализа каждой из подсистем, образующих социально-экономическую систему, что в целом позволит углубить понимание сущности и содержания социально-экономической системы, её структурных форм, а также свойств и закономерностей в функционировании и развитии.

Социальная подсистема. Первичные исследования социальных систем как самостоятельной области научного познания были начаты О. Контом в XIX веке. Наиболее весомый вклад в изучение феномена социальных систем внесли такие ученые, как Т. Парсонс (функциональная теория социальной организации) [1], М. Вебер (теория социального действия) [2], Э. Дюргейм (теория социологического позитивизма) [3].

Толкотт Парсонс определяет социальные системы как «системы, образуемые состояниями и процессами социального взаимодействия между действующими субъектами». [1, с. 18]. Иными словами, социальные системы – это организованная деятельность многих людей. В состав социальной системы входят следующие подсистемы: социальные, культурная, личностная, поведенческий организм, – выполняющие соответствующие функции: интеграция, воспроизводства образца, целедостижение, адаптация. Данные подсистемы взаимодействуют между собой, в процессе чего происходит взаимовлияние, взаимопроникновение и взаимообмен. Взаимодействие между подсистемами, согласно Т. Парсонсу, обеспечивается на основе четырех переменных: ценностей, норм, коллективов, ролей, на основе которых и раскрываются функции входящих в социальную систему подсистем. «Социальная система имеет структуру с взаимосвязанными уровнями: индивид – группа (коллективы) – институты – общество в целом. Каждому из этих уровней соответствует свой тип иерархии: технический, «менеджеральный», институциональный и социетальный. Социальная структура общества представляет собой неподвижное единство постоянно изменяющихся социальных действий и является упорядочивающим взаимодействующими части элементом в социальной системе. Социальная структура общества включает в себя социальный порядок и социальные нормы. Социальный порядок возникает под воздействием тенденций социальной системы к самосохранению и к сохранению определенных границ и постоянства по отношению к среде» [4].

Питиримом Александровичем Сорокиным отмечается, что родовая природа социальной системы лежит в плоскости социального действия и взаимодействия [5]. В данном контексте целесообразно упомянуть теорию

Макса Вебера, в рамках которой социальность действия деятелей определяется конкретными признаками (целерациональность, ценностнорациональность, традиционность, аффективность) [2]. Никлас Луман понимал социальную систему как «единичное коммуникационное взаимодействие» [6]. В социологии социальная система – «это совокупность элементов (различных социальных групп, слоёв, социальных общностей), находящихся между собой в определённых отношениях и связях и образующих определённую целостность» [7, с. 956].

В исследовании Н.А. Рытовой социальная система определена как «комплекс неоднородных между собой как искусственных, так и естественных подсистем, элементы которых комплексно связаны неоднородными отношениями» [8]. В.И. Дробенькова и А.И. Кравченко дают следующее определение социальной системы: «социальная система – относительно жестко связанная совокупность основных элементов общества; совокупность социальных институтов» [9, с. 13]. Крапивенским С.Э. делается вывод, что «социальная система есть упорядоченная, самоуправляемая целостность множества разнообразных общественных отношений, носителем которых является индивид и те социальные группы, в которые он включен» [10, с. 26]. Татьяна Петровна Ритерман определяет социальную систему как «целостное образование, основными элементами которого являются люди, а также их устойчивые связи, взаимодействия и отношения» [11, с. 5]. В философском словаре приводится следующее определение социальной системы: «сложноорганизованное, упорядоченное целое, включающее отдельных индивидов и социальные общности, объединённые разнообразными связями и взаимоотношениями, специфически социальными по своей природе. Социальной системой являются группы индивидуумов, достаточно долгое время находящихся в непосредственном контакте; организации с чётко оформленной социальной структурой; этнической или национальной общности; государства или группы взаимосвязанных государств и т.п.; некоторые структурные подсистемы общества: например, экономические, политические или правовые системы общества, наука и т.д.» [12, с. 611].

Российский социолог Ю.М. Плотинский предлагает «в качестве социальной системы рассматривать индивида, семью, организованную группу, клуб, партию, организацию (фирму, предприятие, учреждение и т.д.), социальный институт (право, образование, религия и т.д.), территориальную общность (деревню, город, область, государство), мировое сообщество (мировая система)» [13]. В данном контексте уместно отметить точку зрения Р. Акоффа и Ф. Эмери, которые в своей работе «О целеустремленных системах» [14] указали, что одной из форм социальной системы выступает организация. Согласно их трактовке, организация – это социальная группа, в которой существует функциональное разделение труда, направленное на достижение общей цели (целей). Как указывает Т.П. Ритерман, «социальные системы складываются на основе совместной деятельности людей» [11, с. 19]. В работе Н.А. Рытовой отмечено, что «социальным системам характерна упорядоченность, целостность, наличие закономерностей построения, функционирования и развития» [8]. В.Г. Афанасьев констатирует, что «социальные системы являются системами высшей степени сложности; им присуще множество подчас чрезвычайно разнородных компонентов, необычайное богатство взаимосвязей между компонентами системы, между системой в целом и средой» [15, с. 240]. Социальная система имеет внутренний источник развития, т.е. обладает саморазвитием.

Таким образом, исходя из приведенных выше определений следует, что социальные системы имеют структуру, в рамках которой человек и сформированные вокруг него подсистемы объединены различного рода социальными отношениями. Социальные системы сложны, разнородны, упорядочены, организованы, целостны и имеют общие свойства и закономерности возникновения, функционирования и развития.

Экономическая подсистема. Осмысление сущности экономических систем, а также отдельных аспектов их функционирования обнаруживается в трудах многих выдающихся ученых, таких как А. Смит, Д. Риккардо, К. Маркс, В. Ойкен, У. Ростоу, К.Н. Леонтьев и многих других. Однако однозначной трактовки категории «экономическая система» до сих пор не выработано. В научной литературе встречаются следующие дефиниции «экономической системы», представляющие интерес с точки зрения определения онтологического многообразия рассматриваемой категории:

– Нуреев Р.М.: «это совокупность взаимосвязанных экономических элементов, образующих определенную целостность, экономическую структуру общества; единство отношений, складывающихся по поводу производства, распределения, обмена и потребления экономических благ» [16, с. 54].

– Абалкин Л.И.: «конкретно-историческая форма существования и проявления производственных отношений вместе с присущими ей формами организации производства и управления применительно к региону и этапу общественного развития» [17, с. 153].

– Грегори П., Стюарт Р.: «совокупность механизмов и институтов для принятия и реализации решений, касающихся производства, дохода и потребления в рамках определенной географической территории» [18].

– Булатов А.С.: «совокупность экономических процессов, совершающихся в обществе на основе сложившихся отношений собственности и организационно правовых форм» [19, с. 411].

– Федосеева В.В.: «система общественного производства и потребления материальных благ» [20, с. 7].

– Ламперт Х.: «это форма перераспределения экономических ресурсов на определенной территории, приносящая выгоду экономическим субъектам» [21, с. 19].

– Гойхер О.Л., Ларюшкина А.А.: «совокупность всех экономических процессов, совершающихся между взаимосвязанными элементами на основе сложившихся отношений собственности и хозяйственного механизма через многофункциональные связи между элементами и с помощью системы стимулов и мотиваций участников. В любой экономической системе первичную роль играет производство в совокупности с распределением, обменом, потреблением. Во всех экономических системах для производства требуются экономические ресурсы, а результаты хозяйственной деятельности распределяются, обмениваются и потребляются» [22, с. 249].

Исходя из анализа приведенных определений, экономическая система в первую очередь служит для производства, распределения и обмена благ. Экономическая система характеризуется особым типом производственных отношений по поводу использования производительных сил. В то же время экономическая система – это множество экономических элементов (агентов), между которыми сформированы экономические связи, приносящие этим экономическим элементам выгоду. Данные экономические элементы образуют определенную целостность в конкретно-исторических и территориальных условиях. Для раскрытия содержания категории «экономическая система» представляется важным рассмотреть трансформации трактовки данной категории в рамках различных школ, подходы которых приводятся в таблице 1.

Таблица 1. – Трактовка сущности «экономической системы» в рамках различных научных направлений (школ)

Научная школа	Содержание понятия «экономическая система»
Классическая (А. Смит, Д. Рикардо, Ж.-Б. Сей и др.)	Базируется на представлении о свободном рынке, который действует как самостоятельная система, способная эффективно регулировать производство, распределение и потребление товаров и услуг
Неоклассическая (Л. Вальрас, И. Пигу, А. Маршалл и др.)	Совокупность участников (агентов), которые взаимодействуют в условиях свободного экономического пространства (рынка) путем производства, потребления и обмена, руководствуясь при этом личными экономическими интересами (максимизацией прибыли)
Институциональная (Д. Норт, Р. Коуз, Т. Веблен и др.)	Совокупность агентов и их действий (производства, потребления и обмена) в условиях различного рода ограничений, правил и норм (т.е. институтов) и поведение которых направлено не только на максимизацию прибыли, но и на соответствие этим институтам и улучшение своего положения в структуре данных институтов

По мнению Л.И. Лопатникова, качествами, присущими экономической системе, являются «сложность, вероятность, динамичность, охват процессов производства, обмена, распределения и потребления материальных благ» [23, с. 44]. Экономическая система – это «сложная открытая система с нелинейной динамикой, периодическим усилением неустойчивости развития. В основе её эволюции лежат процессы самоорганизации в их специфическом преломлении» [24, с. 39].

Таким образом, экономическая система – это совокупность методов и институтов, через которые организуется производство, распределение и потребление товаров и услуг в обществе. Экономическая система определяет, как ресурсы (земля, труд, капитал, предпринимательские способности) распределяются между различными потребностями и как осуществляется их использование с целью удовлетворения потребностей общества.

Рассмотрим сущность социально-экономической системы как комбинации экономической и социальной систем, характеристики которых приведены в таблице 2.

Таблица 2. – Характеристика «экономической» и «социальной» систем

Параметры	Экономическая система	Социальная система
Содержание	Производство, распределение, обмен, потребление	Люди и отношения между ними, классовая структура, социальные нормы
Характеристики/ свойства	Сложность, упорядоченность, целостность, наличие закономерностей построения, функционирования и развития	
Механизмы регулирования	Отношения собственности, хозяйственный механизм	Правила, нормы, законы, религия, культура, мораль и т.п.
Необходимые условия существования	Наличие производственных ресурсов	Формализованность и упорядоченность отношений, легитимность, доступность и понятность каждому индивиду
Элемент	Единица ресурса / экономический агент	Индивид

Исходя из анализа научной литературы выделены следующие соотношения между экономической и социальной системами в рамках образуемой общности: приоритет экономической системы над социальной системой, приоритет социальной системы над экономической системой, равнозначность и самостоятельность экономической системы и социальной системы.

– *Приоритет экономической системы над социальной системой.* Карл Маркс рассматривает социально-экономическую систему как в первую очередь результат взаимодействия между производственными отношениями и производительными силами. Для него социально-экономическая система – это сочетание материальных условий, способов производства и классовых отношений, а также способов распределения ресурсов [25].

– *Приоритет социальной системы над экономической системой.* Макс Вебер в понимании сущности социально-экономических систем разделял экономическую систему и социальную, делая акцент на организационных и культурных аспектах [2]. Так, экономическая система, в понимании М. Вебера, Т. Парсонса, представляется частью социальной системы. Последний рассматривал экономическую подсистему как подсистему, реализующую функцию адаптации и которая должна обеспечить людям необходимый минимум материальных благ. Социальная система, по Т. Парсонсу, – это «подсистема общей системы действия, выполняющей функцию интеграции» [1]. Социальная система есть суть интеракции индивидов. В работе Н.А. Рытовой указывается, что «сущность социальной системы человеческого общества проявляется в экономической, политической и культурной формах» [8, с. 132].

– *Самостоятельность социальной и экономических систем.* Социолог Н. Луман рассматривал социальную и экономическую системы как автономные части общества, каждая из которых функционирует и развивается в рамках своих функций. Он отмечает, что «существование социальной системы всегда привязано к среде, которая предоставляет ресурсы для её жизнедеятельности и дает импульс к её развитию. Ресурсное обеспечение социальной системы происходит за счет экономической системы» [6], что указывает на их самостоятельность, взаимодополняемость и взаимодействие.

Таким образом, социально-экономическая система – это совокупность отношений, структур и институтов, через которые осуществляются взаимодействия между экономическими и социальными компонентами общества. В этой системе совмещаются аспекты экономики (производства, распределения, обмена и потребления товаров и услуг) и социальные (отношения между людьми, социальные нормы, классовая структура, культура и образование). Понимание дуалистической природы социально-экономической системы позволяет вычленить общее и специфическое, присущее каждой из составляющих подсистем, что в дальнейшем может быть использовано для расширения методологического инструментария.

ЛИТЕРАТУРА

1. Парсонс Т. Система современных обществ. – М.: Аспект-Пресс, 1998. – 270 с.
2. Вебер М. Работы М. Вебера по социологии, религии и культуре. – Вып. 2. – М.: ИНИОН, 1991. – 301 с.
3. Дюркгейм Э. Правила социологического метода / Пер. с фран. В. Желнинова. – М.: АСТ, 2021. – 384 с.
4. Социология: Теоретический курс [Электронный ресурс] // Нижегород. гос. ун-т им П.Е. Алексеева. – URL: https://www.ntu.ru/frontend/web/ngtu/files/org_structura/library/resurvsy/pervokursnik/ineu/sociolog/system/authors/parsons.html (дата обращения 23.12.2024).
5. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. – М.: Астрель, 2006. – 1176 с.
6. Луман Н. Л. Общество как социальная система / пер. с нем. А. Антоновского. – М.: Изд-во «Логос», 2004. – 232 с.
7. Социология: Энцикл. / сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. – Минск: Книжный Дом, 2003. – 1312 с.
8. Рытова, Н.А. Социальная система: сущность, структурные формы и свойства // Государственное управление: сб. науч. раб. – Вып. 26: Экономика и управление народным хозяйством. – Донецк: ГОУ ВПО «ДОНАУИГС», 2022. – С. 127–138.
9. Дробенькова В.И., Кравченко А.И. Социология: учеб. – М.: ИНФРА-М, 2001. – 624 с.
10. Крапивенский С.Э. Социальная философия: учеб. для студентов гуманитар.-социал. специальностей вузов. – 4. изд., испр. – М.: ВЛАДОС, ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, 2004. – 416 с.
11. Ритерман Т.П. Социология. Полный курс. – М.: АСТ, Астрель, 2009. – 128 с.
12. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалёв, В.Г. Панов. – М.: Сов. Энцикл., 1983. – 840 с.
13. Плотинский Ю.М. Модели социальных процессов: учеб. пособие для высших учебных заведений. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Логос, 2001. – 296 с.
14. Акофф Р., Эмери Ф. О целеустремленных системах / пер с англ., под ред. И.А. Ушакова. – М.: «Сов. радио», 1974. – 272 с.
15. Афанасьев В.Г. Системность и общество. – М., 1980. – 368 с.
16. Нуреев Р.М. Курс макроэкономики: учеб. для вузов. – 2-е изд., изм. – М.: НОРМА, 2000. – 572 с.
17. Абалкин Л.И. Диалектика социалистической экономики. – М.: Мысль, 1981. – 206 с.
18. Gregory P. P., Stuarts R. S. Comparative Economic Systems. – Boston, 2021. – 67 p. – URL: <https://www.bu.edu/eci/files/2021/08/Comparative-Economic-Systems.pdf>.
19. Экономика: учеб. / Под ред. А.С. Булатова – М.: «БЕК», 1994. – 632 с.
20. Экономико-математические методы и прикладные модели / Под. ред. В.В. Федосеева. – М.: ЮНИТИ, 1999. – 391 с.
21. Ламперт Х. Социальная рыночная экономика. Германский путь. – М., 1993. – 224 с.
22. Гойхер О.Л., Ларюшкина А.А. Экономическая система: понятие, виды, свойства // Вестник ГУУ. – 2013. – № 16. – С. 246–250.

23. Лопатников Л. И. Популярный экономико-математический словарь. – М.: Знание, 1990. – 252 с.
24. Макроэкономика: учеб. для вузов / С.Ф. Серегина и др.; под ред. С.Ф. Серегинной. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2024. – 477 с.
25. История экономических учений: учеб. пособие / Под ред. В. Автономова и др. – М.: ИНФРА-М, 2002. – 784 с.

Поступила 24.03.2025

ONTOLOGICAL ANALYSIS OF THE CATEGORY 'SOCIO-ECONOMIC SYSTEM'

K. SHESTAKOVA, E. KARPENKA
(*Belarusian State University, Minsk*)

The article presents the author's study of the category 'socio-economic system' based on the analysis of the composition, content, functions of each of its subsystems: social and economic. A comparison of the social and economic systems is carried out based on their ontological characteristics, such as a single element (unit of the system), the content of processes, regulatory mechanisms, and the necessary conditions for existence. The place of each subsystem (social, economic) within the framework of the integral system is studied: issues of the priority of the economic system over the social system are considered; and vice versa, the independence of the social and economic subsystems. Based on a critical analysis of these research positions, the essential qualities of the socio-economic system are derived, predetermining its dual nature, which subsequently serves as the basis for the development of a methodological apparatus for its study.

Keywords: *socio-economic system, social system, economic system, ontology, production relations, productive forces, social relations.*

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 340.122

DOI 10.52928/2070-1632-2025-70-1-49-53

ПРАВОЗАЩИТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГЕОРГИЯ КОНИССКОГО

С.Б. АНТОНЕНКО

(Белорусский государственный университет, Минск)

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-2067-0276>

В статье рассмотрена правозащитная деятельность видного деятеля эпохи Просвещения Георгия Конисского. Отмечается, что формирование правозащитных идей мыслителя началось еще в период обучения и преподавания в Киево-Могилянской академии. Непосредственное влияние на ход политического процесса и развитие правовой мысли в Великом Княжестве Литовском (далее – ВКЛ) его идеи оказали уже во второй половине XVIII века. Подчеркивается связь между политическими и правовыми идеями Г. Конисского и его правозащитной деятельностью. Делается вывод о том, что правозащитная деятельность реформатора во многом базировалась на принципе справедливости.

Ключевые слова: правозащитная деятельность, суд, Георгий Конисский, справедливость, Беларусь, православие, униатство.

Введение. Георгий Конисский (1717-1795) – видный религиозный и общественный деятель эпохи Просвещения. Несмотря на значительный вклад в развитие политической и правовой мысли Беларуси во второй половине XVIII века, на сегодняшний день в нашей стране отсутствует комплексный анализ его политико-правовых идей. В то же время изучение общественной деятельности Г. Конисского и его идейного наследия важно в том числе в свете современных вызовов – обеспечения социальной справедливости, религиозного равенства, свободы убеждений и ряда других общественных постулатов.

Следует отметить, что важной частью служения Г. Конисского в качестве Могилевского архиепископа была правозащитная деятельность. В её рамках Г. Конисский не только развивал свои политические и правовые идеи, но и непосредственно влиял на преобразование политико-правовой реальности в Речи Посполитой, частью которой в тот исторический период были земли современной Беларуси. Одним из наиболее значимых достижений мыслителя в процессе осуществления правозащитной деятельности стало создание смешанного суда (*judicii mixti*) и разрешение свободного перехода униатов в православие.

Основная часть. Правозащитная деятельность Г. Конисского начала формироваться еще в период его обучения в Киево-Могилянской академии. Основой указанной деятельности стали правозащитные идеи мыслителя, во многом базирующиеся на концепции естественного права и учении древнегреческих философов, в первую очередь – Аристотеля. Формированию прогрессивных взглядов Г. Конисского, безусловно, способствовала и объективная реальность того времени – европейский уровень преподавания различных дисциплин, в том числе знаний об обществе и человеке в Киево-Могилянской академии, развитие и распространение идей Просвещения и рационализма, а также складывавшаяся в целом общественно-политическая ситуация в Российской империи и соседней Речи Посполитой.

В регионе Российской империи, известном как «Гетманщина» и родном для Г. Конисского, в рассматриваемый период существовали структурные социальные проблемы, в частности, наблюдалось угнетение беднейшего крестьянства со стороны казацкой верхушки, насильственный захват земель мелкого казачества. Данный процесс был обусловлен стремлением казацкой верхушки к изменению своего социального статуса с зачислением в дворянское сословие, для чего необходимо было иметь как можно больше крепостных и земель. Поэтому с молчаливого согласия чиновников и судов в отношении простых вольных казаков допускались проявления беззакония, связанные с изъятием имущества, несмотря на то, что права этой категории населения охранялись царским законодательством.

Значимые социальные проблемы имели место и в Речи Посполитой. Так, продолжалось ущемление прав лиц, не являвшихся католиками и принадлежавших к иным христианским конфессиям – «диссидентов», включая православное население, проживавшее преимущественно на территории ВКЛ.

Именно в это время Г. Конисским была написана драма-проповедь «Воскресение мертвых обще убо всім будущее, но страждущим всім неповинно в віці сем блаженно, а обидящим гибельно; в п'яти дійствах в пользу чаючим оного показанное Георгієм Коніцким, 1746 літа» (далее – «Воскресение мертвых»), в которой автор попытался дать ответ на наиболее острые вызовы современности. В основе драмы лежит не только религиозно-морализаторский аспект, но и актуальная для того времени социально-политическая и правозащитная проблематика. В предисловии автор лаконично, но ёмко определяет главную задачу как данного конкретного произведения, так и поучительных драм в целом: «Еже учит, в обществе «нравы представляя» [1, с. 28].

В «Воскресении мертвых» мыслитель выходит за рамки сугубо религиозных понятий, его призывы к праведной жизни выливаются в обличение существовавших порядков. Так, его беспокоит правовое положение нижних слоев общества, проживающих не только на Гетманщине, но и в Речи Посполитой. Важность данного произведения заключается в том, что автор обратил внимание на актуальные для того времени социально-политические проблемы, выдвинув их на первый план перед интеллектуальной общественностью Киево-Могилянской академии. Кроме того, именно в указанной драме Г. Конисским был заложен принцип, ставший основой его последующей правозащитной деятельности – справедливость [2, с. 57–58]. Критике подверглись не только казацкая верхушка, но и судьи, помещики, чиновники, занимавшиеся воровством и взяточничеством. Автор показывает себя защитником угнетенных и обиженных, тех, кто не может защитить свое доброе имя даже в суде, так как обидчик его «сам в суде восседает»: «...И в вишем суде маю патронов излишише; / Нехай только кто схоцет правду захищати...» [3, с. 43]. Через все произведение красной нитью проходит следование принципу справедливости, почерпнутому из естественно-правовой теории и ставшему основой правовых и политических взглядов Г. Конисского.

«Прикладной» этап правозащитной деятельности Г. Конисского начался в 1755 г., когда он был назначен Могилевским архиепископом и осуществлял свое служение на территории Королевства Польши и Литвы. Следует отметить, что вторая половина XVIII в. в Речи Посполитой характеризовалась значительным притеснением «диссидентов» со стороны католиков, особенно четко данный процесс прослеживался на землях современной Беларуси (в ВКЛ), где еще сохранялось православное вероисповедание. Многие дискриминационные меры были закреплены на законодательном уровне. Правозащитную деятельность Г. Конисского в данный период можно разделить на практическую (участие в общественно-политической жизни Речи Посполитой и Российской империи) и теоретическую (изучение законодательных актов и составление на их основе правовых сборников, направленных на защиту православных).

Свое служение в качестве Могилевского архиепископа Г. Конисский начал с написания «жалоб» и «обид» в адрес как Синода Русской Церкви, так и в адрес императрицы Елизаветы Петровны. Кроме того, для ведения судебных дел он выделил отдельные деньги и нанял профессионального юриста [4, с. 25]. Работа Г. Конисского по сбору и представлению в Синод всех тех «обид и утеснений православных» была достаточно результативной. В этой связи следует упомянуть ноту Российского Правительства от имени императрицы Елизаветы Петровны от 4 августа 1758 г., в которой содержались требования, ссылаясь на положения Вечного мира 1686 г., представить королю Речи Посполитой, «чтобы по силе и содержанию оного трактата и других привилегий, непременно прекращены были такие нестерпимые обиды и гонения православных монастырей, церквей и обывателей, чтобы разрешено было им вновь строить и возобновлять храмы свои <...> и чтобы они без всякого стеснения совести, в прежней свободе и совершенном покое оставлены были» [5, с. 17–18]. Важно, что многочисленными жалобами и донесениями в Синод Г. Конисский раскрывал неблагоприятную для «диссидентов» ситуацию, которая складывалась в первую очередь на белорусских землях – в ВКЛ. Он обозначал проблемные моменты и искал пути их разрешения.

Правозащитная деятельность Г. Конисского значительно активизировалась с момента восшествия на российский престол Екатерины II в 1762 г. В своей речи на коронации императрицы (будучи приглашенным на данную церемонию) он обратил внимание на угнетенное правовое положение православного населения в Речи Посполитой. Через 3 года в 1765 г. он выступил на коронации Станислава Августа Понятовского, где также указывал на данную проблему. Заручившись поддержкой обеих монархов Г. Конисский, хотел воплотить свои идеи правового равенства верующих различных конфессий в жизнь, однако бюрократические препоны и нежелание элиты Речи Посполитой идти на уступки в религиозном вопросе затянули принятие соответствующего решения на долгие годы.

Важной фазой борьбы за права диссидентов стал период, временные рамки которого можно определить от начала сейма Чаплица (6 октября 1766 г.) до окончания сейма Репнина (27 февраля 1768 г.), когда диссидентский вопрос стал, по сути, основным камнем преткновения в отношениях между Варшавой и Санкт-Петербургом (хотя Россия, безусловно, добивалась решения целого спектра политических и экономических вопросов, исходя из понимаемых её элитой государственных интересов).

На сейме Чаплица в 1766–1767 гг. решить вопрос диссидентов не получилось, требования православных приняты не были, однако удалось вывести тему обеспечения религиозного равенства на первый план общественной дискуссии внутри Речи Посполитой. Непринятие требований православных на сейме 1766 г. несколько обескуражило Г. Конисского, о чем свидетельствуют его письма к различным священнослужителям. Он писал: «На сейме прошедшем генеральным прошениям и претензиям нашим в подтверждении древних прав и вольностей наших, без уважения <...> отказано» [6, с. 622]. В то же время итоги сейма еще больше политизировали вопрос равенства диссидентов, который приобрел уже международно-политический характер. Это подтверждается в том числе и письмом Г. Конисского к близкому ему по взглядам епископу Переяславскому Гервасию, где он пишет: «Отчаиваться нам еще не доводится, когда такие средства высочайшими дворами к наступлению от озлобителей приемлются, которым сопротивляться будет трудно» [7, с. 588–590]. В ответ на отклонение депутатами сейма предложения об уравнении в правах католиков и представителей других конфессий были образованы Слуцкая, Радомская и Торунская конфедерации. Г. Конисский был одним из организаторов Слуцкой конфедерации, хотя сам в нее официально не входил, так как не был дворянином (шляхтичем). И. Григорович, анализируя деятельность Слуцкой конфедерации, отмечал: «Важной целью конфедерации было «соединение единственно для того, чтобы доставить себе наши права и привилегии, свободу нашей веры, нашей чести, нашей жизни и имущества, будучи готовы защищать все сие самым делом до последней капли крови нашей» [5, с. 34–35].

На сейме, начавшемся 5 октября 1767 г., снова был поднят вопрос о диссидентах. В целях достижения определенного компромисса с католиками 19 ноября 1767 г. российская делегация представила на обсуждение проект трактата между Речью Посполитой и Россией. Не все положения данного документа отражали интересы православного населения. Так, пункт 3 этого акта гласил: «... переход из церкви Римской к какой-либо иной вере в Государстве Польском, Великом Княжестве Литовском и присоединенных провинциях за криминальное преступление объявляем, тот кто это учинить отважился, тот должен быть выгнан из областей республики...» [8, с. 453]. Получалось, что в случае принятия трактата, все, кого насильно привели в униатство и католичество после его подписания, при изъявлении желания перехода обратно в православие объявлялись вне закона.

Данный пункт, равно как и отсутствие в трактате положения о свободе перехода из униатства в православие, означал, что проделанная Г. Конисским работа по правовому решению проблемы диссидентов была (с точки зрения его идеалов) во многом выхолощена. Однако, несмотря на несправедливость самого акта, Г. Конисский решил предпринять превентивные меры для минимизации его негативных последствий для интересов православного населения Речи Посполитой. Поэтому Г. Конисский разослал по всем православным приходам Королевства Польши и Литвы, в частности в Беларусь и «польскую» Украину, письма, в которых сообщил, что, если есть желающие перейти в православие, они должны поспешить сделать это до утверждения трактата и заявить о своем желании ему самому или в местных городских судах [9, с. 434–435]. Также он рекомендовал: «...таковые должны чи то целыми приходами, чи то партикулярно, кому доведется учинить манифест о том. Сердцем же они (те, кто принужден к униатству или католичеству) всегда в православии были и за страх только того чинить не могли. А также должны указать, что «в оной (православной вере) жить и умирать желают» [10, с. 369]. Важно, что до начала последней сессии сейма, то есть до конца февраля 1768 г., Г. Конисский, после заверения и представления российским послом Н.В. Репниным всех жалоб православных перед королем и сеймом, внес их в варшавские магистратские книги [9, с. 665].

Исходя из данного эпизода биографии Могилевского епископа, можно сделать вывод, что в его представлении закон, каким бы он ни был, являлся обязательным для исполнения. Он не допускал и мысли, что можно нарушить норму закона, какой бы несправедливой или неправильной она ни была.

Одним из важнейших достижений Г. Конисского в плане обеспечения равноправия диссидентов и католиков стало создание в Речи Посполитой так называемого смешанного суда (*judicii mixti*) для рассмотрения дел, связанных с религиозной сферой. В соответствии с решением сейма 1768 г. православные и другие диссиденты, включая светских и духовных лиц, освобождались от всякой юрисдикции католической церкви. Никто из них не мог быть привлечен ни в одну из римских консисторий, а также в духовный трибунал ВКЛ. Для разрешения соответствующей категории дел необходимо было обращаться в смешанный суд. Можно утверждать, что для Г. Конисского создание данного суда имело особое значение. Уважительное отношение к судебной власти он сохранил еще с периода обучения и работы в Киево-Могилынской академии. Про необходимость различной подсудности дел для диссидентов и католиков он писал еще в своем мемориале 1765 г. После данное требование было изложено в статьях Слуцкой конфедерации, далее – создание подобного суда было предусмотрено в принятом проекте постановления Сейма о положении религии в Речи Посполитой (1766 г.), а после нашло отражение в сепаратном акте 1768 г. и наконец-таки было принято Сеймом. Важность данного вопроса подтверждается не только длительностью его проработки непосредственно Г. Конисским, но и тем, как его исключительное значение понимал сам белорусский архиепископ.

В своем письме от 26 января 1768 г., то есть еще до окончания сейма, он писал епископу Гервасию: «Дела, касающиеся до Униатов, после Сейма, не будут сужены, потому что суд новый *mixti judicii*, в трактате определенный, разве в октябре начнется, и судьи назначены будут в июле. Однако суд оный будет только апелляционный; потому можно, и зараз по Сейме, позывать Униатов и всех обидчиков до городских судов... Новоучрежденный суд апелляционный так Униатам страшен, что известный мучитель Мокрицкий прибежал уже, без суда, примириться с нами, <...> Правда, и тягаться дело трудное и убыточное, хотя и суд будет справедлив: однако есть ли годиться с ними, то надобно нам конечно нынешние обстоятельства в пользу нашу употребить» [9, с. 543–544].

Из текста письма становится понятно, что Г. Конисский дал свою оценку созданию указанного суда не только как мыслитель, учитывавший абстрактное понимание справедливости и судебной власти, но и как практик, создававший дороговизну рассмотрения данной категории дел. Немаловажно и то, что для него создание смешанного суда было одной из форм реализации справедливости в отношении православных верующих. Принцип справедливости в осуществлении правосудия являлся фундаментом правовых взглядов епископа в отношении судебной власти. Он не отрицал, что возможность примирения униатов и православных возможна и вне суда, то есть без участия государства, она возможна в досудебном порядке, однако такое примирение он предлагал с наибольшей пользой именно для православных.

Вместе с тем ситуация, связанная с возвращением униатов в православную конфессию, не менялась в лучшую сторону и после первого раздела Речи Посполитой в 1772 г. Это объясняется тем, что сразу после первого раздела Речи Посполитой Екатерина II объявила о веротерпимости на вновь присоединенных территориях, тем самым получив определенную политическую выгоду: в 1772 и 1773 гг. униаты свидетельствовали о том, что они наслаждаются полным спокойствием, имеют суд правый и скорый [11, с. 114]. В результате Г. Конисский и его сторонники оказались в затруднительном положении: с одной стороны, он с 1755 г. писал письма и «обиды»

в Синод русской Церкви на действия униатских священников, в которых в том числе указывал на насильственность принятия униатства верующими; с другой стороны, Российское государство, вопреки аргументам Г. Конисского, признавало униатов и гарантировало им свободу вероисповедания. Возвращение же униатов в «исконную церковь» было делом принципа, за которое он боролся всю свою жизнь.

Георгий Конисский смог высказать свои взгляды относительно присоединения униатов к православной церкви непосредственно императрице 10 марта 1773 г., обратившись к ней с речью в Санкт-Петербурге. Кроме привычного сравнения белорусских земель с «землей Израильевой», а пребывание их в Речи Посполитой с «пленом Сионским», оратор отстаивал идею воссоединения униатов и православных. Он говорил: «Кто не знает по истории российско-польской, что сей народ в тесноте и озлоблении 170 лет жил. А ныне он тобой, Богом умудренная Государыня, яко новым Моисеем: и уже море оно Черное, кровию Исповедников очервлено... ибо не суть ли узы, которыми душа ее... были связаны. ...Однако ныне сие узы тяжкие... совсем расторгнуты... и уже пленники толпами, яко потоки... к матери своей Церкви весело текут» [5, с. 288–290]. В этом отрывке прямолинейно сформулирована сущность взглядов Г. Конисского на отношения церкви и человека, которая полностью соответствует его правозащитной деятельности. Данная часть речи направлена на защиту тех православных, которые пребывали или были обращены в унию насильно. Как отмечает М.О. Коялович, униатское духовенство Беларуси полагало, что законы Российской империи ограждают целостность униатской церкви, а значит, власти должны принимать меры против нарушителей этой целостности, поэтому воспользоваться законом о свободном переходе в православие для лиц, насильно принятых в униатство, ни крестьяне, ни шляхта практически не могли [11, с. 121–122].

Ситуация изменилась только в 1780 г., когда вышел указ Екатерины II «Об учреждении Консисторий для управления духовными делами Униатских церквей в Полоцком и Могилевском наместничестве». В соответствии с указом разрешалось в случае отсутствия униатского священника и при наличии желания у паствы принимать её в православие¹. Результатом просветительской и агитационной деятельности Могилёвского архиепископа стал переход значительного числа униатских верующих в православие, что подтверждают цифры, приведенные М.О. Кояловичем. По сообщениям самого Г. Конисского, в 1781 г. в православие перешло 85 069 человек, в 1782 – 17 829, в 1783 – 9 680 человек [12, с. 337].

Заключение. На основании изложенного можно сделать следующие выводы:

1. Правозащитная деятельность Г. Конисского носила прогрессивный характер и была неразрывно связана с его политико-правовыми идеями, основанными на концепции естественного права и учении древнегреческих философов. В академический период Г. Конисский отобразил свои правозащитные идеи в первую очередь в драме-моралите «Воскресение мертвых». Данное произведение было достаточно важным, поскольку автор указывал на имевшую место социальную несправедливость и необходимость защиты угнетенных и обделенных людей. Именно эту драму можно назвать началом правозащитной деятельности Г. Конисского.

2. Период служения в Речи Посполитой стал расцветом правозащитной деятельности Г. Конисского, которая стала важной частью и особенностью эпохи Просвещения на землях Беларуси. Многочисленные письма, жалобы, «обиды» и речи, направленные на привлечение внимания не только к проблеме диссидентов, но и к несправедливому отношению к различным слоям населения, позволяют сказать, что правозащитная деятельность Г. Конисского носила универсальный характер. Немаловажно и то, что данная деятельность базировалась на нормах действовавшего права. Конечной целью правозащитной деятельности Г. Конисского было восстановление нарушенной справедливости.

3. Желание Г. Конисского воплотить принцип справедливости в повседневной жизни белорусского общества XVIII в. вылилось в том числе в создание смешанного суда (*judicii mixti*) для рассмотрения дел, связанных с религиозной сферой, свободного от влияния католической церкви. Это позволило в том числе исключить дискриминацию участников судопроизводства по религиозному признаку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фощан Я.І. Відображення гносеологічної позиції Георгія Коніського в процесі його культурно-освітньої діяльності // Вісн. Київ. нац. ун-ту. Сер.: Українознавство. – 2010. – Вип. 14. – С. 27–29.
2. Антоненко С.Б. Формирование политических и правовых взглядов Георгия Конисского в академический период // Изв. Гомел. гос. ун-та. Сер.: Соц.-экон. и обществ. науки. – 2024. – № 2. – С. 54–59.
3. Конисский Г. Воскресение мертвых // Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н. Тихонравовым: в 5 т. – М., 1861. – Т. 3. – С. 39–58.
4. Ляскоў А.Я. Дзейнасць Георгія Каніскага па абароне правоў праваслаўнага насельніцтва Рэчы Паспалітай // Беларус. гіст. часоп. – 2018. – № 8. – С. 24–29.
5. Георгий (Конисский). Собрание сочинений Георгия Конисского, архиепископа Белорусского: с портр. его и жизнеописанием / сост. протоиер. Иоанном Григоровичем. – Изд. 2-е, доп. – СПб.: в Тип. Эдуарда Веймара, 1861. – Ч. 1. – LXVII, 291 с.
6. Конисский Г. Письмо Георгия Конисского, епископа белорусского, к Арсению митрополиту киевскому... : 25 нояб. 1766 г., № CLXI // Архив Юго-Западной России, издаваемый Временной комиссией для разбора древних актов, высочайше учрежденной при Киевском, Подольском и Волыньском генерал-губернаторе : в 37 т. – Киев, 1864. – Ч. 1, Т. 2. – С. 621–623.

¹ Полное собрание законов Российской империи. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php.

7. Конисский Г. Письмо Георгия Конисского, епископа белорусского к Гервасию, епископу переяславскому и бориспольскому... : 26 нояб. 1766 г., № СЛШ // Архив Юго-Западной России, издаваемый Временной комиссией для разбора древних актов, высочайше учрежденной при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе : в 37 т. – Киев, 1864. – Ч. 1, Т. 2. – С. 588–590.
8. Трактат вечный между Всероссийской империей и Речью Посполитой польской, № 13.071 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1: в 48 т. – СПб., 1830. – Т. 18. – С. 448–471.
9. Архив Юго-Западной России, издаваемый Временною комиссиею для разбора древних актов, высочайше учрежденною при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. – Киев: Унив. тип., 1859–1911. – Ч. 1, Т. 3: Материалы для истории православия в Западной Украине в XVIII ст. Архимандрит Мелхиседек Значко-Яворский, 1759–1771 г. – 1864. – 907 с.
10. Конисский Г. Письмо преосвященного Георгия Конисского к членам Могилевской духовной консистории из Петербурга, Варшавы и других мест, преимущественно по делам епархиального управления, № XXXVI // Могилевские епархиальные ведомости. – 1894. – № 15. – С. 368–371.
11. Коялович М.О. История воссоединения западнорусских униатов старых времен. – СПб.: в Тип. Второго отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1873. – XII, 400 с.
12. Коялович М.О. Деятельность Георгия Конисского после первого раздела Польши // Христиан. чтения. – 1873. – № 2. – С. 309–339.

Поступила 12.03.2025

HUMAN RIGHTS ACTIVITIES OF GEORGY KONISKY

S. ANTONENKA
(Belarusian State University, Minsk)

The article considers the human rights activities of a prominent figure of the Age of Enlightenment George Konisky. It is noted that the formation of the thinker's human rights ideas began while he was studying and teaching at the Kyiv-Mohyla Academy. His ideas had a direct impact on the political process and the development of legal thought in the Grand Duchy of Lithuania (hereinafter – GDL) already in the second half of the 18th century. The connection between the political and legal ideas of G. Konisky and his human rights activities is emphasised. It is concluded that the human rights activity of G. Konisky was largely based on the principle of justice.

Keywords: human rights activity, court, George Konisky, justice, Belarus, Orthodoxy, Uniatism.

УДК 341.4

DOI 10.52928/2070-1632-2025-70-1-54-57

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОГОВОРЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ОБ ОКАЗАНИИ ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

канд. юрид. наук, доц. С.Г. ВАСИЛЕВИЧ

(Международный институт управления и предпринимательства, Минск)

e-mail: sergey.workmail.135@gmail.com

Статья посвящена вопросу оказания правовой помощи по уголовным делам. Проведен анализ ряда международных договоров, заключенных Республикой Беларусь с иными государствами в этой области. Обращается внимание на позитивную роль этих договоров, обеспечивающих неотвратимость и справедливость наказания виновных лиц. Отмечена непоследовательность при использовании в договорах различных понятий, сроков, оснований для отказа и др. Предложено разработать на уровне Министерства иностранных дел типового договора об оказании правовой помощи по гражданским, семейным, трудовым и уголовным делам. Внесены иные предложения по совершенствованию белорусского законодательства, международно-правовой и иной практики Республики Беларусь.

Ключевые слова: международная правовая помощь, выдача лиц.

Введение. Необходимость получения правовой помощи от другого государства, его органов возникает достаточно часто. Она может касаться помощи по гражданским, семейным, уголовным и иным делам. Учитывая обладание каждым государством суверенитетом, правом проводить самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику, регулирование отношений об оказании международной правовой помощи осуществляется на основе международных договоров либо принципа взаимности.

В юридической доктрине существует несколько моделей, определяющих соотношение международных договоров и актов национального законодательства. В одних правовых системах международные договоры возвышаются над конституционным текстом, в иных – обладают более высокой юридической силой, чем акты текущего законодательства, в третьих они находятся на одном уровне с законом. Однако независимо от модели, международные договоры порождают права и обязанности государств в связи с необходимостью их исполнения. Конечно, международные договоры обязательны только для тех государств, которые их заключили.

События последних лет, характеризующиеся кризисом в международных отношениях, умалением авторитета общепризнанных принципов и норм международного права, подрывают позиции авторов, отстаивавших монистическую теорию о приоритете международного права над национальным [1, с. 55]. В соответствии с концепцией белорусского конституционализма международные договоры Республики Беларусь не должны противоречить Конституции Республики Беларусь (см. ст. 8, 116-1 Конституции), то есть по юридической силе они ниже Конституции, но обладают верховенством по отношению к актам текущего законодательства. В науке высказывается мнение о существовании самостоятельных систем международного права и внутригосударственного права, которым не характерен принцип господства и подчинения [2, с. 14] между ними. В целом, вопрос о месте и роли международных договоров в национальной правовой системе является предметом пристального внимания исследователей [2; 3; 4]. Ответы на сложные вопросы и содержание дискуссии можно найти в конституции каждой страны, правоприменительной практике национальных судов общей юрисдикции, а также органов судебного конституционного контроля. Так, согласно ч. 3 ст. 10 Конституции Республики Беларусь её гражданин не может быть выдан иностранному государству, если иное не предусмотрено международными договорами Республики Беларусь. Таким образом, Основной Закон устанавливает гарантии для граждан Республики Беларусь, предусматривая лишь в порядке исключения возможность выдачи гражданина в соответствии с международным договором Республики Беларусь. О верховенстве конституционных норм, их большей юридической силе по отношению к международным договорам утверждается в российской юридической науке [6, с. 55–56; 3, с. 11].

Основная часть. Одной из разновидностей международных договоров, заключаемых государствами, являются международные договоры, посвященные оказанию правовой помощи государствам, их заключившим. Республика Беларусь является участницей нескольких десятков такого рода международных договоров. Указанные договоры являются отражением государственного суверенитета, права государства решать самостоятельно вопросы внутренней и внешней политики. Заключенные международные договоры можно классифицировать по различным признакам. В частности, отразим договоры по предмету регулирования.

Это могут быть договоры по гражданским, семейным и уголовным делам (например, с Латвией), о взаимной правовой помощи по уголовным делам (с Монголией, Объединенными Арабскими Эмиратами, Венесуэлой, Индией, Бразилией, Болгарией), о правовой помощи по гражданским, хозяйственным и уголовным делам (с Турецкой Республикой), о правовой помощи по гражданским и уголовным делам (с Ираном). Это наиболее типичные названия международных договоров о правовой помощи, однако они могут быть посвящены чисто специфическим вопросам и иметь соответствующие названия. Например, договор государств-участников Содружества Независимых Государств о противодействии легализации (отмыванию) преступных доходов и финансированию терроризма. С Республикой Молдова был заключен договор о передаче лиц, осужденных к лишению свободы

для дальнейшего отбывания наказания (вступил в силу 16 августа 2015 года). С Сербией заключен договор о выдаче, а также договор по гражданским и уголовным делам (вступил в силу 19 декабря 2013 года).

Подчеркнём, что продолжают действовать отдельные договоры, заключенные в период существования СССР. Они указываются в информационных базах НЦПИ. В связи с этим правомерен вопрос о легитимности таких договоров в связи с распадом СССР и обретением Беларусью государственного суверенитета.

Например, был заключен договор между СССР и Венгерской Народной Республикой об оказании правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам (вступил в силу 4 января 1959 года), между СССР и Республикой Куба – о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам (вступил в силу 7 августа 1986 года). В целях придания им легитимного характера, 1 ноября 2002 года был принят Закон «О правопреемстве Республики Беларусь в отношении некоторых международных договоров о правовой помощи», которым признавалась обязательность для Республики Беларусь с даты вступления в силу для Союза Советских Социалистических Республик указанных выше международных договоров. 27 июня 2007 года был принят Закон «О правопреемстве Республики Беларусь в отношении Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Социалистической Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам».

Что касается применения актов СССР на территории Республики Беларусь, то 16 января 1992 года в увязке с ратификацией соглашения о создании Содружества Независимых Государств была сделана оговорка к этому соглашению о применении актов СССР, если они не противоречат актам белорусского законодательства. 28 мая 1999 года был принят Закон «О применении актов СССР на территории Республики Беларусь», согласно которому в случае отсутствия законодательства Республики Беларусь, регулирующего соответствующие общественные отношения, на территории Республики Беларусь применяются акты законодательства СССР, регламентирующие данные отношения и не противоречащие законодательству Республики Беларусь. Схожие вопросы возникают в рамках возможности применения договоров, заключенных между СССР и государствами, которые также прекратили своё существование. Например, относительно правопреемства выше указанного договора СССР с Чехословацкой Социалистической Республикой. Однако СССР заключал аналогичный договор с Югославией, на просторах которой возникло множество новых государств.

В договорах обычно определяется содержание правовой помощи, которая может касаться получения показаний и заявлений от соответствующего круга лиц, предоставления информации, документов, материалов и вещественных доказательств, розыск и местонахождение лиц, предметов, имущества, вручение документов, обыск и выемка, предоставление лиц, содержащихся под стражей, и иных для помощи при проведении расследований, розыск, арест, обеспечение конфискации доходов и др. Весьма тщательно регулируются вопросы, связанные с выдачей лиц, подозреваемых в совершении преступлений. Общепризнанным является принцип, согласно которому совершённое лицом деяние, дающее повод для возбуждения уголовного преследования или выдачи, признаётся уголовно-наказуемым по законодательству запрашиваемой стороны и законодательству запрашивающей стороны, так называемая «двойная» преступность. Однако здесь не идет речь о двойной ответственности, хотя сроки лишения свободы и могут различаться. В этой связи интересен вопрос о возможности запрашиваемого государства выразить свою волю таким образом, чтобы после выдачи лица для привлечения к уголовной ответственности запрашивающему государству мера ответственности не была выше, чем в государстве, из которого происходит выдача. Оригинально выглядит ст. 63 договора Республики Беларусь с Социалистической Республикой Вьетнам о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным, трудовым и уголовным делам»: договаривающиеся стороны могут обращаться с просьбой, когда речь идёт об административных правонарушениях в соответствии с законодательством запрашиваемой договаривающейся стороны. Не исключаем возможность оговаривать виды наказания, когда в государствах нет полного их совпадения. Кроме того, известен принцип неприменения смертной казни в государстве, куда выдано лицо, если в государстве выдачи она не применяется.

Оказание правовой помощи по уголовным делам имеет важное общественное (публичное) значение, в том числе для восстановления справедливости, обеспечения принципа неотвратимости наказания за совершенное деяние, важный профилактический эффект, включая и те случаи, когда производство по уголовному делу может быть возбуждено по инициативе потерпевшей стороны. Публичный интерес обеспечивается, на наш взгляд, независимо от того, какая правовая помощь оказывается (по гражданским, семейным или уголовным делам), хотя здесь и высказываются различные позиции. Так, Т.Н. Нешатаева считает, что при оказании международной правовой помощи по гражданским делам отсутствует публичный интерес в её оказании, что в роли выгодополучателя оказывается не государство, а частное лицо [7, с. 491]. Однако есть резон в возражении на этот счет: даже при оказании правовой помощи конкретному лицу с целью защиты его прав и законных интересов, все равно имеются в этом и общественные интересы [8, с. 10]. Как считает А.И. Шукин, и в этом случае существует общественный интерес при оказании эффективной правовой помощи в рамках судебной защиты [9, с. 65]. Однако он не уточняет, в чем выражается публичный интерес. На наш взгляд, общественный интерес выражается в проявлении авторитета власти, реализации ею обязанности защищать своих граждан и организации независимо от того, где они находятся. По сути, речь идет о государственном суверенитете.

В свою очередь В. Ш. Табалдиева международную правовую помощь по уголовным делам рассматривает в двух значениях: а) как взаимодействие органов и должностных лиц различных государств для осуществления процессуальных действий на основе симбиоза норм международного и национального права; б) как межотраслевой

институт, аккумулирующий нормы международного права, уголовного и уголовно-процессуального законодательства [10, с. 17]. Как замечает В. В. Милинчук, для правовой помощи по уголовным делам характерна передача части компетенции другому государству [11, с. 19]. В этом контексте логично выглядит позиция Л.А. Лазутина, рассматривающего правовую помощь как комплекс мер правового, организационного уровня, предусмотренных международными договорами; благодаря реализации указанных и иных мер осуществляется реализация уголовно-правовых правоотношений, участниками которых являются физические и юридические лица [12, с. 85–86].

В доктрине выделяют следующие признаки международной правовой помощи: сотрудничество между компетентными органами юстиции различных государств; реализация процессуальных действий в рамках разрешаемого правового конфликта; регламентация актами национального и международного права; обеспечение частных и публичных интересов [9, с. 68]. Обычно обязанность выдачи друг другу лиц, находящихся на территории договаривающихся сторон, для привлечения их к уголовной ответственности или приведения исполнения приговора допустима, если в законодательстве обоих государств действия признаются преступлениями и наказание возможно в виде лишения свободы на срок свыше одного года или другое более тяжкое наказание (в договоре с Латвией – более тяжёлое; в договоре с Турецкой Республикой – с лишением свободы на срок не менее 12 месяцев или более суровое наказание). То есть существует разноречивость в понятиях, что нежелательно.

Несмотря на допускаемую ст. 10 Конституции Республики Беларусь выдачу её гражданина другому государству на основании международного договора, ни в одном из них не обнаружено указанной нормы. В то же время в некоторых международных договорах прямо устанавливается запрет на выдачу другому государству гражданина Республики Беларусь (например, договор с Республикой Молдова). В других прямо такой запрет не фиксируется, однако, исходя из содержания ст. 10 Конституции, если в международном договоре такой возможности нет, то и выдача гражданина недопустима. В отдельных договорах предусматривается возможность выдачи другому государству тех лиц, которые не являются его гражданами, но постоянно проживают в них.

В договорах обычно фиксируются чёткие основания для отказа в правовой помощи или её отсрочки. Нередко в договорах указываются такие случаи отказа:

- просьба касается политического преступления или преступления по военному праву, которые не являются таковыми по обычному уголовному праву;

- при удовлетворении просьбы возможен ущерб суверенитету, территориальной целостности, безопасности, общественному порядку или иным существенным государственным интересам (в договоре с ОАЭ, наряду с указанными обстоятельствами для отказа в оказании правовой помощи, названо противоречие законодательству запрашиваемой стороны);

- имеются веские основания для уголовного преследования на основе дискриминационных признаков (пол, раса, вероисповедания, гражданство и др.).

В договоре Республики Беларусь с Республикой Сербия о выдаче установлено, что время задержания и содержание выдаваемого лица под стражей на территории запрашиваемой стороны, а также время его этапирования засчитывается в общий срок содержания под стражей. В договоре следовало бы сделать отсылку к национальному законодательству, имея в виду, что срок содержания под стражей исчисляется с учётом установленного коэффициента. Так, согласно ст. 75 Уголовного кодекса Республики Беларусь, установившей правила зачета сроков содержания под стражей и домашнего ареста, один день содержания под стражей соответствует двум дням лишения свободы лицу, совершившему преступление в возрасте до восемнадцати лет, а равно с отбыванием в исправительной колонии в условиях поселения; полутора дням лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии в условиях общего и усиленного режима; двум дням ограничения свободы или пребывания несовершеннолетнего в специальном воспитательном учреждении; трем дням исправительных работ или ограничения по военной службе; двадцати четырем часам общественных работ и др. Было бы полезно сделать соответствующие дополнения к данному договору, а также иметь в виду при заключении аналогичных договоров с другими государствами.

В международных договорах справедливо, на наш взгляд, решены вопросы, касающиеся расходов по выдаче и транзиту: расходы по выдаче несёт та сторона, на территории которой они возникли. Расходы по транзиту – запрашивающая сторона. В международных договорах с участием Республики Беларусь фиксируется разнообразный, но для каждого органа свой конкретный перечень органов, которые участвуют в решении вопросов о выдаче лица. Обычно их называют центральными органами. В одних договорах к ним относятся в Республике Беларусь Генеральная прокуратура, в других также МВД, Верховный Суд.

Таким образом, международная правовая помощь по уголовным делам оказывается на основе международных договоров Республики Беларусь. При отсутствии соответствующего международного договора Республики Беларусь международная правовая помощь по уголовным делам оказывается на основе принципа взаимности. Ранее такой подход получал свое отражение в доктрине. В Республике Беларусь 18 мая 2004 года был принят Закон «О международной правовой помощи по уголовным делам», которым урегулированы наиболее важные правовые отношения в данной сфере. Согласно ст. 1 названного Закона принцип взаимности – принцип, в соответствии с которым международная правовая помощь по уголовным делам оказывается на основе письменного обязательства от имени государства оказать аналогичную правовую помощь.

В международных договорах о правовой помощи по уголовным делам предусматриваются основания для отказа в выдаче лица. Имеются различные формулировки для отказа:

- исполнение просьбы может нанести ущерб суверенитету, безопасности, общественному порядку или другим имеющим важное значение государственным интересам (без указания, о какой стороне идет речь, хотя можно предположить, что, скорее всего, о запрашиваемой);

– исполнение просьбы может нанести ущерб суверенитету запрашиваемой Договаривающейся Стороны, безопасности, общественному порядку или иным существенным государственным интересам;
– исполнение просьбы может нанести ущерб суверенитету, безопасности, общественному порядку, другим существенным интересам либо противоречит законодательству запрашиваемой Стороны.

Здесь также используются различные нормы, однако желательно придерживаться единых подходов.

Заключение. Полагаем полезным разработку Министерством иностранных дел с иными заинтересованными органами (Генеральной прокуратурой, Верховным Судом) типового международного договора об оказании правовой помощи по уголовным делам (можно было бы подготовить в целом типовой международный договор об оказании правовой помощи по гражданским, семейным, трудовым и уголовным делам), в котором предусмотреть в качестве возможной модели типичные положения, обеспечить единообразное применение понятий, сроков, объема помощи, оснований для отказа в выдаче и др.

Также считаем полезным предусмотреть в Законе «О международной правовой помощи по уголовным делам» положение о необходимости учета при назначении наказания или его исполнении срока нахождения под стражей или домашним арестом. В международных договорах, а также при выдаче лица другому государству на условиях принципа взаимности желательно предусмотреть учет в запрашивающем государстве установленных в ст. 75 Уголовного кодекса правил зачета сроков. Это должно касаться государства запрашиваемого и государства запрашивающего, даже если в нем не предусмотрены правила, содержащиеся в ст. 75 Уголовного кодекса Республики Беларусь. Желательно активизировать проработку вопроса о придании юридической силы на территории Республики Беларусь заключенного договора СССР с Финляндской Республикой об оказании правовой помощи по уголовным делам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хлестов О.Н. Международное право и Россия // Московский журнал международного права. – 1994. – № 4. – С. 52–59.
2. Усенко Е.Т. Соотношение и взаимодействие международного и национального права в Российских конституциях // Московский журнал международного права. – 1995. – № 2. – С. 13–28.
3. Лукашук Н.Н. Конституция России и международное право // Московский журнал международного права. – 1995. – № 2. – С. 29–41.
4. Даниленко Г.М. Применение международного права во внутренней правовой системе России: практика Конституционного Суда // Государство и право. – 1995. – № 11. – С. 115–125.
5. Талалаев А.М. Соотношение международного и внутригосударственного права в Конституции Российской Федерации // Московский журнал международного права. – 1994. – № 4. – С. 3–15.
6. Современная концепция взаимодействия международного и внутригосударственного права / В.Р. Авхадеев, Г.М. Азнагулова, С.Б. Бальхаева и др.; отв. ред. А.Я. Капустин. – М.: ИНФРА-М, 2023. – 336 с.
7. Нешатаева Т.Н. Международное частное право и международный гражданский процесс: учеб. курс: в 3 ч. – М., 2004.
8. Лесин А.В. Международная правовая помощь в деятельности арби тражных судов РФ (в контексте международного публичного права): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2003. – 27 с.
9. Щукин А.И. О некоторых подходах к понятию «международная правовая помощь» по гражданским делам // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2017. – № 1. – С. 61–69.
10. Табалдиева В.Ш. Уголовно-процессуальный статус субъектов между народной правовой помощи по уголовным делам: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2004. – 48 с.
11. Милинчук В.В. Институт взаимной правовой помощи по уголовным делам. Действующая практика и перспективы развития. – М.: Юрлитинформ, 2001. – 347 с.
12. Лазутин Л.А. К вопросу о понятии правовой помощи по уголовным делам // Российский юридический журнал. – 2007. – № 4. – С. 80–87.

Поступила 25.03.2025

INTERNATIONAL TREATIES OF THE REPUBLIC OF BELARUS ON LEGAL ASSISTANCE IN CRIMINAL CASES

S. VASILEVICH

(International Institute of Management and Entrepreneurship, Minsk)

The article is devoted to the issue of legal assistance in criminal cases. A number of international treaties concluded by the Republic of Belarus with other states in this field are analyzed. Attention is drawn to the positive role of these treaties ensuring inevitability and fairness of punishment of guilty persons. The inconsistency in the use of different concepts, terms, grounds for refusal, etc. in the treaties is noted. It was proposed to develop at the level of the Ministry of Foreign Affairs a model agreement on legal assistance in civil, family, labor and criminal cases. Other proposals were made to improve Belarusian legislation, Rnternational legal and other practice of the Republic of Belarus.

Keywords: international legal assistance, extradition of persons.

УДК 342

DOI 10.52928/2070-1632-2025-70-1-58-62

**ПОСТУПЛЕНИЕ НА СЛУЖБУ В ОРГАНЫ ПРОКУРАТУРЫ: ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО ЕГО РЕФОРМИРОВАНИЮ****А.П. ГАСАНОВ***(Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск)*

В статье на основе изучения научных представлений и законодательства Республики Беларусь анализируется поступление на службу в органы прокуратуры Республики Беларусь. В результате проведенного исследования формулируются выводы и предложения по совершенствованию законодательства, регламентирующего порядок приема на службу в органы прокуратуры Республики Беларусь.

Ключевые слова: *служба в органах прокуратуры, поступления на службу в органы прокуратуры, социально-психологическое изучение личности, полиграф, квалификационный экзамен, стажировка.*

Введение. На протяжении существования института государственной службы одним из важнейших аспектов является подбор наиболее квалифицированных и перспективных кадров, отвечающих современным тенденциям развития государства и общества. В этом контексте Президентом Республики Беларусь А.Г. Лукашенко справедливо отмечается, что «одной из важнейших задач государства является укрепление кадрового состава государственного аппарата. К государственной службе необходимо привлекать лучших профессионалов. Там должны работать те, кто получил современное образование, знает и понимает глобальный мир, обладает опытом работы на зарубежных рынках»¹. Данная рекомендация относится и к органам прокуратуры Республики Беларусь.

Согласно Конституции Республики Беларусь «граждане в соответствии со своими способностями, профессиональной подготовкой имеют право равного доступа к любым должностям в государственных органах». Данное право В.А. Трифионов трактует как «... право каждого гражданина на вступление с органами государства в служебные отношения, при реализации которого у граждан на профессиональной основе и без ограничений дискриминационного характера возникает возможность практического участия в управлении делами государства, что надлежит рассматривать как фундаментальную политическую и социальную ценность (благо), открывающую возможность каждому гражданину практически участвовать в управлении делами государства, реализовать личностный потенциал и обеспечить его социальное развитие» [1, с. 11]. В то же время этот конституционно-правовой принцип не означает автоматического доступа всех желающих к государственной службе, законодателем только задекларирована равная возможность поступления в государственные органы, в том числе и в органы прокуратуры.

Непосредственно порядок поступления на службу в органы прокуратуры установлены в Законе Республики Беларусь от 08.05.2007 № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь»² (далее – Закон о прокуратуре) и в Положении о прохождении службы в органах прокуратуры Республики Беларусь, утвержденном Указом Президента Республики Беларусь от 27.03.2008 № 181³ (далее – Положение о прохождении службы в органах прокуратуры). Однако указанные нормативные правовые акты не в полной мере отвечают современным методам отбора кандидатов на государственную службу. Примечательно, что отечественные правоведы, включая авторов комментария к Закону о прокуратуре [2, с. 198–200], не уделяют внимания названному вопросу, а ограничиваются простым комментированием законодательных предписаний. Представляется, что современная процедура формирования кадров в органах прокуратуры должна строиться на научно-обоснованных подходах и профессиональном отборе кандидатов на прокурорские должности, максимально дистанцируясь от субъективно-личностной оценки таких кандидатов.

Основная часть. Анализ Закона о прокуратуре и Положения о прохождении службы в органах прокуратуры позволяет выделить следующие этапы приема на службу:

- 1) проверка сведений на пригодность к службе (соответствие кандидата предъявляемым требованиям, социально-психологическое изучение его личности и прохождение полиграфа);
- 2) сдача квалификационного экзамена;
- 3) прохождение стажировки.

Так, первый этап поступления на службу в органы прокуратуры включает в себя получение необходимой информации и определение на её основании соответствия кандидата предъявляемым требованиям, установленным п. 6 Положения о прохождении службы в органах прокуратуры. В этом контексте осуществляется проверка сведений о кандидатах на должности в прокуратуре, отказ от прохождения которой является препятствием для поступления на службу (п. 6.8 Положения о прохождении службы в органах прокуратуры). Такая проверка организуется и проводится начальниками отделов кадров и идеологической работы прокуратур областей и г. Минска и включает в себя:

- сбор и изучение документов, характеризующих личность кандидата (характеристик с места учебы (работы), социально-демографических данных и иных документов);

¹ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P015p0001>.

² URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H10700220>.

³ URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P32300271>.

– проведение индивидуальной беседы для выявления социальной значимости мотивов выбора кандидатом профессии, что определяет целесообразность его приема на службу в органы прокуратуры.

Кандидат, отвечающий установленным требованиям, направляется в Генеральную прокуратуру Республики Беларусь для проведения мероприятий по изучению психологических особенностей личности, осуществляемых специалистом-психологом. Следует согласиться с В.С. Войкиным и Р.Г. Добрянской, что «психологическая оценка в целях профессионального отбора может быть исключительно полезна, поскольку полагаться только на высокую академическую успеваемость не всегда целесообразно, необходимо учитывать и личностные особенности» [3, с. 16]. Как справедливо отмечают Е. Еделькина и И. Карпова, «деятельность по укреплению законности и правопорядка предъявляет наиболее высокие требования к личностным качествам» [4, с. 46], поэтому важным является проведение тщательного психологического отбора кандидатов.

Согласно приказу Инструкции о порядке организации социально-психологического изучения личности кандидатов на службу в органы прокуратуры в качестве прокурорских работников, утвержденной приказом Генерального прокурора Республики Беларусь от 11.05.2022 № 28⁴, данная процедура включает в себя:

1) первичную ознакомительную беседу с кандидатом, целью которой является оценка его профессиональной ориентации, выявление мотивов поступления на службу в органы прокуратуры и основных психологических, морально-деловых и нравственных качеств кандидата;

2) психологическое тестирование, включающее в себя изучение мотивационных характеристик, особенностей интеллекта кандидата, эмоционально-волевых качеств и нервно-психической устойчивости, характерологических особенностей, коммуникативных качеств;

3) психодиагностическую беседу для уточнения данных, полученных в результате психологического тестирования, выявления индивидуальных психологических особенностей кандидатов и основных мотивов, определивших выбор профессии.

По результатам психологического изучения кандидата оформляется заключение о его профессионально-психологической пригодности к службе в органах прокуратуры, которое содержит рекомендацию для приема на службу в органы прокуратуры либо отказ в приеме на службу, т.е. когда уровень моральных качеств и психологических свойств личности не позволяют дать благоприятный прогноз в отношении профессиональной деятельности кандидата в качестве прокурора. Заключение специалиста-психолога носит рекомендательный характер и приобщается к документам кандидата, представляемым в комиссию по кадровым вопросам Генеральной прокуратуры Республики Беларусь.

Следующим этапом является проведение опроса с использованием технических средств (полиграфа), порядок проведения которого установлен Инструкцией о порядке проведения опроса с использованием технических средств (полиграфа) в прокуратуре, утвержденной приказом Генерального прокурора Республики Беларусь от 20.12.2023 № 81⁵. Напомним, что полиграф представляет собой «техническое средство, предназначенное для установления истинности информации о кандидате на службу в органы прокуратуры путем проведения специальных инструментальных психофизиологических исследований по апробированным методикам» [5, с. 15].

Основная задача специалиста-полиграфолога во время опроса заключается в анализе и оценке изменений, зарегистрированных в психофизиологических показателях (дыхание, сердечно-сосудистая активность, изменение электрических свойств кожи, двигательная активность и другие процессы [6, с. 1089]), с целью составления объективного заключения о достоверности ответов испытуемого. При этом он должен учитывать множество факторов, влияющих на результаты психофизиологического исследования: «строгое соблюдение требований, предъявляемых к проведению полиграфных проверок; адекватность психического и функционального состояния опрашиваемого лица; квалификация и наложение датчиков; качество предъявляемых опрашиваемому лицу тестов; профессионализм самого полиграфолога» [7, с. 261]. Использование полиграфа возможно только при добровольном участии и получении письменного согласия от лица, которое будет подвергаться проверке. В случае отказа опрос далее не проводится и соответственно прекращается вся процедура поступления на службу. В этом контексте целесообразным представляется дополнить п. 6.8 Положения о прохождении службы в органах прокуратуры новым ограничением для поступления в органы прокуратуры – отказ от прохождения опроса с использованием технических средств (полиграфа). После проведения опроса полиграфолог подготавливает справку, в которой в обязательном порядке указывается, что «результаты опроса носят вероятностный характер и не могут использоваться в качестве доказательств». Содержание и выводы, указанные в справке, являются конфиденциальной информацией, не подлежащей разглашению, в том числе и кандидату.

Таким образом, можем констатировать, что в органах прокуратуры должным образом организовано изучение социально-психологических качеств лиц, поступающих на службу.

Вторым этапом поступления на службу в органы прокуратуры является квалификационный экзамен, задача которого – установить соответствие уровня профессиональных знаний, умений и навыков кандидатов. Данное испытание проводится комиссией Генеральной прокуратуры Республики Беларусь по кадровым вопросам. В качестве

⁴ Инструкция о порядке организации социально-психологического изучения личности кандидатов на службу в органы прокуратуры в качестве прокурорских работников : утв. приказом Генер. прокурора Респ. Беларусь от 11 мая 2022 г. № 28 : в ред. от 18 сент. 2023 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 01.01.2025).

⁵ URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=t62405663>.

возможных форм проведения такого экзамена Положением о прохождении службы в органах прокуратуры названы экзаменационные билеты, собеседование, тестирование, а также определен порядок составления вопросов для экзамена, который должен учитывать требования знаний основополагающих отраслей права, законодательства об обращении граждан и юридических лиц, основ государственной гражданской службы и службы в прокуратуре, государственной кадровой политики, идеологии белорусского государства, основ делопроизводства. Примерный перечень таких вопросов утвержден приказом Генерального прокурора Республики Беларусь от 24.04.2024 № 29⁶.

Традиционной формой квалификационного экзамена в органы прокуратуры Республике Беларусь является собеседование, которое, по нашему мнению, не в полной мере позволяет выявить профессиональный потенциал кандидата, а сама процедура отбора требует совершенствования, в том числе посредством внедрения современных кадровых технологий [8, с. 51]. В настоящее время в мировой практике, помимо собеседования, существует ряд методов оценки, используемых при отборе кадров: тестирование, анкетирование, выполнение письменных заданий (написание реферата, эссе), система оценки «360 градусов», самооценка и другие, которые можно использовать при отборе при приеме на службу в органы прокуратуры Республики Беларусь. Вторым этапом квалификационного экзамена будет собеседование, которое позволит оценить уровень социальной адаптации кандидатов, их мировоззрение, коммуникативные качества и уровень их интеллекта.

В данном контексте показательной представляется практика отбора лиц, желающих осуществлять адвокатскую деятельность в Республике Беларусь: кандидаты сначала проходят стажировку, а потом сдают квалификационный экзамен с целью подтверждения знаний соискателя лицензии по различным отраслям материального и процессуального права. Данный экзамен состоит из проверки знаний претендентов в письменной (компьютерное тестирование, которое состоит из дачи ответов на 20 вопросов) и устной (ответ на экзаменационный билет) формах. К устной форме квалификационного экзамена допускаются претенденты, набравшие не менее 14 баллов по результатам компьютерного тестирования, т.е. ответившие правильно на не менее 70% вопросов. По устному экзамену необходимо получить не менее 4-х баллов из 5⁷.

С учетом изложенного, полагаем, что действующая система отбора будущих прокуроров не в полной мере отвечает современным требованиям, поскольку не включает в себя современные кадровые технологии. Целесообразно при проведении квалификационного экзамена вначале осуществлять компьютерное тестирование кандидатов, задачей которого будет проверка знаний норм законодательства, что необходимо отразить в п. 7 Положения о прохождении службы в органах прокуратуры. Если обратиться к международному опыту, то можно увидеть, что во многих странах при проведении отбора активно используется тестирование. Например, в Республике Казахстан наиболее подробно регламентирована данная процедура, которая включает в себя тестовые вопросы на знание Конституции, законодательства о прокуратуре, основных отраслей права, а также на логическое мышление. Перечень вопросов представляет собой 110 позиций, для ответа на которые отводится 110 минут; положительным считается результат не менее 70% правильных ответов от общего количества вопросов [9, с. 6–12].

Успешная сдача квалификационного экзамена является основой для назначения кандидата на должность и прохождения им в течение шести месяцев стажировки, которая включает в себя практическую подготовку в одной из прокуратур районов, районов в городах, городов и межрайонных и приравненных к ним транспортных прокуратур, а также обучение в УО «Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета» по учебной программе, согласованной с Генеральной прокуратурой Республики Беларусь⁸.

Законодательство о прокурорской службе не содержит определения стажировки, но в литературе под ней «понимается деятельность по приобретению необходимых практических навыков, изучению специфики профессии, освоению накопленного опыта, повышению уровня теоретических знаний стажером, а также изучение наставником деловых, моральных и профессиональных качеств стажера с целью определения возможности осуществления им соответствующей деятельности (выполнения соответствующей работы)» [10, с. 57]. Основными задачами стажировки в органах прокуратуры являются «изучение и оценка профессиональных, деловых и моральных качеств прокурорского работника, проходящего стажировку, а также подтверждение им своих профессиональных знаний, умений и навыков»⁹. На лицо, проходящее стажировку в прокуратуре, возлагается обязанность по изучению специфики работы прокуроров, приобретению необходимых практических навыков для исполнения обязанностей прокурора на соответствующей должности. Согласно Положению о прохождении службы в органах прокуратуры, «при прохождении стажировки дается оценка профессиональным, деловым и моральным качествам лица, её проходящему, а также осуществляется подтверждение им своих профессиональных знаний, умений и навыков». Таким образом, стажировка представляет собой временное трудоустройство, направленное на получение профессионального опыта и практических навыков на основе теоретических и практических знаний.

⁶ Примерный перечень вопросов квалификационного экзамена для лиц, впервые поступающих на службу в органы прокуратуры Республики Беларусь: утв. приказом Генерального прокурора Респ. Беларусь от 24 апр. 2024 г. № 29 // ЭТАЛОН: информ.-поиск. система (дата обращения: 01.01.2025).

⁷ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11100334>.

⁸ Положение о прохождении стажировки в органах прокуратуры: утв. приказом Генерального прокурора Респ. Беларусь от 4 февр. 2021 г. № 11 : в ред. от 14 нояб. 2023 г // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 01.01.2025).

⁹ Там же.

В рамках стажировки изучаются и оцениваются профессиональные, деловые и моральные качества стажера для определения возможности дальнейшего прохождения службы в органах прокуратуры.

Содержание практической подготовки стажера определяется индивидуальным планом. Непосредственно стажировка включает в себя осуществление ряда практических мероприятий, в частности, проведение проверок исполнения законодательства; подготовка актов прокурорского надзора и процессуальных документов; расследование уголовных дел; поддержание государственного обвинения; участие в рассмотрении судом гражданских дел; рассмотрение обращений граждан и юридических лиц. По результатам стажировки руководители прокуратур районов, районов в городах, городов и межрайонных и приравненных к ним транспортных прокуратур готовят заключение об итогах прохождения стажировки, в котором отражаются:

- 1) сведения о выполнении индивидуального плана и основные результаты деятельности;
- 2) оценка полученных в ходе стажировки практических знаний, умений и навыков, а также профессиональные, деловые и моральные качества стажера;
- 3) вывод о назначении либо неназначении лица, прошедшего стажировку, на должность.

Непосредственно итоги стажировки подводятся руководителями органов прокуратур области и г. Минска. При положительном выводе стажер назначается на должность прокурора, при неудовлетворительном – увольняется из органов прокуратуры в связи с истечением срока действия срочного трудового договора.

Примечательно, что вплоть до декабря 2023 года Закон о прокуратуре предусматривал отдельно должность стажера прокуратуры, на которого распространялся статус прокурорского работника. Исключение стажера специальным законом¹⁰ не освободило лицо, впервые поступающее на службу в органы прокуратуры, от прохождения стажировки, но закрепило за ним фактически статус прокурора, что представляется недопустимым. Кроме того отметим, что соответствующим Указом Главы государства в 2023 году¹¹ введена возможность снижения срока стажировки до двух месяцев, что не является оправданным, поскольку за такой короткий срок не всегда представляется возможным оценить профессиональные и моральные качества лица, претендующего на занятие должности прокурора, а также самому кандидату получить необходимые практические и теоретические навыки для службы в органах прокуратуры. Сказанное приводит к мысли об исключении из Положения о прохождении службы в органах прокуратуры нормы, устанавливающей такой минимальный срок стажировки.

Лицо, проходящее стажировку, занимает вакантную должность помощника прокурора района (города) и фактически выполняет его обязанности, что, полагая, не в полной мере отвечает установленным законодательством целям и задачам стажировки. Наделяем полномочиями по осуществлению прокурорского надзора и исполнению иных функций прокуратуры лиц, не имеющих опыта работы в прокуратуре, не является оптимальным решением, несмотря на хорошую теоретическую подготовку отдельных кандидатов, поступивших для прохождения службы в органы прокуратуры. Как справедливо отмечает Т.А. Савчук: «указанным нововведением занижается статус прокурорской службы и миссии, возлагаемой государством на органы прокуратуры» [11, с. 187].

Заключение. Поступление на службу в органы прокуратуры представляет собой совокупность административно-правовых отношений, связанных с подбором, изучением и проверкой кандидата на должность прокурора и прохождением им конкурсных испытаний, которое можно разделить на следующие этапы.

Первый этап – это проверка сведений на пригодность к службе, которая включает в себя подбор кандидатов, проверку сведений о них на соответствие предъявляемым требованиям, социально-психологическое изучение их личности, прохождение проверки на полиграфе. Данный этап направлен на установление соответствия кандидата требованиям, предъявляемым к лицам, впервые поступающим в органы прокуратуры. При этом предлагается дополнить п. 6 Положения о прохождении службы в органах прокуратуры новым обстоятельством, препятствующим поступлению на службу в органы прокуратуры, в виде отказа от прохождения опроса с использованием технических средств (полиграфа), включив его в п.п. 6.8 данного Положения.

Второй этап, согласно действующему законодательству о прокуратуре, – это сдача квалификационного экзамена, который традиционно, проходит в форме собеседования. Нами позиционируется идея о двухступенчатости квалификационного экзамена: вначале кандидат проходит компьютерное тестирование по различным отраслям материального и процессуального права, затем допускается к устному собеседованию. Норму соответствующего содержания следует предусмотреть в Положении о прохождении службы в органах прокуратуры. Такой подход в полной мере соответствует мировым стандартам отбора на прокурорскую службу и учитывает современные кадровые технологии подбора государственных служащих.

Третьим этапом, завершающим отбор на службу в органы прокуратуры, должна являться стажировка, цель которой – демонстрация теоретических знаний и умений, приобретение навыков профессиональной деятельности, связанной с осуществлением функций, возложенных на прокуратуру, а также оценка иных качеств кандидата для определения возможности прохождения им службы в органах прокуратуры. Иными словами, стажировка предшествует назначению на должность, а не наоборот, как это предусмотрено Положением о прохождении службы в органах прокуратуры. При этом следует исключить из п. 10 Положения о прохождении службы нормы о возможности сокращения срока стажировки.

¹⁰ URL: <https://pravo.by/novosti/analitika/2023/september/75257/>.

¹¹ URL: https://president.gov.by/fp/v1/791/document-thumb_49791_original/49791.1693377067.b8f4ef4e8b.pdf.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трифонов В.А. Конституционное право граждан на равный доступ к государственной службе и особенности его реализации в органах внутренних дел Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Санкт-Петерб. ун-т МВД России. – СПб., 2018. – 28 с.
2. Комментарий к Закону «О прокуратуре Республики Беларусь» / Л.Г. Букато и др.; под общ. ред. А.В. Конюка. – Минск: Амалфея, 2012. – 264 с.
3. Войкин В.С., Добрянская Р.Г. Психологическая оценка при профессиональном отборе работников // Законность. – 2010. – № 9. – С. 14–16.
4. Еделькина Е., Карпова И. Организация психологической работы в органах прокуратуры // Законность и правопорядок. – 2009. – № 3. – С. 45–47.
5. Мойсак В. Прием на службу в органы прокуратуры: итоги комиссии по кадровым вопросам в 2015 году // Законность и правопорядок. – 2016. – № 1. – С. 13–15.
6. Луговой А.В. Правовые аспекты применения психофизиологического исследования на полиграфе в организации антикоррупционной политики Российской Федерации // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2016. – № 124. – С. 1085–1104.
7. Чертовикова А.С. Возможности применения полиграфа при отборе кандидатов на службу в УИС // Устойчивое развитие науки и образования. – 2018. – № 8. – С. 259–262.
8. Чуприс О.И. Комплектование государственной службы Республики Беларусь: теоретико-правовой анализ института // Право.by. – 2022. – № 5. – С. 43–52.
9. Асанов Ж.К. О новой модели приема на службу в органы прокуратуры Республики Казахстан // Право и гос-во. – 2016. – № 4. – С. 6–12.
10. Балахнина Ю.В. Правовой статус стажеров // Юстиция Беларуси. – 2023. – № 6. – С. 57–58.
11. Савчук Т.А. Законодательные новеллы о порядке отбора на службу в органы прокуратуры Республики Беларусь // Новеллы права, образования, экономики и управления 2023: в 2 т.: сб. науч. тр. по материалам IX Междунар. науч.-практ. конф., Гатчина, 24 нояб. 2023 г. / отв. ред. О. В. Заборовская. – Гатчина: Изд-во ГИЭФПТ, 2024. – Т. 1. – С. 185–188.

Поступила 29.01.2025

**ENTERING THE PROSECUTOR'S OFFICE: LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS
AND PROPOSALS FOR ITS REFORM**

A. GASANOV

(Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, Minsk)

The article, based on the study of scientific ideas and legislation of the Republic of Belarus, analyzes the appeal to the prosecutor's office of the Republic of Belarus. As a result of the study, conclusions and proposals were formulated for improving the legislation defining the procedure for hiring in the prosecutor's office of the Republic of Belarus.

Keywords: *service in the prosecutor's office, admission to the service in the prosecutor's office, social-psychological study of personality, polygraph, qualification exam, internship.*

УДК 608.5

DOI 10.52928/2070-1632-2025-70-1-63-70

**РЕГУЛЯТОРНЫЙ РЕЖИМ ПРОДУКТОВ ТРЁХМЕРНОЙ БИОПЕЧАТИ (БИОПРИНТИНГА)
В ПРАВОВЫХ РЕАЛИЯХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ¹****А.Д. ИВАНКОВИЧ***(Белорусский государственный университет, Минск)*ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9845-2520>**Т.В. СЕМЁНОВА***(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)*ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8507-8074>

В статье определяется регуляторный режим продуктов трёхмерной биопечати (биопринтинга), а именно исследуется возможность применения правового режима лекарственного средства, медицинского изделия, биомедицинского клеточного продукта, концепции специального правового режима *sui generis*. Анализируется ситуация в ЕАЭС, ЕС и США по действующим нормам, позволяющим одновременно квалифицировать продукты биопринтинга в качестве лекарств, медицинских изделий, высокотехнологических терапий или объектов *sui generis*. Исследуются общие стандарты и требования к биопринтным продуктам. Делается вывод о необходимости выстраивания единого подхода для рационализации и унификации последующего коммерческого оборота биопринтных органов и тканей, целесообразности рассмотрения продуктов биопринтинга в качестве изделий *sui generis*.

Ключевые слова: биомедицинский клеточный продукт, биопечать, биопринтинг, биопринтный орган, лекарственное средство, медицинское изделие, пациент, трансплантология, *sui generis*.

Введение. Надлежащие процессы правового регулирования сделают биопринтные продукты доступными, а систему оказания медицинской помощи – безопасной. В российской юридической науке доминируют исследования биопринтных органов и тканей как объектов гражданского права, патентоспособности решений в области биопринтинга, биоэтического аспекта правового регулирования отношений, связанных с созданием биопринтных органов и тканей человека, правового статуса биопринтинга. Данная тема до сих пор абсолютно не проработана в белорусской правовой доктрине. Не смотря на относительную разработанность вопроса правового регулирования биопринтинга зарубежными авторами, в том числе российскими правоведами, нерешенным остается целый ряд задач, подходы к решению которых имеют неоднозначный характер. Важной задачей является определение правового режима продуктов биопринтинга. Если относимость их к вещам не оспаривается большинством авторов, то правовой режим биопринтных органов и тканей человека может быть различным. Они могут иметь аналогичный с естественными органами и тканями человека правовой режим, они могут быть не ограниченными в гражданском обороте вещами, они относятся к лекарственным средствам или медицинским изделиям, по отношению к ним должен быть разработан особый правовой режим и т.д.

Цель настоящего исследования – определение регуляторного режима продуктов технологии трёхмерной биопечати (биопринтинга). В связи с этим возникает ряд задач, которые требуют разрешения:

- определить, возможно ли применение правового режима лекарственного средства для продуктов биопринтинга;
- исследовать возможность применения правового режима медицинского изделия для продуктов биопринтинга;
- выяснить, можно ли применять правовой режим биомедицинского клеточного продукта для продуктов биопринтинга;
- исследовать возможность применения концепции специального правового режима *sui generis* для продуктов биопринтинга.

Основная часть. С позиции законодательства о здравоохранении, с точки зрения авторов, биопринтинг должен рассматриваться как медицинская услуга, т.е. это комплекс медицинских вмешательств, предназначенных для формирования цифровой модели трехмерных тканевых и органных конструкторов, функционально приближенных к их естественным аналогам, и трехмерных тканевых и органных конструкторов, функционально приближенных к их естественным аналогам, и иные действия, осуществляемые для их формирования, выполняемые для дальнейшей имплантации трехмерных тканевых и органных конструкторов, функционально приближенных к их естественным аналогам.

Регулирование биопринтинга становится неотъемлемой потребностью в связи с созданием органных и тканевых конструкторов, требующих определенного качества и безопасности, что требует обеспечения стандартов качества и безопасности. Именно правовые нормы могут устанавливать требования к процессу создания и использования продуктов биопринтинга в медицинской сфере. Важным аспектом регулирования биопринтинга является определение регуляторного статуса продуктов биопринтинга, предусматривающего различные режимы – от лекарственных средств до медицинских изделий.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ в рамках научного проекта Г23М-005.

Продукт биопринтинга как лекарственное средство. Согласно действующему белорусскому законодательству, лекарственным средством является «средство, представляющее собой или содержащее вещество либо комбинацию веществ, вступающее в контакт с организмом человека, предназначенное для лечения, медицинской профилактики заболеваний человека либо восстановления, коррекции или изменения физиологических функций его организма посредством фармакологического, иммунологического либо метаболического воздействия или для диагностики заболеваний и состояний человека»². В данном определении несколько составляющих, которым должны соответствовать продукты биопринтинга, чтобы их можно было признать лекарственным средством.

Во-первых, это средство, представляющее собой или содержащее вещество либо комбинацию веществ, вступающее в контакт с организмом человека. Биопринтные органы и ткани представляют собой комбинацию веществ, поскольку они создаются на основе клеток, которые уже существуют в природе и которые значительно модифицируются из-за воздействия на них человека. Создание продуктов биопринтинга включает в себя послойное депонирование клеток и биологических материалов с высокой точностью, чтобы создать требуемую структуру. Сам напечатанный орган или ткань вступает в контакт с организмом человека посредством медицинского вмешательства, а именно имплантации. Получается, что продукты биопринтинга соответствуют данной части определения. Во-вторых, это средство, предназначенное для лечения, медицинской профилактики заболеваний человека, а также для восстановления, коррекции или изменения физиологических функций человеческого организма. Биопринтные органы и ткани предназначены для использования в медицинских целях, в большинстве случаев для замещения больных или отсутствующих органов и тканей у пациентов. У них широкий спектр потенциальных применений, включая трансплантацию органов и тканей, что может решить проблему дефицита донорских органов и уменьшить риск отторжения, так как органы и ткани могут быть созданы с использованием собственных клеток пациента [1, с. 38], лечение заболеваний и повреждений, т.е. продукты биопринтинга могут использоваться для восстановления поврежденных или больных тканей, таких как кожа, хрящи, кости и мышцы.

Следовательно, биопринтные органы и ткани соответствуют второй части нормативного определения лекарственного средства.

В-третьих, это средство используется посредством фармакологического, иммунологического либо метаболического воздействия. Поскольку белорусское законодательство не содержит дефиниции вышеназванным видам воздействия, придется опираться на научные определения данных видов воздействия.

Полагается, что биопринтные органы и ткани используются посредством имплантации, а не посредством фармакологического, иммунологического либо метаболического воздействия, однако продукты биопринтинга, как и естественные органы и ткани, могут оказывать такие виды воздействия в организме, в который они внедряются. Биопринтные органы и ткани могут вызвать иммунологический эффект, так как иммунная система воспринимает их как чужеродные, что может привести к отторжению и иным воспалительным реакциям организма. Продукты биопринтинга могут проявлять и метаболическую активность, так как клетки, из которых состоит биопринтный орган, и биопринтные клетки могут участвовать в обмене веществ, поддерживая жизнедеятельность тканей, и оказывать воздействие на общий метаболизм организма, например, на выработку энергии.

Допуская теоретическую возможность фармакологического, иммунологического или метаболического воздействия биопринтных органов и тканей, стоит отметить, что их основная цель не состоит в оказании какого-либо из перечисленных воздействий. Они предназначены для структурного замещения органов и тканей, и их воздействие на организм связано с имплантацией, т.е. после внедрения в организм. Таким образом, биопринтные органы и ткани оказывают физическое, структурное воздействие на организм, так как они представляют собой структурные замены естественным органам и тканям человека. Можно утверждать, что теоретически биопринтные органы и ткани могут быть признаны лекарственным средством, если их фармакологическое, иммунологическое и метаболическое воздействие, возникающее после имплантации, будет считаться фармакологическим, иммунологическим и метаболическим воздействием в соответствии с определением лекарственного средства.

Признание продуктов биопринтинга лекарственным средством означает, что на биопринтные органы и ткани должны распространяться все нормативные правовые акты, регулирующие оборот лекарственных средств, требования обращения с ними и т.д., что может быть затруднительно на практике, поскольку могут возникнуть проблемы с получением сертификатов, лицензий и иных применимых управомочивающих документов [2, с. 28]. С точки зрения авторов настоящей работы, данный правовой режим не подходит для биопринтных органов и тканей в связи с отсутствием какого-либо из видов воздействий во время внедрения биопринтного органа или ткани, а также в связи с проблемами процедурного характера, так как сомнительна идея и необходимость регистрации каждого индивидуального продукта биопринтинга, поскольку 1) процесс регистрации может затянуть оказание медицинской помощи; 2) установление критериев для требований к качеству становится сложной задачей, поскольку каждый биопринтный орган и ткань изготавливаются индивидуально. Это, в свою очередь, приводит к затруднениям в осуществлении контроля качества лекарственного средства.

Продукт биопринтинга как медицинское изделие. В соответствии с Законом Республики Беларусь «О здравоохранении», медицинские изделия (изделия медицинского назначения, медицинская техника) определяются как различные инструменты, аппараты, приборы, оборудование, материалы и другие изделия, применяемые в медицинских целях отдельно или в комбинации между собой. Они также включают принадлежности, необходимые для их использования по назначению, включая специальное программное обеспечение. Производители

² URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=H10600161>.

предназначают их для предоставления медицинской помощи, включая мониторинг состояния организма человека, проведение медицинских исследований, восстановление, замещение, изменение анатомической структуры или физиологических функций организма, предотвращения или прерывания беременности. При этом их функциональное назначение не достигается фармакологическим, иммунологическим, генетическим или метаболическим воздействием на организм человека, хотя оно может поддерживаться лекарственными средствами³. Данный термин соответствует определению медицинского изделия, изложенного в Соглашении о единых принципах и правилах обращения медицинских изделий (изделий медицинского назначения и медицинской техники) в рамках Евразийского экономического союза⁴. В данном понятии имеется несколько компонентов, которым должны соответствовать биопринтные органы и ткани, чтобы их можно было признать медицинским изделием.

Во-первых, это любые инструменты, аппараты, приборы, оборудование, материалы и прочие изделия. Среди данного перечня сложно подобрать подходящий термин, который описывает биопринтные органы и ткани. Однако, как можно наблюдать, законодатель сделал данный перечень открытым путем включения в дефиницию «прочие изделия», куда теоретически может подходить что угодно, в т.ч. биопринтные органы и ткани.

Во-вторых, они применяются в медицинских целях. Продукты биопринтинга используются в медицинских целях: замена поврежденных, нефункционирующих или отсутствующих органов у пациентов, проведение исследований и тестирований.

В-третьих, они предназначены производителем для оказания медицинской помощи, т.е. здесь явно выражено намерение производителя. Сама помощь может быть различна, что описано в данном определении. Среди форм медицинской помощи, предусмотренных законодателем, биопринтные органы и ткани могут применяться в рамках медицинских исследований, процедур восстановления, замещения, а также изменения анатомической структуры или физиологических функций организма.

В-четвертых, их функциональное предназначение не достигается с применением фармакологических, иммунологических, генетических или метаболических воздействий на организм человека. Биопринтные органы и ткани представляют собой структурные замены естественных органов и тканей человека, они поддерживают жизненные функции, т.е. их функциональное предназначение не осуществляется с использованием данных видов воздействия на человеческий организм.

С точки зрения процедурных вопросов явных преград для продуктов биопринтинга нет. Согласно действующему законодательству, исключений регистрации медицинских изделий, изготовленных по индивидуальному заказу для личного пользования, нет⁵.

Подход отнесения биопринтных органов и тканей к медицинскому изделию возможен и за рубежом, например, в Европейском союзе (далее – ЕС). Регулирование биопринтинга в ЕС осуществляется комплексом правовых актов, которые определяют требования к медицинским изделиям, биопродуктам и тканевой инженерии.

Основным нормативным документом, который регулирует область биопринтинга, является Регламент ЕС 2017/745, принятый Европейским парламентом и Советом 5 апреля 2017 года. Данный Регламент закрепляет стандарты безопасности медицинских изделий, требования к маркировке, сертификации и контролю качества этих изделий⁶. В соответствии с Регламентом 2017/745, медицинское устройство – это изделие, прибор, программное обеспечение, материал или другой предмет, предназначенный для использования с целью диагностики, предотвращения, контроля, облегчения или компенсации болезней, травм или инвалидности; проведения исследований, замещения или изменения анатомической структуры или физиологических процессов; контроля за зачатием; предоставления информации о медицинском состоянии; управления медицинскими процессами, включая поддержку или подмену функций органа; а также предназначенных специально для индивидуальной диагностики, предотвращения, контроля, лечения или облегчения медицинских состояний. Таким образом, медицинское устройство может включать в себя разнообразные продукты, такие как медицинские инструменты, аппараты, программное обеспечение, импланты, протезы, диагностические тесты и прочие изделия, предназначенные для применения в медицинских областях и связанных процессах.

Исходя из нормативных целей устройства, можно сделать вывод, что биопринтинг может быть признан медицинским изделием, поскольку соответствует нескольким целям, таким как диагностика, предотвращение, контроль, облегчение или компенсация болезней, травмы или инвалидности, а также исследование, замещение или изменение анатомической структуры или физиологических процессов. Биопринтные органы и ткани могут быть рассмотрены как медицинское устройство, осуществляющее управление медицинскими процессами, включая поддержку или подмену функций органа.

Классификация медицинских устройств на основе потенциальных рисков для пациентов и пользователей также устанавливается в соответствии с Регламентом.

К классу I относятся медицинские устройства с минимальным риском для пациентов. В этот класс входят термометры, шприцы и перевязочные материалы. Эти устройства как правило не внедряются в организм и не оказывают существенного воздействия на его функции. К классу IIa относятся медицинские устройства с низким

³ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=v19302435>.

⁴ URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0157059/itia_24122014.

⁵ URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=c20801269>.

⁶ URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2017/745/oj/eng>.

риском для пациентов, что включает такие устройства, как контактные линзы, некоторые диагностические тесты и т.д. Они могут воздействовать на организм, но риск их использования обычно является низким. Класс IIb включает в себя медицинские устройства с умеренным риском для пациентов. В него входят импланты, аппараты для анестезии, некоторые хирургические инструменты. Они могут оказывать значительное воздействие на организм. Класс III содержит медицинские устройства с высоким риском для пациентов. К таким устройствам могут относиться искусственные сердечные клапаны, медицинские лазеры и т.д. Они имеют наибольшее воздействие на организм и требуют самого строгого контроля качества и безопасности.

Биопринтные органы и ткани в соответствии с Регламентом могут относиться к классу III, т.е. категории медицинских устройств с высоким риском для пациентов. Биопринтинг как технология обычно используется для создания тканей и органов, которые могут быть использованы в медицинских целях, включая трансплантацию. Эти устройства могут иметь значительное воздействие на организм пациента и требуют высокого уровня безопасности и эффективности.

Исходя из вышеизложенного можно сказать, что правовой режим медицинского изделия подходит для биопринтных органов и тканей. В связи с этим можно определить, какое место будут занимать биопринтные органы и ткани согласно классификации медицинских изделий, утвержденной Приказом Министерства здравоохранения Республики Беларусь (далее – Приказ)⁷.

Согласно Приказу были введены номенклатурная классификация медицинских изделий по видам согласно приложению № 1 Приказа; номенклатурная классификация медицинских изделий по классам в зависимости от потенциального риска их применения согласно приложению № 2 Приказа. Для первой классификации предусмотрены определенные критерии, а именно: область применения, технология применения, требования стерилизации медицинских изделий, их назначение. Биопринтные органы и ткани предназначены для восстановления, замещения и изменения анатомической структуры или физиологических функций организма. Это обусловлено тем, что, во-первых, биопринтинг может использоваться как замена естественных органов и тканей. Во-вторых, данная технология может применяться для восстановления поврежденных естественных органов тканей. В-третьих, биопринтинг также может применяться для создания тканей и органов с оригинальными структурными и функциональными свойствами, которые могут быть приспособлены учитывая индивидуальные, конкретные особенности пациентов или к особым медицинским потребностям.

Требования стерилизации медицинских изделий как критерий включает в себя следующую классификацию: нестерильные медицинские изделия одноразового использования, стерильные медицинские изделия одноразового использования, стерилизуемые медицинские изделия многократного применения, нестерильные медицинские изделия многократного применения, оборудование для стерилизации медицинских изделий. Медицинские изделия одноразового использования включают в себя те, которые предназначены для единичного применения. Стерилизуемые медицинские изделия, в свою очередь, предполагают обеспечение стерильности как при первом использовании, так и при последующих применениях через соответствующие методы стерилизации.

Поскольку биопечатный орган или ткань нельзя после имплантации отделить без специальной квалифицированной медицинской помощи и без причинения вреда здоровью, а с имплантацией биопечатного продукта происходит его юридическая гибель как вещи, то биопринтные органы и ткани следует отнести к медицинскому изделию одноразового использования. В отношении стерильности биопринтных органов и тканей, если предписано, что стерильность должна быть обеспечена при каждом применении, то продукты биопринтинга следует классифицировать как нестерильные медицинские изделия, поскольку их применение возможно только однократно. Также имеются и другие аргументы отнесения продуктов биопринтинга к нестерильным медицинским изделиям. Стерилизация – процесс, под которым подразумевается уничтожение микроорганизмов (Круглова, 2019, с. 684). Биопринтные органы и ткани создаются из живых клеток, которые могут быть повреждены или уничтожены при стерилизации. Продукты биопринтинга могут иметь небольшой срок годности, и стерилизация может ускорить их разложение.

Таким образом, продукты биопринтинга следует относить к нестерильным медицинским изделиям одноразового использования.

Технология применения медицинских изделий подразделяется на неактивные медицинские изделия, активные медицинские изделия, неактивные имплантируемые медицинские изделия, активные имплантируемые медицинские изделия, хирургические инструменты, протезно-ортопедические изделия, технические средства реабилитации инвалидов. Согласно Приказу, для неактивных медицинских изделий не требуется источника энергии, за исключением энергии, генерируемой телом человека или силой тяжести (гравитацией); для активных медицинских изделий необходимо использование источника энергии, отличной от генерируемой телом человека или силой тяжести (гравитацией); имплантируемые медицинские изделия – инвазивные медицинские изделия, которые находятся в месте введения в течение срока не менее чем 30 дней после процедуры введения. Биопринтные органы и ткани могут относиться к следующим категориям медицинских изделий: активные или неактивные имплантируемые медицинские изделия и протезно-ортопедические изделия.

Биопринтные органы и ткани могут быть рассмотрены как неактивные имплантируемые медицинские изделия, предназначенные для замещения или восстановления физиологических функций организма. Эта категория

⁷ URL: https://minzdrav.gov.by/upload/lcfiles/000128_14199_klassifikator-1324-prilozhenia.doc.

включает в себя медицинские изделия, внедряемые в организм пациента, но не оборудованные активными электрическими, механическими или электронными компонентами. Биопринтные органы и ткани не содержат активных механизмов или электроники; они состоят из биологических материалов и предназначены для восстановления или замещения тканей и органов, выполняя свои функции без дополнительных активных компонентов. Однако продукты биопринтинга могут быть признаны активными имплантируемыми медицинскими изделиями, если они включают в себя активные компоненты или технологии, которые обеспечивают дополнительную функциональность. Биопринтные органы и ткани могут рассматриваться как протезно-ортопедические изделия, так как они заменяют или улучшают анатомическую структуру и функции организма. Однако несмотря на сходства и пересечения с протезирующими технологиями, биопринтные продукты имитируют биологическую структуру (как минимум, они созданы на основе реальных естественных клеток человека) и функции реальных органов, а не являются искусственными устройствами в классическом смысле.

Учитывая совокупность представленных аргументов, биопринтные органы и ткани относятся к неактивным имплантируемым медицинским изделиям.

Области применения медицинских изделий по классификационному признаку согласно Приказу, следующие: акушерство и гинекология, бальнеология и водолечение, гастроэнтерология, генетика, кардиология, клиническая лабораторная диагностика, наркология, травматология и ортопедия, трансплантология, широкого применения и др. Биопринтные органы и ткани относятся к области применения «трансплантология». Согласно Закону Республики Беларусь «О трансплантации органов и тканей», трансплантация представляет собой процедуру, при которой отсутствующие или поврежденные органы и (или) ткани у пациента заменяются органами и (или) тканями человека, полученными путем медицинского вмешательства⁸. Трансплантология – это область медицины, занимающаяся пересадкой органов и тканей для лечения пациентов с заболеваниями, поражающими органы. Биопринтные органы и ткани создаются с целью замены или восстановления поврежденных или отсутствующих органов и тканей у пациентов, что представляет собой ключевой аспект трансплантологии. Кроме того, в зависимости от конкретных приложений и обстоятельств, биопринтные органы и ткани также могут иметь отношение к другим областям, таким как органы и ткани «широкого применения» или «хирургия», в случае их использования в хирургических процедурах.

Касаемо второй классификации, то в соответствии с Приказом каждое медицинское изделие может быть отнесено только к одному классу:

к классу 1 – медицинские изделия с низкой степенью риска (медицинские изделия с низким индивидуальным риском и низким риском для общественного здоровья – для медицинских изделий для диагностики *in vitro*);

к классу 2а – медицинские изделия со средней степенью риска (медицинские изделия с умеренным индивидуальным риском и/или низким риском для общественного здоровья – для медицинских изделий для диагностики *in vitro*);

к классу 2б – медицинские изделия с повышенной степенью риска (медицинские изделия с высоким индивидуальным риском и/или умеренным риском для общественного здоровья – для медицинских изделий для диагностики *in vitro*);

к классу 3 – медицинские изделия с высокой степенью риска (медицинские изделия с высоким индивидуальным риском и/или высоким риском для общественного здоровья – для медицинских изделий для диагностики *in vitro*).

Продукты биопринтинга относятся к классу 3, поскольку согласно правилу 8 Приказа, имплантируемые медицинские изделия, а также хирургические инвазивные медицинские изделия длительного применения, относятся к классу 2б, однако, если они непосредственно контактируют с сердцем, центральной системой кровообращения или центральной нервной системой, то относятся к классу 3; предназначены для того, чтобы вызывать биологический эффект или рассасываться полностью или в значительной мере, то относятся к классу 3.

Продукты биопринтинга – медицинские изделия длительного применения, так как полагается, что они применяются в течении всей жизни пациента, т.е. в течение более 30 суток. Биопринтные органы и ткани могут контактировать с другими органами и системами в организме, включая сердце, центральную систему кровообращения и центральную нервную систему, могут оказывать биологический эффект в организме человека, например, восстановление функции органов и тканей, улучшение качества жизни, меньший риск отторжения. Также важно упомянуть, что имплантация естественных и биопринтных органов и тканей представляет собой серьезную хирургическую процедуру с потенциально высоким риском для пациентов, включая риск отторжения, инфекций и других осложнений, что ведет к повышенному индивидуальному риску.

Продукт биопринтинга как биомедицинский клеточный продукт. Другой потенциальный правовой режим биопринтинга – биомедицинский клеточный продукт. Согласно Положению о порядке государственной регистрации биомедицинских клеточных продуктов⁹, биомедицинские клеточные продукты – пересадочный материал, полученный на основе клеток человека, за исключением эмбриональных, фетальных и гемопоэтических стволовых клеток, генетически модифицированных клеток человека. Согласно такой трактовке продукты биопринтинга можно считать биомедицинским клеточным продуктом.

⁸ URL: <https://www.gospital.by/metodicheskij-tsentr/transplantologiya/2-general/790-zakon-o-transplantatsii>.

⁹ URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C21401120&p1=1&p5=0>.

Во-первых, биопринтные органы и ткани создаются из биологических материалов, таких как клетки и ткани, которые придают им «живой» биологический характер. Сам процесс биопринтинга формирует структуру органов и тканей на клеточном уровне, где клетки играют ключевую роль в их функционировании. Во-вторых, биопринтные органы и ткани изготавливаются для имплантации. Формально, биопринтные органы и ткани могут быть биомедицинским клеточным продуктом, однако в Республике Беларусь отсутствует должное правовое регулирование отношений, связанных с биомедицинскими клеточными продуктами, что затрудняет выстраивание дальнейшего регулирования режима продуктов биопринтинга и понуждает обратиться к наднациональному законодательству в рамках Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС).

В нормативно правовой базе ЕАЭС термин биомедицинский клеточный продукт отсутствует, однако Решением Совета ЕАЭС № 78 вводится понятие высокотехнологических лекарственных препаратов¹⁰. Среди видов таких лекарственных препаратов выделяются «генотерапевтический лекарственный препарат» и «лекарственные препараты на основе соматических клеток».

Генотерапевтический лекарственный препарат – это «биологический лекарственный препарат: содержащий активное вещество, содержащее рекомбинантную нуклеиновую кислоту или состоящее из неё, используемую или вводимую человеку с целью регулирования, восстановления, замены, добавления или удаления генетической последовательности; терапевтический, профилактический или диагностический эффекты которого напрямую обусловлены последовательностью рекомбинантной нуклеиновой кислоты, которую он содержит, или с продуктом генетической экспрессии этой последовательности»¹¹.

Биопринтные органы и ткани не могут являться генотерапевтическими лекарственными препаратами, поскольку они не содержат активных веществ, состоящих из рекомбинантной нуклеиновой кислоты или используемых для ввода в организм человека с целью регулирования, восстановления, замены, добавления или удаления генетической последовательности. Биопринтинг включает создание трехмерных структур органов и тканей из биологических материалов, но это не включает в себя изменение генетической последовательности или внедрение рекомбинантной нуклеиновой кислоты с целью воздействия на генетическую экспрессию. Биопринтные органы и ткани создаются для замещения дефектов или восстановления функции органов и тканей, но это осуществляется на уровне клеток и тканей, а не на уровне генетической манипуляции. Следовательно, биопринтные органы и ткани не соответствуют определению генотерапевтического лекарственного препарата, так как их эффекты не обусловлены воздействием на генетическую последовательность или генетическую экспрессию.

Лекарственный препарат на основе соматических клеток – это «биологический лекарственный препарат: содержащий или состоящий из клеток или тканей, которые подвергались существенным манипуляциям таким образом, что их биологические характеристики, физиологические функции или структурные свойства, значимые для клинического использования, были изменены; или состоящий из клеток или тканей, которые не предназначены для применения с целью осуществления одних и тех же основных функций у реципиента и донора; применяемый у человека с целью лечения, профилактики или диагностики заболевания посредством фармакологического, иммунологического или метаболического действия входящих в его состав клеток или тканей»¹².

В первую очередь, это средство, содержащее или образованное из клеток или тканей, подвергнутых значительным изменениям так, что их биологические свойства, физиологические функции или структурные особенности, важные для клинического использования, модифицированы. Биопринтные органы и ткани, состоящие из живых клеток и тканей, могут подвергаться различным изменениям в процессе создания биологических конструкций. Например, клетки используются совместно с биоматериалами, такими как гидрогели или биополимеры, чтобы создать нужную консистенцию и структуру для печати, обеспечивая равномерное распределение клеток в материале. Также, в некоторых технологиях биопринтинга клетки могут быть предварительно обработаны для изменения их функциональных характеристик. Это может включать изменение генетической экспрессии клеток или их способности к дифференциации в определенные типы клеток [3, с. 3].

Во-вторых, это лекарственное средство, используемое у человека для лечения, профилактики или диагностики заболеваний путем воздействия на клетки или ткани, входящие в его состав, с использованием фармакологических, иммунологических или метаболических механизмов. Биопринтные органы и ткани не реализуют свои функции путем фармакологического, иммунологического, генетического или метаболического воздействия, как это утверждается в данном определении, однако могут оказывать физиологическое воздействие на организм человека после имплантации, не являясь при этом фармакологическими, иммунологическими или метаболическими воздействиями.

Продукт биопринтинга как самостоятельный объект *sui generis*, требующий особого регулирования. Аналитическая философия часто использует выражение *sui generis* для обозначения идеи, сущности или реальности, которые не могут быть сведены к более низкому понятию или включены в более высокое понятие. Рассматривая продукты биопринтинга как самостоятельный объект *sui generis* важно подчеркнуть причины, которые позволяют отнести их к такому правовому режиму.

Во-первых, биопринтные органы и ткани создаются с использованием сложных технологий, включая различные типы клеток, биоматериалы и процессы. Эта сложность делает их уникальными и отличными от других биологических или синтетических структур [4, с. 294].

¹⁰ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207379/.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

Во-вторых, биопринтные органы и ткани сочетают в себе как уникальность (использование сложных технологий, комбинаций), так и идентичность их естественным аналогам.

В-третьих, они могут быть созданы с учетом индивидуальных характеристик пациента, что делает их уникальными объектами, специфичными для каждого пациента.

В-четвертых, введение продуктов биопринтинга в медицинскую практику вызывает новые правовые и этические вопросы, такие как вопросы об авторских правах на созданные структуры, контроле качества, безопасности и т.д.

Европейская служба парламентских исследований (European Parliamentary Research Service) – исследовательский центр при Европарламенте подготовил в 2018 г. небольшое исследование¹³, посвященное юридическим и этическим вопросам обращения биопринтных продуктов. Также, как и в других юрисдикциях, в настоящее время в ЕС нет специального регулирования, которым устанавливался бы статус продуктов биопринтинга в качестве одной из доступных законодательно моделей или в качестве объекта *sui generis*. При этом регенеративная медицина с использованием клеток человека или каких-либо видов биоинженерии считается «advanced therapy»¹⁴ и регулируется отдельным нормативным актом¹⁵ – Advanced Therapy Medicinal Products (далее – ATMPs).

Позиция Европейской службы парламентских исследований (European Parliamentary Research Service) в отношении биопринтных продуктов такова: «существующие в настоящее время основы регулирования ЕС (фармацевтические препараты, медицинские изделия, современные методы лечения, ткани и клетки, органы) могут оказаться непригодными для правового регулирования в медицине и поэтому требуют переоценки» («current established pillars of EU regulation (pharmaceuticals, medical devices, advanced therapies, tissues and cells, organs) may be unsuitable for bio-AM regulation in medicine and therefore require re-evaluation»). То есть в отличие от США и ЕАЭС, в рамках европейской юрисдикции имеется более явно выраженное стремление к регулированию биопринтных продуктов в качестве изделий *sui generis*. Объясняется это стремление тем, что дефиниции, используемые в регуляторном поле ЕС, позволяют одновременно квалифицировать биопринтные продукты в различных их проявлениях по-разному: в качестве медицинского изделия¹⁶, в качестве ATMPs или в качестве лекарственного средства¹⁷.

Любая попытка квалифицировать трехмерный биопринтный продукт требует отдельного, крайне детального анализа, поскольку общеевропейское законодательство обладает высокой степенью «зарегулированности», каждый процесс может быть квалифицирован по-разному, а от результатов анализа на каждом этапе, могут существенно измениться итоговые выводы. К примеру, в ЕС существуют отдельные директивы¹⁸, определяющие статус «raw materials», которые потенциально могут быть применимы к биоматериалам при биопринтном производстве, а также директивы, которые могут определить режим биопринтера¹⁹.

В целом ситуация в ЕАЭС, ЕС и США схожа – действующие нормы позволяют одновременно квалифицировать продукты биопринтинга в качестве лекарств / медицинских изделий / высокотехнологичных терапий или объектов *sui generis*²⁰. А в Республике Беларусь необходимость создания отдельного регуляторного режима в отношении объектов биопринтинга находится в прямой зависимости от сложности регуляторного поля каждой из юрисдикций. Это позволит установить общие стандарты и требования к биопринтным продуктам, что способствует их безопасности и эффективности. Кроме того, такой подход поможет предотвратить неразбериху и несоответствие в правовом регулировании биопринтинга между различными странами.

Заключение. Таким образом, правовой режим лекарственного средства не подходит для биопринтных органов и тканей в связи с отсутствием фармакологического, иммунологического и метаболического воздействия во время внедрения биопринтного органа или ткани, а также в связи с проблемами процедурного характера, так как сомнительна идея и необходимость регистрации каждого индивидуального продукта биопринтинга. Биопринтные органы и ткани относятся к неактивным имплантируемым медицинским изделиям в области применения «трансплантология». Продукты биопринтинга – медицинские изделия длительного применения, так как они предназначены для непрерывного применения в течение более 30 суток, не реализуют свои функции путем фармакологического, иммунологического, генетического или метаболического воздействия, как это утверждается в данном определении, однако могут оказывать физиологическое воздействие на организм человека после имплантации.

Для рационализации и унификации последующего коммерческого оборота биопринтных органов и тканей наиболее оптимальной моделью будет выстраивание единого подхода, сформированного на международном уровне при участии крупнейших представителей рынка и регуляторных органов заинтересованных государств. В силу регуляторной сложности правового поля проанализированных юрисдикций, авторы настоящей работы склоняются к выводу, что продукты биопринтинга следует считать объектами *sui generis*.

¹³ URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2018/614571/EPRS_IDA\(2018\)614571\(ANN1\)_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2018/614571/EPRS_IDA(2018)614571(ANN1)_EN.pdf).

¹⁴ URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32017R0745>.

¹⁵ URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2007/1394/oj/eng>.

¹⁶ URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A31993L0042>.

¹⁷ URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX%3A32001L0083>.

¹⁸ URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32006R1907&from=EN>.

¹⁹ URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32006L0042>.

²⁰ Соглашение о единых принципах и правилах обращения медицинских изделий (изделий медицинского назначения и медицинской техники) в рамках Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]: закл. в г. Москве 23.12.2014 г. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/420246566>.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гокунь Ю.С. 3D-биопринтинг как правовое явление в сфере трансплантологии // Вопросы российской юстиции. – 2020. – № 5. – С. 35–44.
2. Жемчугов Н.С. 3D-биопринтинг: перспективы правового регулирования: дисс. ... магист. юрид. наук: 12.00.03. – М., 2021. – 80 л.
3. Горбатов Р.О., Романов А.Д. Создание органов с помощью биопечати // Вестник Волгоградского государственного медицинского университета. – 2017. – Вып. 3 (63). – С. 3–9. DOI: [https://doi.org/10.19163/1994-9480-2017-3\(63\)-3-9](https://doi.org/10.19163/1994-9480-2017-3(63)-3-9).
4. Северцева А.О. К вопросу о правовом режиме органов, созданных с помощью биотехнологий // Вопросы российской юстиции. – 2021. – С. 290–296.

Поступила 09.09.2024

**THE REGULATORY REGIME OF THREE-DIMENSIONAL BIOPRINTING PRODUCTS
IN THE LEGAL REALITIES OF THE REPUBLIC OF BELARUS**

A. IVANKOVICH
(Belarusian State University, Minsk)

T. SIAMIONAVA
(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

The article defines the regulatory regime of three-dimensional bioprinting products (bioprinting), namely the possibility of applying the legal regime of a drug, medical device, biomedical cellular product, the concept of sui generis special legal regime. The situation in the EAEU, the EU and the USA is analyzed with regard to the current norms that allow simultaneously qualifying bioprinting products as medicines, medical devices, high-tech therapies or sui generis objects. Common standards and requirements for bioprinted products are investigated. It is concluded that it is necessary to build a unified approach to rationalize and unify the subsequent commercial circulation of bioprinted organs and tissues, and it is expedient to consider bioprinting products as sui generis products.

Keywords: *biomedical cell product, bioprinting, bioprinted organ, drug, medical device, patient, transplantology, sui generis.*

УДК 343.9

DOI 10.52928/2070-1632-2025-70-1-71-75

**КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОСНОВНЫХ ФОРМ
НЕКРИМИНАЛЬНОГО НАСИЛИЯ В СУПРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ:
НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ**

О.В. КАТУШОНОК

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0619-7444>

e-mail: o.katushonok@pdu.by

В статье затрагивается проблема супружеского насилия. Для проведения анализа некриминальных форм насильственного воздействия между супругами было проведено социологическое исследование путем анкетирования студентов заочной формы получения образования. Исследование строится на теории симметричного насилия. Анализируются полученные ответы респондентов о том, применяли ли они насилие по отношению к супругу за последний год, а также становились ли сами жертвами насилия за указанный период. Изучено отношение опрошенных к вмешательству органов внутренних дел в разрешение семейных конфликтов. В статье также исследовано мнение респондентов о допустимости насилия в супружеских отношениях. Проводится сравнительный анализ ответов лиц, ранее состоявших в браке, состоящих в браке в настоящий период, и лиц, не имеющих опыта супружеской жизни.

Ключевые слова: семья, домашнее насилие, супружеское насилие, формы супружеского насилия, социологическое исследование, теория симметричного насилия.

Введение. Проблема супружеского насилия, как и в целом проблема домашнего насилия, для Республики Беларусь не нова. В настоящее время имеется значительное количество публикаций и исследований данного явления, однако, в большинстве своем они носят односторонний гендерно ориентированный характер, где в качестве жертвы супружеского насилия рассматривается только женщина.

Эффективность профилактики домашнего насилия требует комплексного подхода, основанного на всестороннем объективном исследовании данной формы девиации. В связи с этим особое значение приобретает изучение некриминальных форм насильственного супружеского воздействия. Не подпадая под действие уголовного законодательства, они, при этом, оказывают деструктивное воздействие на психическое и зачастую физическое здоровье жертвы. В дальнейшем именно рассматриваемые формы некриминального воздействия могут привести к тому, что супруг, им подвергающийся, из жертвы превратится в агрессора с применением уже более жестких мер воздействия. На этом основании виктимологический аспект супружеского насилия также заслуживает пристального внимания и изучения.

Мы основываемся на теории симметричного насилия [1; 2], согласно которой взаимодействие в супружеских отношениях зависит в равной степени от действий обоих супругов. Женщины также агрессивны по своей природе и склонны к насилию, однако характер, тяжесть и последствия насилия отличаются в силу того, что мужчины физически сильнее женщин. Для изучения основных форм некриминального насилия, применяемого в супружеских отношениях, было проведено социологическое исследование. Главной целью исследования было изучение проблемы некриминальных форм насилия в супружеских отношениях, а также мнения респондентов о возможности применения насилия в супружеских отношениях. В результате ожидается подтвердить выдвинутую гипотезу о том, что женщины так же, как и мужчины, применяют насилие в супружеских отношениях.

Основная часть. Эмпирической базой для исследования послужил анкетный опрос студентов заочной формы получения образования Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой. В опросе приняли участие респонденты, которые состоят в официальном или неофициальном браке, лица, ранее состоявшие в браке, а также не имеющие опыта супружеской жизни. Окончательная выборка составила 391 человек – 164 женщины и 214 мужчин.

Дальнейшее разделение респондентов осуществлялось по критерию наличия либо отсутствия опыта супружеской жизни. В результате было получено три группы: основная референтная группа – имеющие опыт супружества (состоящие в зарегистрированном браке, сожительствующие) – 213 человек (100 женщин и 103 мужчины; 10 анкет без указания пола); и второстепенные группы – лица, никогда не состоявшие в брачных отношениях, – 156 человек (53 женщины и 100 мужчин; 3 анкеты без указания пола), и лица, ранее состоявший в браке, – 22 человека (11 женщин и 11 мужчин). Для получения результатов обрабатывались только данные, полученные от основной референтной группы. Из анализа были исключены 10 анкет, в которых отсутствовало указание на пол респондента, а также 2 анкеты мужчин, в которых не было заполнена графа о применении насилия.

Таким образом, окончательное распределение по полу выглядит следующим образом: женщины – 100 человек, мужчины – 101 человек.

В результате исследования было установлено, что подавляющее большинство опрошенных за последний год хотя бы раз в своей семье сталкивалось с применением насилия. Так, об этом заявили 78 женщин (78%) и 70

мужчин (69,3%). При этом 77% женщин сообщили, что были жертвами супружеского насилия, и 63% – сами совершали насилие в отношении своего партнера. Среди мужчин 64,3% (65 человек) отметили применение насилия со стороны супруги и 54,5% (55 человек) – что сами хотя бы один раз за последний год применяли насилие.

При ответе на вопрос: «Совершал ли Ваш супруг/ супруга за последний год следующие действия по отношению к Вам?» мужчины, столкнувшиеся с применением насилия со стороны супруги, заявили, что наиболее частыми формами воздействия на них оказались проявления ревности (72%), ругательства, брань (61,5%), оскорбления, обзывания (52,3%), контроль выбора досуга, хобби (29,2%), воздержание от секса как средство давления (27,7%). Кроме того, 12,3% мужчин столкнулись хотя бы раз с запугиванием, такой же процент – с запретом либо ограничением на общение с родственниками или друзьями, 9,2% – с шантажом, 7,7% – с унижениями, 6,2% – с лишением либо ограничением средств к существованию.

Женщины заявили, что также наиболее часто подвергались проявлениям ревности со стороны супруга (66,3%), ругательству и брани (58,4%), оскорблениям и обзыванию (46,8%), контролю выбора досуга и хобби (32,5%). Но, в отличие от мужчин, 16,9% женщин заявили о принуждении их к занятию сексом и больше женщин, нежели чем мужчин, отметили запрет либо ограничение на общение с родственниками или друзьями (26%) со стороны супруга. Однако женщины в меньшей степени, чем мужчины, страдают от шантажа (5,2%), унижений (2,6%) (рисунок 1).

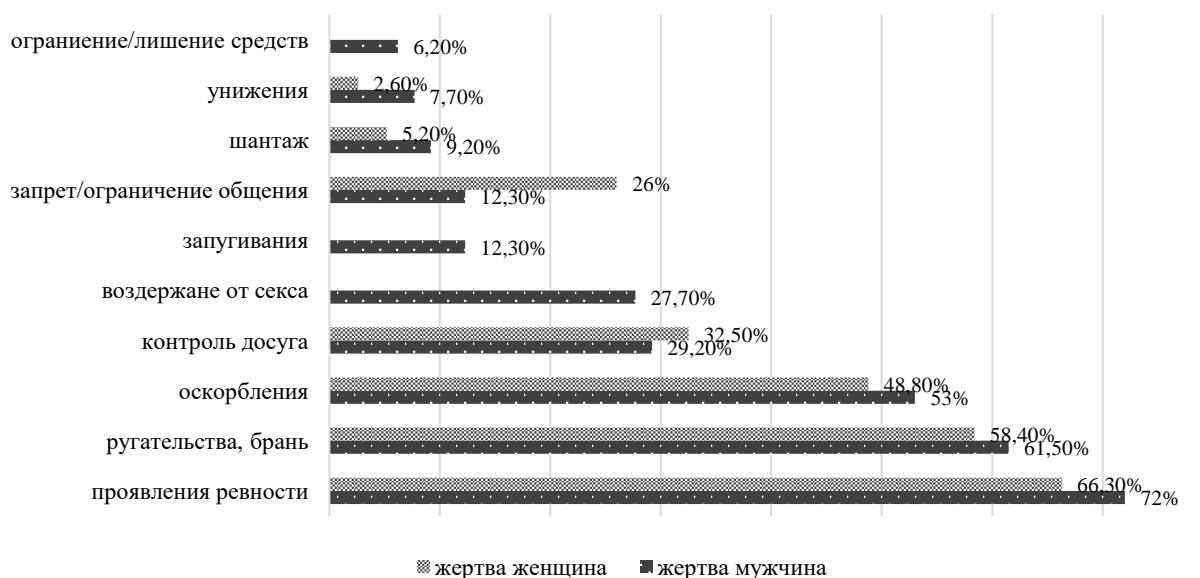

Рисунок 1. – Формы психологического насильственного воздействия в отношении супругов, % жертв от числа опрошенных респондентов

При анализе ответов на вопрос: «Совершали ли Вы за последний год следующие действия по отношению к своему супругу/супруге?» установлено, что 47,3% мужчины и 61,9% женщин допускали оскорбления и обзывания в адрес партнера; 65,5% мужчин и 65,1% – ругательства и брань, 36,4% мужчин и 47,6% женщин – проявления ревности; 20% мужчин и 22,2% женщин – контроль выбора досуга или хобби (рисунок 2).

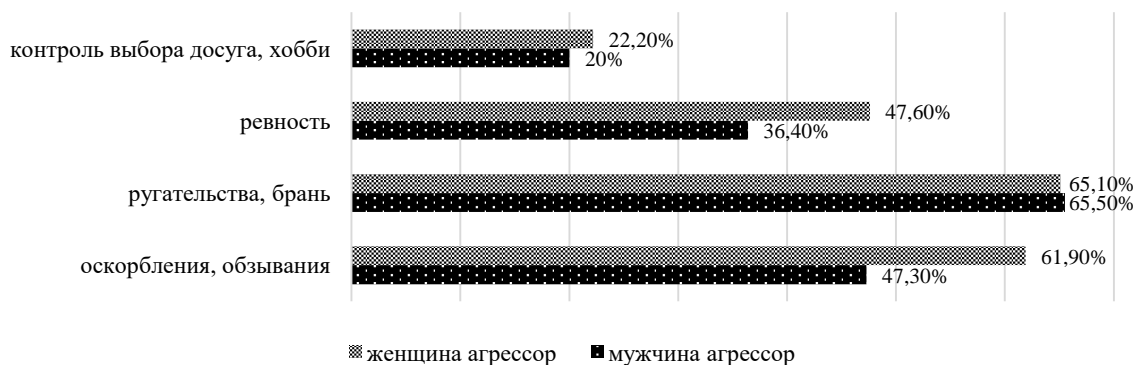

Рисунок 2. – Формы психологического насильственного воздействия в отношении супругов, % агрессоров от числа опрошенных респондентов

Исследователями установлено, что «женское насилие в отношении мужчин гораздо реже является внезапным, непредсказуемым; как правило, оно формируется в течение длительного времени. Кроме того, изначально оно выражается в психологическом воздействии – унижениях, оскорблениях...» [3, с. 51].

Респонденты обоих полов отметили и о совершении некриминального физического воздействия в отношении своих партнеров. Так, 16,4% мужчин и 28,6% женщин сообщили, что хотя бы один раз за последний год допускали удары руками; 14,5% мужчин и 15,9% женщин – пихания и щипки. О принуждении к выполнению физической работы заявили 10,9% мужчин и 14,3% женщин. Женщины также заявили об ударах супруга предметами, которые не могут нанести существенного вреда (6,3%), ударах ногами (4,8%). Мужчины же больше применяли таскания за волосы и запираение в комнате – по 3,6%.

Как видно, отличительной особенностью женского супружеского насилия является преобладание психологических форм его проявления над физическими.

Взгляды мужчин и женщин, сталкивающихся в своей семье с проблемой насилия, разделились при ответе на вопрос: «Как Вы считаете, следует ли обращаться в милицию за помощью для разрешения семейных конфликтов?». Так, только одна женщина ответила, что в милицию следует обращаться всегда, 34% женщин и только 14% мужчин заявили, что в милицию следует обращаться, но только при серьезных конфликтах. Остальные полагают, что за помощью в милицию обращаться вообще не стоит (рисунок 3). Около трети опрошенных женщин и 37% мужчин считают, что семейные конфликты лучше решать дома; 9% женщин и 14% мужчин полагают, что это приведет к обострению конфликта. Также 14% мужчин полагают, что милиция работает неэффективно. При этом большинство опрошенных заявили, что им не известны случаи удачного разрешения конфликтов после обращения в милицию. Данный вариант ответа выбрали 46,3% опрошенных. Еще 13,4% респондентов сообщили о том, что им известны только неудачные случаи разрешения проблемы после обращения в правоохранительные органы [4, с. 49–50].

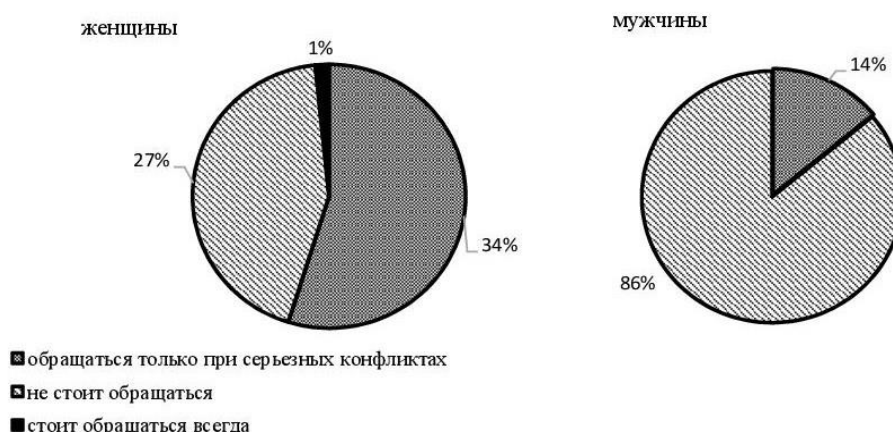

Рисунок 3. – Отношение респондентов к обращению в правоохранительные органы, %

Схожие данные получены в результате исследования, проведенного С.А. Тимко и И.А. Кузнецовой, которые выявили, что «в большинстве своем мужчины (62% опрошенных) не стали бы обращаться с заявлением в полицию в случае причинения им вреда супругой (сожительницей)». Более того, «77% указали, что обращение в правоохранительные органы с подобным заявлением постыдно для мужчины» [3, с. 50–51]. Полагаем, данные обстоятельства являются ничем иным, как детерминирующими высокий уровень латентности данных посягательств.

Второстепенной целью исследования ставилось выяснение отношения респондентов к проблеме домашнего насилия. Исследование проводилось в рамках каждой из репрезентативных групп.

Среди лиц, никогда не состоящих в браке, выборка составила 100 мужчин и 53 женщины (в 3 анкетах не было данных о поле, соответственно, их данные в расчет не принимались). Ответы распределились следующим образом: 12% мужчин и только 9,4% женщин полагают, что в семейных отношениях недопустимы какие-либо формы насильственного воздействия между супругами; 3% мужчин затруднились в целом ответить на поставленный вопрос.

Анализ ответов показал, что мужчины и женщины, никогда не состоявшие в браке, имеют схожие взгляды о допустимости негативного воздействия в семье. Несмотря на то, что 48 женщин из 53 (90,6%) считают возможным применение какого-либо насильственного воздействия в супружеских отношениях, все женщины данной группы единогласно не допускают такие формы воздействия, как: унижения при посторонних, угрозы (в том числе и с применением оружия), лишение еды, одежды, удары предметами, которые могут нанести существенный вред, удары ногами. Кроме того, женщины, ранее не состоявшие в браке, отрицательно относятся к унижениям, воздействию на супруга через жестокое обращение с животными или детьми, шантажу, избиваниям, тасканию за волосы (98,1% по каждому из пунктов). Среди мужчин также высока доля лиц, которые не допускают подобные проявления (по каждой из категорий свыше 90 % ответивших).

По ряду насильственных проявлений мужчины и женщины, ранее не состоявшие в браке, имеют схожее мнение. Так, 75,5% женщин допускают проявления ревности, при этом 11,3% считают это допустимым всегда, 64,2% – при определенных обстоятельствах. Среди мужчин 13% допускают проявления ревности в любых случаях, 46% – при определенных обстоятельствах. 35% мужчин и 32,1% женщин допускают запрет либо ограничение супругу выбора досуга; 26% мужчин и 32,1% женщин вполне нормально относятся к воздержанию от секса как способу воздействия на супруга; в равной степени оба пола (по 17%) допускают ругательства и брань. И мужчины (23% при определенных обстоятельствах), и женщины (15,1% при определенных обстоятельствах и 30,2% в любых случаях) указали на возможности принуждения к выполнению физической работы.

Однако по отдельным категориям мнения мужчин и женщин, ранее не состоявших в браке, расходятся. Так, треть мужчин и только 17% женщин указывают на возможность запрета либо ограничения возможности использования определенного имущества; 18% мужчин и 34% женщин полагают, что один супруг может запретить другому работать; 39% мужчин допускают при определенных обстоятельствах контроль над расходами другого супруга, среди женщин, допускающих подобное, – 56,5%. Плюс 9,4% женщин считают такой контроль допустимым всегда. 15% мужчин при определенных обстоятельствах считают допустимым принуждение к сексу и только 1,9% женщин поддерживает данную точку зрения.

Среди лиц, состоящих в браке, 10,9% мужчин и 6% женщин заявили о недопустимости насилия между супругами. Так же, как и лица, ранее не состоявшие в браке, респонденты данной группы отрицательно относятся к угрозам, в том числе с применением оружия, ударам предметами, которые могут нанести существенный вред (100% оба пола по каждой из категории), избиениям (99% мужчин и 100% женщин), ударам ногами (100% мужчин и 99% женщин), тасканию за волосы (99% мужчин и 98% женщин).

По некоторым менее тяжким проявлениям в представлениях лиц, ранее не состоявших в браке, и лиц, имеющих супругов, также больших отличий не выявлено. Так, по поводу проявлений ревности 62% состоящих в браке женщин допускает это при определенных обстоятельствах, 14% – в любых случаях; мужчины – 49,5% и 10,9% соответственно; воздержание от секса допускают 33% женщин и 24,8% мужчин, состоящих в браке.

Вместе с тем, по некоторым позициям имеются расхождения. Все больше женатых мужчин и замужних женщин положительно относятся к брани и ругательствам с супругами (27,7% мужчин и 22% женщин); больше женщин в браке допускает оскорбления (18%), запрет либо ограничение общения с родственниками, друзьями (26%). По некоторым формам воздействия, наоборот, наблюдается отрицательное отношение на применение их в браке. Например, толкание и щипки допускают 10,9% мужчин и 9% женщин; принуждение к физическим работам – 4,8% мужчин и 12% женщин; отсутствие заботы и внимания – 11,9% мужчин и 12% женщин. Также только 4,8% женатых мужчин считают возможным принуждение к сексу; 12,9% – запрет на общение с родственниками или друзьями.

Среди лиц, ранее состоявших в браке (разделение по полу не проводилось), довольно-таки высок процент лиц, допускающих ту или иную форму насильственного воздействия. Так, 65,2% из них допускают при определенных обстоятельствах проявления ревности; 47% – контроль над расходами; 43,5% – запрет либо ограничение выбора досуга; 30,4% – запрет либо запрет/ограничение общения с родственниками, друзьями; 26,1% – ругательства и брань. Тем не менее, по таким насильственным воздействиям, как удары ногами, избиения, удары предметами, которые могут нанести существенный вред, жестокое обращение с животными, детьми как средство воздействия, угрозы, в том числе с применением оружия, таскание за волосы, данная репрезентативная группа также относится крайне негативно.

Заключение. Данные, полученные в ходе проведения социологического исследования, подтвердили выдвинутую гипотезу о том, что женщины также склонны к применению различных форм насильственного воздействия в супружеских отношениях, особенно психологической направленности. Данный вывод в большей степени соответствует результатам исследований в отдельных странах, где происходил опрос обоих партнеров на предмет насилия в супружеских отношениях [1; 2; 5, с. 113; 6, с. 298].

В результате исследования установлено, что наиболее распространенными видами психологического насилия в супружеских отношениях, вне зависимости от пола супругов, являются: словесные унижения, оскорбления; брань и ругательства, проявления ревности; контроль либо ограничение выбора досуга и хобби.

Мужчины чаще подвергаются таким формам психологического воздействия, как чрезмерный контроль, управление финансами, воздержание от секса как средство давления, шантаж, унижение и запугивание. Подобное психологическое воздействие на мужчину может привести к его ответной агрессивной реакции. Поскольку, как правило, мужчины физически сильнее, реакция на виктимное поведение женщины происходит в виде физического воздействия, поэтому женщины и становятся чаще жертвами физического насилия. Применение к женщине физического воздействия становится, в свою очередь, достоянием общественности. При этом не рассматривается и не учитывается то обстоятельство, что насилие к женщине стало следствием её психического давления на мужчину. Как итог – ошибочное мнение, что жертвой в супружеском насилии может быть только женщина. Сказанное выше не означает отсутствие вины агрессора или возможность освобождения его от ответственности при виктимном поведении жертвы. Но для того, чтобы надлежащим образом разобраться в возникшей ситуации и качественно осуществить виктимологическую профилактику с целью недопущения повторения случившегося, специалисты должны знать, в каком направлении вести работу не только с агрессором, но и с жертвой.

На этом основании полагаем, что в криминологических исследованиях супружеского насилия следует отойти от одностороннего подхода и в качестве потенциальных жертв рассматривать лиц обоих полов. Криминогенные детерминанты мужского и женского супружеского насилия различны, соответственно, их исследование, своевременное выявление и нейтрализация будут способствовать построению более эффективной системы противодействия домашнему насилию. Изучение личностных особенностей, поведения, социального окружения не только агрессора, но и жертвы позволит выявить криминогенные факторы риска и разработать эффективные адресные профилактические меры.

Также следует отметить, что, вступая в брак, молодые люди имеют определенное представление о возможности применения той или иной формы насильственного воздействия. Однако в период брака происходит трансформация взглядов на отношения между партнерами. Впоследствии некоторые формы воздействия начинают восприниматься как вполне допустимое и даже нормальное взаимоотношение в семье (брань, ругательства, оскорбления, запрет либо ограничение общения с родственниками, друзьями). Другие же формы воздействия становятся не желательными, особенно в тех случаях, когда жертва сталкивается с их применением (толкание и шипки; принуждение к физическим работам; отсутствие заботы и внимания; принуждение к сексу; запрет на общение с родственниками или друзьями).

ЛИТЕРАТУРА

1. Straus M. A. Gender symmetry in partner violence: the evidence, the denial and the implications for primary prevention and treatment // Researchgate. – URL: https://www.researchgate.net/publication/253048090_GENDER_SYMMETRY_IN_PARTNER_VIOLENCE_THE_EVIDENCE_THE_DENIAL_AND_THE_IMPLICATIONS_FOR_PRIMARY_PREVENTION_AND_TREATMENT_1 (date of access: 03.01.2025).
2. Straus M. A. Thirty Years of Denying the Evidence on Gender Symmetry in Partner Violence: Implications for Prevention and Treatment // Partner Abuse. – 2010. – V. 1. – № 3. – P. 332–363.
3. Тимко С.А., Кузнецова И.А. Женское насилие в отношении супругов: особенности проявления и возможности профилактики органами внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2017. – № 4(71). – С. 50–54.
4. Катуюшок О.В., Стадникова О.Н. Криминогенные детерминанты супружеского насилия в Республике Беларусь и Российской Федерации (по данным социологических опросов общественного мнения) // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки. – 2024. – № 1(66). – С. 46–50. DOI: <https://doi.org/10.52928/2070-1632-2024-66-1-46-50>.
5. Лысова А.В. Телесное наказание детей и насилие в супружеских отношениях россиян // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2013. – № 2. – С. 110–116.
6. The revised conflict tactics scales (CTS2): Development and preliminary psychometric data / M. A. Straus, Sh. L. Hamby, S. Boney-McCoy, D. B. Sugarman // Journal of family issues, 1996. – V. 17. – № 2. – P. 283–316. DOI: <https://doi.org/10.1177/019251396017003001>.

Поступила 05.03.2025

CRIMINOLOGICAL STUDY OF THE MAIN FORMS OF NON-CRIMINAL VIOLENCE IN MARITAL RELATIONS: BASED ON THE ANALYSIS OF PUBLIC OPINION

O. KATUSHONOK
(*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk*)

The article touches upon the problem of spousal violence. For the analysis of spousal violence was conducted a survey of students of extramural education. The subject of the questionnaire is not criminal forms of violence. The study is based on the theory of symmetric violence. The answers to the questions are analyzed: "Has the spouse used violence against the spouse over the past year?" and "Has he been a victim of violence in the past year?". The attitude of respondents to police intervention in the resolution of family conflicts was studied. The article investigates the opinion about the admissibility of spousal violence. A comparison is made between the responses of persons previously married, currently married, and those who have no experience of married life.

Keywords: family, domestic violence, spousal violence, forms of spousal violence, Sociological research, the theory of symmetric violence.

УДК 343.1

DOI 10.52928/2070-1632-2025-70-1-76-80

**УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФОРМА ЭЛЕКТРОННОЙ ИНФОРМАЦИИ:
ПОНЯТИЕ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ****В.М. КОЗЕЛ***(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы)*ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-6308-599X>e-mail: valerykoznel@yandex.ru

Активное развитие и внедрение информационных технологий, а также происходящие кардинальные изменения в современном мире и обществе требуют от органов уголовного преследования и суда надлежащего реагирования и определенной трансформации уголовного судопроизводства. Целью исследования является определение понятия уголовно-процессуальной формы электронной информации и направлений её совершенствования. Научная новизна заключается в том, что, признавая необходимость повышения эффективности уголовного судопроизводства, предлагается авторское определение понятий «электронная информация» и «уголовно-процессуальная форма электронной информации».

Во введении обращено внимание на актуальность темы исследования которая выражается в необходимости совершенствования уголовно-процессуальной формы ввиду широкого внедрения электронной информации в уголовный процесс. В основной части проведен анализ современной уголовно-процессуальной науки по указанной проблематике, по результатам которого резюмируется мысль, что до настоящего времени среди ученых-процессуалистов не выработано единого научного подхода к понятию уголовно-процессуальной формы. В заключении делается вывод о том, что с целью дальнейшего совершенствования понятийно-категориального аппарата науки уголовного процесса, предлагается введение новых уголовно-процессуальных терминов «электронная информация» и «уголовно-процессуальная форма электронной информации», которые определяют эволюционную сущность классической уголовно-процессуальной формы уголовного процесса и направлены на повышение эффективности процесса доказывания по уголовному делу.

Ключевые слова: электронная информация, уголовно-процессуальная форма электронной информации, предварительное расследование, судебное разбирательство, уголовное судопроизводство.

Введение. Активное развитие и внедрение информационных технологий, а также происходящие кардинальные изменения в современном мире и обществе требуют от органов уголовного преследования и суда надлежащего реагирования и определенной трансформации уголовного судопроизводства. В этих условиях необходимость совершенствования уголовно-процессуальной формы предопределяет широкое внедрение электронной информации в уголовный процесс. Исследование уголовно-процессуальных форм и направлений их развития имеет первостепенное значение для определения пути развития уголовно-процессуального законодательства и практики его применения, что «напрямую влияет на степень защищенности граждан от преступлений, а также на исключение необоснованного привлечения невиновных к уголовной ответственности» [1, с. 48].

Процессуальная форма, как отмечает С.Б. Россинский: «является специфической разновидностью формы государственной деятельности, которая обусловлена назначением уголовного судопроизводства и его принципами» [2, с. 140] и, по мнению Е. Доля, от правильного определения ее роли и значения «напрямую зависит не только соблюдение принципа законности в уголовном судопроизводстве, эффективное обеспечение прав, свобод, законных интересов личности, общества, государства от преступных посягательств, но и направление дальнейшего развития уголовно-процессуального законодательства» [3, с. 3], что обуславливает актуальность темы исследования. Разработка концепции уголовно-процессуальной формы электронной информации обусловлена потребностью в осуществлении такого уголовного процесса, который соответствовал бы реалиям цифровизации современного общества. Как следствие, внедрение электронной информации в уголовное судопроизводство становится одним из ведущих направлений модернизации уголовно-процессуальной формы. Также обращает на себя внимание необходимость сохранения общепризнанных стандартов в области защиты прав и законных интересов участников уголовного процесса.

Целью исследования является определение понятия уголовно-процессуальной формы электронной информации и направлений её совершенствования. Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи:

– с целью дальнейшего совершенствования понятийно-категориального аппарата науки уголовного процесса обосновать необходимость введения нового уголовно-процессуального термина «уголовно-процессуальная форма электронной информации» применительно к использованию дефиниции «электронная информация» в уголовном судопроизводстве;

– показать эволюционную сущность уголовно-процессуальной формы электронной информации как разновидности классической уголовно-процессуальной формы уголовного процесса, направленной на повышение эффективности процесса доказывания по уголовному делу.

Основная часть. Анализ современной уголовно-процессуальной науки по указанной проблематике показывает, что до настоящего времени среди ученых-процессуалистов не выработано единого научного подхода к понятию уголовно-процессуальной формы.

Так, М.С. Строгович утверждал, что «процессуальной формой называется совокупность условий, установленных процессуальным законом для совершения органами следствия, прокуратуры и суда тех действий, которыми они осуществляют свои функции в области расследования и разрешения уголовных дел, а также гражданами, участвующими в производстве по уголовному делу, тех действий, которыми они осуществляют свои права и выполняют свои обязанности» [4, с. 51]. Ряд исследователей в своих работах фактически ставили знак равенства между формой и порядком производства процессуальных действий. Например, М.А. Чальцов определял процессуальную форму как «установленную законом последовательность отдельных процессуальных действий» [5, с. 33], аналогичной позиции придерживается Ю.И. Стецовский [6, с. 107]. Р.Д. Рахунов утверждает, что «уголовно-процессуальная форма – это точно регламентированный законом порядок осуществления уголовно-процессуальной деятельности» [7, с. 71], а С.Б. Россинский, раскрывая данное понятие, добавляет: «предусмотренный законом всеобщий, единый и обязательный порядок, установленный для производства по уголовным делам в целом, а также для осуществления самостоятельных стадий уголовно-процессуальной деятельности и реализации отдельных уголовно-процессуальных отношений» [2, с. 142].

В свою очередь, Т.Д. Дудоров отмечает, что «достаточно широкое распространение получили концепции "совокупности признаков", характеризующих содержание уголовно-процессуальной формы» [8, с. 394], в качестве такой совокупности В.М. Савицкий и М.Л. Якуб называют «условия и порядок совершения участниками процесса тех действий, которые обеспечивают достижение цели рассматриваемого дела, а также порядок оформления процессуальных действий» [9, с. 43; 10, с. 32]. Далее, Т.Д. Дудоров, исследуя уголовно-процессуальную форму, выделяет ряд ее признаков: системный характер, нормативность, а также универсальность и динамичность, которые обозначают, что «процессуальный режим одинаков для любого вида уголовно-процессуальной деятельности, при рассмотрении любой категории уголовных дел, независимо от их объема и сложности, в то время как процессуальное производство варьируется в зависимости от стадии процесса и категории уголовного дела» [8, с. 403].

Определяя понятие уголовно-процессуальной формы, Н.В. Редькин выделяет её признаки: «установленный порядок производства; регламентации в законе установленного порядка производства; отражение в процессуальной форме деятельности участников уголовного судопроизводства; наличие обязательных элементов процессуальной формы (порядок закрепления и оформления процессуальных действий, процессуальные сроки, последовательность производства процессуальных действий, установленных законом)», на основании которых следует авторское определение, согласно которому «уголовно-процессуальная форма – установленный в соответствии с законом порядок производства по уголовному делу, определяющий процессуальную деятельность участников посредством обязательных его элементов, эффективный при соблюдении условий реализации» [11, с. 61]. В.А. Азарова и А.В. Боярский поддерживают мнение Е.П. и П.П. Ищенко отмечая, что на фоне процессуальных форм идет борьба, «и все потуги законодателя, направленные к усовершенствованию действующего законодательства, порождают новые или изменяют существующие процессуальные формы, процедуры и статусы» и предлагают авторское определение уголовно-процессуальной формы под которой следует понимать «нормативную модель уголовно-процессуальной деятельности, основанную на динамической структуре уголовного судопроизводства и воплощающую в себе предписания о должном порядке осуществления уголовного процесса во всех возможных вариантах его реализации» [12, с. 14; 13, с. 232].

Проанализировав различные точки зрения по поводу понятия уголовно-процессуальной формы, допустим вывод о том, что в настоящее время в уголовно-процессуальной науке нет единого понимания, что она собой представляет. Вместе с тем, мы можем констатировать, что все приведенные выше определения характерны так называемой «классической» уголовно-процессуальной форме, что нашло свое отражение в действующем уголовно-процессуальном законодательстве, согласно которому единство процессуальной формы заключается в одинаковом порядке производства по материалам проверок и уголовным делам на всей территории Республики Беларусь, который устанавливается Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь (далее – УПК) и является обязательным для «всех органов и должностных лиц, ведущих уголовный процесс, а также для иных участников уголовного процесса». Невыполнение данных предписаний влечет нарушение закона, например, обуславливает признание доказательств недопустимыми (ч. 4 ст.105 УПК).

Успешное расследование преступлений и назначение виновным справедливого наказания во многом определяется состоянием правового регулирования деятельности правоохранительных органов. Немаловажную роль здесь играет совершенствование не только содержания законодательных норм и юридических определений, основанных на принципах права, но и формы, являющейся способом выражения, организации и существования содержания [14, с. 134]. При этом мы поддерживаем мнение Я.В. Тучкова и Э.Ф. Лугинец о том, что, уголовный процесс – это постоянно изменяющаяся и дополняющаяся система, которая зависит от множества факторов, а современные изменения в экономической, технической, социальной сферах закономерно ведут к реформированию правовой системы государства в целом и уголовного процесса в частности [15, с. 53; 16, с. 405].

В современных условиях необходимость совершенствования уголовно-процессуальной формы предопределяет широкое внедрение электронной информации в уголовный процесс. Не вызывает сомнений, что уголовно-процессуальная форма электронной информации должна адекватно отражать содержание правоохранительной деятельности по борьбе с киберпреступностью, равно как и по другим категориям уголовных дел, в которых имеет место наличие электронной информации. Нельзя не согласиться с суждением Ю.В. Гаврилина и А.В. Победкина в том, что «задача цифровых технологий в уголовном судопроизводстве – не заменить процессуальную форму, не выхолостить традиционные гарантии правильного установления обстоятельств по уголовному делу,

а оптимизировать порядок производства, облегчить работу должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, а населению страны – реализацию их прав или исполнение обязанностей [17, с. 31]. Далее ученые определяют основные принципы использования информационных технологий в уголовном процессе:

«1. Недопустимость сокращения существующего объема процессуальных гарантий, в том числе за счет замены материальных носителей доказательственной информации исключительно на электронные, в том числе искусственного преобразования одних в другие.

2. Усиление процессуальных гарантий получения достоверных сведений в ходе собирания доказательств, поскольку современные цифровые технологии чреваты высокими рисками фальсификации.

3. Добровольность использования каналов электронного взаимодействия для подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей, а также иных "невластных участников уголовного судопроизводства" при наличии для них альтернативных вариантов.

4. Обязательность и приоритетность использования каналов межведомственного электронного взаимодействия для государственных органов, должностных лиц – участников уголовного судопроизводства.

5. Обеспечение достоверности идентификации заявителя при удаленном доступе к информационным ресурсам, обеспечения уголовно-процессуальной деятельности и др.

6. Строгое разграничение прав доступа к информационным ресурсам в сфере уголовного судопроизводства как элемента политики комплексной информационной безопасности.

7. Развитие в уголовно-процессуальном законодательстве и, соответственно, в уголовно-процессуальной деятельности одновременно с "цифровыми" средствами нравственных начал» [17, с. 33].

Вместе с тем, внедрение информационных технологий в уголовное судопроизводство имеет определенные особенности, которые, по мнению П.С. Пастухова, заключаются в «различии форм цифровой информации, потенциально способной стать электронными доказательствами по уголовному делу и традиционной формой уголовно-процессуальных доказательств» [18, с. 87]. С.В. Зуев, исследуя уголовно-процессуальную форму через соответствие критериям допустимости и законности, выделяет следующие виды её «информационных» элементов:

- элементы доказательства;
- элементы, получения и фиксации доказательства;
- элементы, направленные на обеспечение прав участников уголовного судопроизводства;
- организационно-технические элементы;
- элементы обеспечения доступа к отправлению правосудия [19, с. 275–280].

В настоящее время мы вынуждены признать, что современный уровень развития информационных технологий в определенной степени опережает реакцию законодателя на изменения и тенденции в этой сфере, что, в свою очередь, задерживает процесс последовательной и поэтапной их интеграции в уголовный процесс. Рассматриваемые информационные элементы уголовно-процессуальной формы должны, по мнению С.В. Зуева, «отвечать следующим требованиям к нормативно-правовому регулированию информационных технологий в уголовно-процессуальном законодательстве:

- 1) полнота регулирования, то есть применимость ко всем имеющимся видам информационных технологий;
- 2) научная и правоприменительная обоснованность;
- 3) сочетание стабильности (прогностичности) и динамичности (гибкости);
- 4) соблюдение прав человека в уголовном процессе с учетом особенностей использования информационных технологий;
- 5) сочетание и не противоречие общих условий уголовно-процессуальных начал регулирования с особенностями, обусловленными использованием достижений научно-технического прогресса в уголовном процессе» [19, с. 281].

Исследуя вопрос уголовно-процессуальной формы электронной информации в уголовном судопроизводстве в ходе уголовно-процессуального доказывания, может и должно найти свое процессуальное отражение прежде всего понятие «электронная информация», под которой следует понимать сведения, размещенные на электронных носителях, имеющие информационный ресурс, основу которых составляет мыслительная (логическая) деятельность, осуществляемая в информационной системе и посредством информационной сети, полученные в предусмотренном законом порядке органами уголовного преследования в ходе доследственной проверки и досудебного производства, направленные на установление фактических данных, имеющих доказательственное значение по уголовному делу. Предлагаемую дефиницию представляется целесообразным закрепить в ст. 6 УПК в качестве основных понятий и наименований, содержащихся в уголовно-процессуальном законе, что позволит уяснить смысловое значение данной дефиниции, которая совершенствует юридическую технику по обозначенной проблематике, а также дополнить уголовно-процессуальное законодательство соответствующим нормативным предписанием, которое будет способствовать реализации задач законодателя в части установления объективной истины по уголовному делу.

Анализ действующего уголовно-процессуального законодательства и практики применения свидетельствует, что уголовно-процессуальная форма электронной информации основывается, прежде всего, на теоретических началах об уголовно-процессуальной форме, однако имеет ряд особенностей.

В настоящее время электронная информация в уголовном судопроизводстве используется в качестве вещественных доказательств, которые на основании ч. 7 ст. 193 «Протокол следственного действия», ч. 2 ст. 202-1

«Применение звуко- и видеозаписи при производстве следственных действий без участия понятых», ч. 3-1 ст. 204 «Порядок проведения осмотра», ч. 2 ст. 204-1 «Осмотр компьютерной информации», ч. 1-1 ст. 207 «Следственный эксперимент», ч. 13-1 ст. 210 «Порядок проведения обыска и выемки», ч. 6 ст. 219 «Применение звуко- и видеозаписи при допросе», ч. 9 ст. 224-1 «Проведение допроса, очной ставки, предъявления для опознания с использованием систем видеоконференцсвязи (веб-конференции)» УПК, приобщаются к материалам следственных действий; в случаях, когда на электронные носители, либо с них, копируется доказательственная информация; письменные материалы, распечатанные с электронных носителей, как «иных носителей информации» составного элемента «других носителей информации» ч. 2 ст. 88 «Доказательства», ч. 2 ст. 100 «Иные документы и другие носители информации» УПК.

Нормы уголовно-процессуального законодательства фрагментарно регламентируют процессуальную форму следственных действий с использованием электронной информации, что вызывает необходимость внесения дополнений и изменений с целью придания данным действия признака целостности и системности, без рассмотрения ее технических аспектов. Представляется, что в ходе проведения следственных действий на стадии предварительного расследования и судебного разбирательства целесообразно привлечение специалиста в сфере IT-технологий, который оказывает консультативное содействие органам уголовного преследования и суда.

На основании изложенного, предлагается следующее определение понятия уголовно-процессуальной форма электронной информации:

Уголовно-процессуальная форма электронной информации – установленная уголовно-процессуальным законом всеобщая, единая и обязательная регламентация последовательности совершения и правил оформления следственных действий с использованием электронной информации и технических устройств в ходе уголовного судопроизводства с целью собирания, проверки и оценки её доказательственного значения для уголовного дела.

Предлагаемую дефиницию представляется целесообразным закрепить в ст. 6 УПК в качестве основных понятий и наименований, содержащихся в уголовно-процессуальном законе, что позволит обеспечить возможность соблюдения допустимости доказательств, предметом которых выступает полученная в ходе материалов проверки, досудебного производства и судебного разбирательства по уголовному делу электронная информация.

Заключение. По результатам исследования можно сформулировать ряд выводов и предложений:

- в доктринальном плане наличие электронной информации не влечет глобальных изменений в классической системе доказательств;
- в связи с этим, с целью дальнейшего совершенствования понятийно-категориального аппарата науки уголовного процесса, предлагается введение новых уголовно-процессуальных терминов (дефиниций) понятий «электронная информация» и «уголовно-процессуальная форма электронной информации»;
- представляется целесообразным закрепить их в качестве дефиниций в ст. 6 УПК «Разъяснение некоторых понятий и наименований, содержащихся в настоящем Кодексе»;
- уголовно-процессуальная форма электронной информации определяет эволюционную разновидность сущности «классической» уголовно-процессуальной формы уголовного процесса и направлена на повышение эффективности процесса доказывания по уголовному делу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Власова Н.А. О закономерностях развития уголовно-процессуальной формы // Научный портал МВД России. – 2020. – № 3(51). – С. 47–52.
2. Россинский С.Б. Уголовно-процессуальная форма: понятие и тенденции развития // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2006. – № 3(53). – С. 140–144.
3. Доля Е. Уголовно-процессуальная форма и содержание уголовно-процессуальной деятельности // Законность. – 2009. – № 10. – С. 3–8.
4. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: Основные положения науки советского уголовного процесса. – М.: Наука, 1968. – Т. 1. – 470 с.
5. Чельцов М.А. Уголовный процесс. – М.: Юрид. изд-во Мин-ва юстиции СССР, 1948. – 624 с.
6. Стецовский Ю.И. К вопросу о процессуальной форме советского уголовного судопроизводства // Вопросы борьбы с преступностью. – 1975. – № 23. – С. 107–119.
7. Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву. – М.: Госюриздат, 1961. – 277 с.
8. Дудоров Т.Д. Доктринальное толкование категории «уголовно-процессуальная форма» и ее роль в механизме правового регулирования уголовно-процессуальных отношений // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2009. – № 1. – С. 392–403.
9. Алексеева Л.Б., Ларин А.М., Строгович М.С. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности / Отв. ред. В.М. Савицкий – М.: Наука, 1979. – 319 с.
10. Якуб М. Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. – М.: Юрид. лит., 1981. – 144 с.
11. Редькин Н.В. Понятие уголовно-процессуальной формы // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Краснодар, 01 апр. 2016 г. – Краснодар: ООО "Просвещение-Юг", 2016. – С. 59–61.
12. Азаров В.А., Боярская А.В. Уголовно-процессуальная форма: понятие, свойства, система // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2020. – № 37. – С. 5-20.

13. Ищенко П.П., Ищенко Е.П. Ключевые проблемы уголовного судопроизводства [Электронный ресурс] // Lex Russica, 2016. – № 9. – URL: <https://lexrussica.msal.ru/jour/article/view/189> (дата обращения: 01.02.2025).
14. Гусева И.И., Зубков В.Н. Понятие и содержание уголовно-процессуальной формы // Modern Science. – 2020. – № 8-2. – С. 133–137.
15. Тучков Я.В. О понятии «цифровая уголовно-процессуальная форма» // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 1(75). – С. 51–58.
16. Лугинец Э.Ф. Стратегия развития уголовно-процессуальной формы // Юридическая техника. – 2015. – № 9. – С. 404–409.
17. Гаврилин Ю.В., Победкин А.В. Модернизация уголовно-процессуальной формы в условиях информационного общества // Труды Академии управления МВД России. – 2019. – № 3. – С. 27–38.
18. Пастухов П.С. Форма электронных доказательств в уголовном процессе // Государственное и муниципальное управление в России: состояние, проблемы и перспективы: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф., Пермь, 18 нояб. 2021 г. – Пермь: Перм. филиал «Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте Российской Федерации», 2021. – С. 85–94.
19. Основы теории электронных доказательств / А.Н. Балашов, И.Н. Балашова, Д.В. Бахтеев, К.Л. Брановицкий и др.; под ред. д-ра юрид. наук С.В. Зуева. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 400 с.

Поступила 07.02.2025

THE CRIMINAL PROCEDURE FORM OF ELECTRONIC INFORMATION: THE CONCEPT AND DIRECTIONS OF IMPROVEMENT

V. KOZEL

(Yanka Kupala State University of Grodno)

The active development and implementation of information technologies, as well as the ongoing dramatic changes in the modern world and society, require the criminal prosecution and court authorities to respond appropriately and to transform criminal proceedings. The purpose of the study is to determine the concept of a criminal procedure form of electronic information and the directions for its improvement. The scientific novelty lies in the fact that, recognizing the need to increase the efficiency of criminal proceedings, the author's definition of the concepts of "electronic information" and "criminal procedure form of electronic information" is proposed.

The introduction draws attention to the relevance of the topic of research, which is expressed in the need to improve the criminal procedure form due to the widespread introduction of electronic information in the criminal process. In the main part, an analysis of modern criminal procedure science on this issue was carried out, the results of which summarize the idea that so far a unified scientific approach to the concept of criminal procedure has not been developed among procedural scientists. The conclusion concludes that in order to further improve the conceptual and categorical apparatus of the science of criminal procedure, it is proposed to introduce new criminal procedural terms "electronic information" and "criminal procedural form of electronic information", which define the evolutionary essence of the classical criminal procedural form of criminal proceedings and are aimed at increasing the effectiveness of the process of proof in a criminal case.

Keywords: *electronic information, criminal procedure form of electronic information, preliminary investigation, judicial proceedings, criminal proceedings.*

УДК 342.951:339.543(476)(043.3)+339.543:340(476)(043.3)

DOI 10.52928/2070-1632-2025-70-1-81-84

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТАМОЖЕННОЙ СФЕРЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Ж.А. ЛУЦЕВИЧ

(Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск)

Статья посвящена рассмотрению отдельных проблемных аспектов регулирования таможенной сферы в Республике Беларусь. Раскрывается необходимость принятия ряда новых нормативных правовых актов, а также внесения некоторых изменений в уже имеющиеся. Предмет исследования – нормативные правовые акты, мнения ученых относительно правовой природы таможенного регулирования в Республике Беларусь, отдельных аспектов деятельности таможенных органов. Объект исследования – правовые отношения, складывающиеся как в целом в таможенной сфере, так и в процессе деятельности отдельных структурных подразделений таможенных органов. Цель статьи – раскрыть необходимость совершенствования законодательства Республики Беларусь в таможенной сфере.

Полученные результаты могут быть использованы как в теоретической деятельности для последующего глубокого исследования особенностей таможенного регулирования, так и в практической сфере с целью оптимизации деятельности структурных подразделений таможенных органов.

Ключевые слова: таможенная сфера, таможенное регулирование, пункт таможенного оформления, таможенный пост.

Введение. Таможенная сфера является актуальной для исследования как в свете геополитического положения Республики Беларусь, вхождения её в состав различных межгосударственных образований (в первую очередь, ЕАЭС), так и в связи с достаточно сложной нормативной базой. Нормы, регулирующие таможенно-правовые отношения, нашли свое отражение в различных актах, как международных, так и национальных. Вместе с тем, на фоне участия Республики Беларусь в ЕАЭС, вопрос применения правил, выработанных в рамках ЕАЭС, и их адаптации в правовой системе Республики Беларусь вызывает определенные коллизии и проблемы в правоприменительной деятельности.

Особенности деятельности таможенных органов достаточно редко находят свое отражение в трудах ученых. Наиболее полно особенности правового статуса Государственного таможенного комитета Республики Беларусь исследованы в трудах Е.Н. Мартюшевой, А.А. Шатскова, В. Сантаровича, И. Коноплянниковой, А.А. Квяткович и др. Административно-правовому положению и структуре таможен Республики Беларусь уделяли внимание Д.А. Хрусталева, П.П. Родевич и др. Как правило, авторами зачастую даются общие характеристики таможенных органов и направлений их деятельности, так как в силу быстрого развития таможенных правоотношений наиболее актуальными источниками исследования их специфики являются нормативные правовые акты.

Основная часть. Основополагающим документом, посвященным таможенно-правовой сфере, является Таможенный кодекс ЕАЭС от 11.02.2017 г., который вступил в силу 1 января 2018 г. В соответствии с данным актом все государства-члены ЕАЭС априори согласны с приоритетом норм, закрепленных в указанном акте. Также на государства-члены возлагается обязанность по приведению своего законодательства в строгое соответствие с нормами, принятыми в рамках ЕАЭС. Стоит обратить внимание, что в Таможенном кодексе ЕАЭС достаточно много норм диспозитивного характера, что дает возможность государствам-членам ЕАЭС на уровне национального законодательства самостоятельно урегулировать некоторые группы таможенно-правовых отношений. Собственные подходы относительно возможности правовой регламентации на уровне ЕАЭС находят свое отражение в национальном законодательстве отдельно взятого государства-члена ЕАЭС. Принимаемые на национальном уровне государства-члена законы в области таможенно-правового регулирования, которые закрепляют конкретную позицию относительно диспозитивного регулирования на уровне ЕАЭС, можно считать базисными в данной сфере. Однако, сравнивая такие акты на национальном уровне государств-членов ЕАЭС, необходимо обратить внимание на отличие их форм и юридической силы. В частности, в Республике Казахстан базисным документом в таможенной сфере является кодекс, в то время как в остальных странах положения Таможенного кодекса ЕАЭС детализируются в законах о таможенном регулировании.

Рассмотрим данные документы подробнее.

В Республике Казахстан Таможенный кодекс ЕАЭС детализирован в Кодексе от 26.12.2017 г. № 123-VI «О таможенном регулировании в Республике Казахстан»¹. Структурно данный акт дублирует Таможенный кодекс ЕАЭС, однако в части диспозитивных норм, имеющих в Таможенном кодексе ЕАЭС, он предусматривает уже конкретные правила поведения. Подобное заимствование с практической точки зрения является удобным, позволяет легко ориентироваться в правовом регулировании области сразу на двух уровнях – национальном и ЕАЭС. Стоит отметить, что в измененной редакции Закона Республики Беларусь «О таможенном регулировании

¹ URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39082703&pos=4;-90#pos=4;-90.

в Республике Беларусь» использован такой же способ урегулирования диспозитивных норм Таможенного кодекса ЕАЭС.

Если обратиться к опыту Республики Армения, то Закон от 7.10.2022 г. №ЗР-353 «О таможенном регулировании»² имеет классическую структуру и регулирует отдельные аспекты диспозитивных таможенных норм ЕАЭС. Необходимо обратить внимание, что в данный акт, помимо областей, урегулированных Таможенным кодексом ЕАЭС, входят положения, которые не нашли своего отражения в Таможенном кодексе ЕАЭС. В частности, речь идет о нормах о контрабанде, о статусе таможенных органов как органов дознания и следствия и т.д.

Аналогичным образом структурированы Закон Кыргызской Республики от 24 апреля 2019 года № 52 «О таможенном регулировании»³ и Федеральный закон «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁴ от 03.08.2018 г. № 289-ФЗ.

Закон Республики Беларусь от 19.07.2021 № 121-З «Об изменении Закона Республики Беларусь "О таможенном регулировании в Республике Беларусь"»⁵ существенным образом изменил ранее действовавшую редакцию указанного Закона и закрепил его новую редакцию. Данная редакция представляет собой Таможенный кодекс ЕАЭС в масштабе Республики Беларусь. Стоит обратить внимание, что ранее действовавшая редакция указанного Закона была представлена в виде акта, определяющего основные направления таможенной политики, и детализировала отдельные положения таможенно-правовой сферы, не имела столь сложную структуру и содержание, как нынешняя. В связи с тем, что ныне действующая редакция Закона представляет собой, по подобию Таможенного кодекса Республики Казахстан, детализацию диспозитивных норм Таможенного кодекса ЕАЭС, можно сделать вывод, что ныне действующая редакция Закона является базисным актом в области правового регулирования таможенных отношений в Республике Беларусь.

Необходимо отметить, что в структурном плане эти два документа идентичны как по разделам, так и по главам. По нашему мнению, новая редакция Закона «О таможенном регулировании» должна была иметь форму кодекса. Данный довод также подтверждается изложенными в Законе Республики Беларусь 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах»⁶ требованиями, предъявляемыми к кодексам. К примеру, в ст. 14 данного акта указано, что закон может приниматься в виде кодекса, который является системообразующим нормативным правовым актом, закрепляющим принципы и нормы правового регулирования наиболее важных общественных отношений и обеспечивающим наиболее полное правовое регулирование определенной сферы общественных отношений. В нашем случае Закон «О таможенном регулировании» является базисным документом, системообразующим для таможенных правоотношений. Закон «О таможенном регулировании» имеет фактически большую юридическую силу и является продолжением Таможенного кодекса ЕАЭС в Республике Беларусь. Можно констатировать, что в настоящее время работа по переработке Закона и изданию его в новом виде, не характерном для предыдущей редакции, проведена. Однако, хотя по структуре и содержанию он повторяет Таможенный кодекс ЕАЭС, по виду акта он все так же остается Законом, не взирая на то, что соответствует всем требованиям действующего законодательства, предъявляемым к кодексам.

В связи с изложенным считаем целесообразным изменение формы выражения Закона Республики «О таможенном регулировании в Республике Беларусь» с Закона на Кодекс, что закрепит данный документ как базисный в данной области и подтвердит его фактический статус.

Также одним из важных аспектов в деятельности таможенных органов является определение правового статуса таможенных органов. Частично данный вопрос освещается в выше рассмотренном Законе, но детализируется в подзаконных нормативных актах.

Система таможенных органов в Республике Беларусь имеет двухуровневую структуру – Государственный таможенный комитет и таможи. В структуру таможен входят таможенные посты, которые, в свою очередь, объединяют пункты таможенного оформления. Таможенный пост – это линейное подразделение, с которого начинается осуществление таможенного дела по всей технологической цепи. Пост осуществляет свою деятельность под руководством таможи, в состав которой он входит. Непосредственная деятельность таможен осуществляется на пунктах таможенного оформления, перечень которых определяется решениями Правительства Республики Беларусь и актами Государственного таможенного комитета Республики Беларусь. Пункт таможенного оформления (далее – ПТО) – официально установленное место с комплексом зданий (сооружений) и прилегающих к ним территорий, предназначенное для таможенного оформления товаров и транспортных средств и размещения производящих такое оформление должностных лиц и структурных подразделений таможенного органа [1, с. 12].

Стоит отметить, что понятие таможенного поста в законодательстве Республики Беларусь отсутствует. Считаем это существенным недостатком, т.к. таможенный пост является промежуточным звеном между таможней и пунктом таможенного оформления и позволяет контролировать и координировать деятельность подчиненных ПТО с последующим представлением информации в вышестоящий орган – таможню и соответственно реализует через ПТО принимаемые в области таможенного дела нормативные правовые акты.

² URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=145709#A000000407.

³ URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/19kg0052/>.

⁴ URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/18fz0289/>.

⁵ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11400129>.

⁶ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11800130>.

Интересным представляется опыт Российской Федерации в урегулировании вопросов деятельности таможенных постов. Правовой статус таможенных постов отражен в Общем положении о таможенном poste (утв. Приказом ФТС России от 20 сентября 2021 года № 799)⁷.

По нашему мнению, возможно принятие аналогичного акта о таможенном poste и в Республике Беларусь. Стоит также отметить, что в перспективных направлениях развития таможенных органов фигурирует создание центров электронного декларирования. Представляется, что подобные центры в иерархии таможенных органов будут занимать место, аналогичное по статусу таможенным постам. В связи с чем считаем перспективным разработку и принятие Типового положения о таможенном poste и центре электронного декларирования, в которое вошли бы такие структурные элементы как:

- общие положения, раскрывающие понятия таможенного поста и центра электронного декларирования, их место и подчиненность в системе таможенных органов, подчиненность таможенным постам пунктов таможенного оформления;

- полномочия, где определялись бы функции таможенных постов и центров электронного декларирования, компетенция;

- организация деятельности, где определялись бы организация, контроль, координация деятельности, вопросы управления и штата, примерная структура таможенного поста, центра электронного декларирования, полномочия начальника и т.д.

По нашему мнению, нормативно в предлагаемом Типовом положении о таможенном poste и центре электронного декларирования под таможенным постом можно понимать структурное подразделение таможни, обеспечивающее реализацию задач и функций таможенных органов Республики Беларусь на конкретной территории деятельности таможенного поста в пределах полномочий, определенных настоящим положением. Под центром электронного декларирования целесообразно понимать структурное подразделение таможни, обеспечивающее реализацию задач и функций таможенных органов Республики Беларусь в области электронного таможенного оформления товаров удаленно в пределах полномочий, определенных настоящим положением.

Стоит отметить, что мы не предлагаем выделить таможенный пост в качестве третьего звена в системе таможенных органов. Он продолжает входить в систему соответствующей таможни, но указанное положение позволит определить его место и роль в таможне как линейного подразделения.

Принятие Типового положения о таможенном poste и центре электронного декларирования позволит устранить пробел в правовом регулировании деятельности таможенных постов и закрепить правовой статус центров электронного декларирования в рамках реализации Стратегии развития таможенных органов на 2021 – 2025 гг. и прогнозный период до 2030 г. До вступления в силу новой редакции Закона Республики Беларусь «О таможенном регулировании в Республике Беларусь» нормативное закрепление пункта таможенного оформления отсутствовало. В ст. 255 актуальной редакции Закона определено: «Пункт таможенного оформления – официально установленное место постоянного расположения должностных лиц и иных работников таможенных органов, включающее специально оборудованные и оснащенные служебные помещения таможенного органа, предназначенные для совершения таможенных операций, и зону таможенного контроля. Пункты таможенного оформления подразделяются на республиканские и ведомственные». Этим видам в указанном выше Законе посвящены отдельные статьи – ст. 256 и ст. 257 соответственно.

Пилюткевич В.С. указывает, что республиканские в свою очередь подразделяются на:

- пограничные, которые располагаются на территории пунктов пропуска в местах пересечения товарами и транспортными средствами таможенной границы на маршрутах железнодорожного и автомобильного сообщения;

- внутренние, которые располагаются на территории аэропортов (аэродромов), открытых для международного воздушного сообщения, речных портов, передовых и узловых железнодорожных станций и в учреждениях международного почтового обмена [1, с. 12].

Необходимо обратить внимание, что если перечень пунктов таможенного оформления закреплен в постановлении Государственного таможенного комитета Республики Беларусь от 30 мая 2014 г. № 30 «О пунктах таможенного оформления», то относительно перечня таможенных постов с указанием, какие пункты таможенного оформления входят в их юрисдикцию, нормативного правового акта нет. В связи с чем считаем необходимым дополнить классификатор таможенных органов и пунктов таможенного оформления (Приложение 2 к постановлению Государственного таможенного комитета Республики Беларусь 30.05.2014 г. № 30) столбцом № 4 «Таможенный пост». Это позволит устранить пробел в вертикальной иерархии управления пунктами таможенного оформления.

Заключение. По результатам проведенного исследования считаем целесообразным преобразование Закона Республики Беларусь «О таможенном регулировании в Республике Беларусь» в Кодекс Республики Беларусь о таможенном регулировании. Также считаем перспективным разработку и принятие Типового положения о таможенном poste и центре электронного декларирования, в который вошли бы общие положения, раскрывающие понятия таможенного поста и центра электронного декларирования, их место и подчиненность в системе таможенных органов, подчиненность таможенным постам пунктов таможенного оформления; полномочия, где определялись бы функции таможенных постов и центров электронного декларирования, их компетенция; организация деятельности, контроль, координация деятельности, вопросы управления и штата, примерная структура таможенного поста, центра электронного декларирования, полномочия начальника и т.д.

⁷ URL: <https://docs.cntd.ru/document/726552970>.

В предлагаемом Типовом положении о таможенном poste и центре электронного декларирования считаем необходимым закрепить понятие таможенного поста, под которым следует понимать структурное подразделение таможни, обеспечивающее реализацию задач и функций таможенных органов Республики Беларусь на конкретной территории деятельности таможенного поста в пределах полномочий, определенных настоящим положением. При этом под центром электронного декларирования целесообразно понимать структурное подразделение таможни, обеспечивающее реализацию задач и функций таможенных органов Республики Беларусь в области электронного таможенного оформления товаров удаленно в пределах полномочий, определенных настоящим положением.

Считаем необходимым дополнить классификатор таможенных органов и пунктов таможенного оформления (Приложение 2 к постановлению Государственного таможенного комитета Республики Беларусь от 30.05.2014 г. № 30) столбцом № 4 «Таможенный пост» с целью устранения пробела в вертикальной иерархии управления пунктами таможенного оформления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пилюткович В.С. Таможенное дело: учеб. пособие. – Гродно: ГрГУ, 2002. – 131 с.

Поступила 02.07.2024

ON SOME ASPECTS OF LEGAL REGULATION OF THE CUSTOMS SPHERE IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Zh. LUTSEVICH

(Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, Minsk)

The article is devoted to the consideration of certain problematic aspects of customs regulation in the Republic of Belarus. The article reveals the need to adopt a number of new regulatory legal acts, as well as make some changes to existing ones. The subject of the research is regulatory legal acts, scientists' opinions regarding the legal nature of customs regulation in the Republic of Belarus, certain aspects of the activities of customs authorities. The object of the study is legal relations that develop both in the customs sphere as a whole and in the process of the activities of individual structural divisions of customs authorities. The purpose of the article is to reveal the need to improve the legislation of the Republic of Belarus in the customs sphere.

The results obtained can be used both in theoretical activities for subsequent in-depth study of the features of customs regulation, and in the practical sphere in order to optimize the activities of structural divisions of customs authorities.

Keywords: *customs sphere, customs regulation, customs clearance point, customs post.*

УДК 342

DOI 10.52928/2070-1632-2025-70-1-85-91

ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА КОНСТИТУЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

С.С. ОЛЕСЬКО

(Белорусский государственный университет, Минск)

Исследуется понятие конституционных ценностей. С учётом анализа положений правовой доктрины, отечественного и зарубежного законодательства, позиций органов конституционного правосудия определяются основные подходы к пониманию правовой природы ценностей такого рода. Отмечается, что природа конституционных ценностей состоит в их отражении в конституции и конституционных законах. Изучаются признаки исследуемого феномена. Обосновывается вывод о возможности рассматривать конституционные ценности новым институтом конституционного права. Предлагается легальное закрепление исследуемого понятия.

Ключевые слова: конституционная аксиология, конституционные ценности, конституция.

Введение. Рассмотрение вопросов, связанных с конституционными ценностями, представляется оправданным начать с уяснения этого правового явления. По мнению Н. Лумана, юристам необходимо больше внимания уделять собственным ценностям и категориям, принимая во внимание, что в регулировании основных индивидуальных и универсальных ориентаций и интересов центральное место отводится конституции [1]. В условиях воплощения в жизнь целей, провозглашённых в конституции, особое значение получает формирование единообразного подхода к пониманию конституционных ценностей.

В настоящее время легальное определение термина «конституционные ценности» в законодательстве Республики Беларусь отсутствует. В Конституции Республики Беларусь слово «ценность» содержится в преамбуле, разделе I «Основы конституционного строя» и разделе II «Личность, Общество, Государство» (ч. 1 ст. 2, ч. 2 ст. 42, ч. 6 ст. 45, ч. 1 ст. 51, ч. 1 ст. 54). Однако конституционные ценности не сводятся только к тем, которые прямо названы в тексте конституции, что, в свою очередь, формирует проблему понятия конституционных ценностей.

Основная часть. Исторически для Беларуси ценности всегда выполняли роль ключевых ориентиров развития государственности. Об этом, в частности, свидетельствуют отдельные положения преамбулы Основного Закона Беларуси: «Мы, народ <...>, исходя из ответственности за настоящее и будущее <...> подтверждая свою приверженность общечеловеческим ценностям, основываясь на своем неотъемлемом праве на самоопределение, сохранение национальной самобытности и суверенитета, опираясь на многовековую историю развития белорусской государственности, культурные и духовные традиции, <...> принимаем настоящую Конституцию». Эти положения отражают историческое развитие и преемственность системы ценностей. Ценностным значением обладает большинство благ, охраняемых конституцией. Поэтому, полагаем, что более глубокое и комплексное исследование понятия конституционных ценностей становится возможным лишь при изучении правовой природы, признаков и свойств таких ценностей.

Ценность является универсальной и многомерной категорией, которая охватывает все сферы и уровни жизнедеятельности субъектов общественных отношений и выступает для них индикатором, определяющим характер отношений между ними. Как поясняет М.С. Балаянц, ценность как категория, опосредованная философским, социологическим и правовым аспектами, выражается в интересах личности, общества и государства, их ориентациях и предпочтениях, в силу которых они строят друг с другом соответствующие взаимоотношения [2]. При этом О.В. Мартышин уточняет, что все ценности связаны с познавательной, творческой и практической деятельностью указанных субъектов, в результате которой рождаются их волевые решения, строится их правомерное и неправомерное поведение [3, с. 5]. Тем не менее, с точки зрения А. Шайо, «соотношение между социальными ценностями и конституцией представляет серьезную методологическую проблему» [4, с. 4], и вот почему. Использование дефиниции «конституционные ценности» не свойственно юридической науке, однако закрепление данной категории в конституции свидетельствует о необходимости её исследования [5, с. 13–14].

Акцентируем особое внимание на существующей в современной доктрине конституционного права дискуссии вокруг категорий «конституционные ценности». Среди российских ученых, занимающихся исследованиями в области конституционной аксиологической проблематики, отметим Г.Г. Арутюняна, В.Д. Зорькина, Н.С. Бондаря, Н.В. Витрука, А.С. Автономову, Г.А. Богданову, М.В. Баглая, Ю.А. Рудт, Т.Г. Морщакову, Б.С. Эбзеева, Н.А. Гаджиева, Т.Я. Хабриеву, Е.В. Ереклинецеву, В.О. Лучина, В.Е. Чиркина, Д.Г. Шустрова, А.А. Кондрашева, В.С. Авакьяна, В.И. Крусса и пр. В белорусской науке вопросы, связанные с конституционными ценностями, рассматривались в работах Г.А. Василевича, Т.С. Масловской, Л.О. Мурашко, А.Н. Пугачёва, А.Г. Тиковенко, С.П. Чигринова, П.П. Миклашевича, И.И. Пляхимовича и др.

Анализ позиций указанных учёных позволяет обнаружить некоторые точки соприкосновения в понимании категории «конституционные ценности». Исследователи сходятся во мнении, что главным признаком, отличающим конституционные ценности от всех остальных, является их отражение в таком базовом источнике права, как конституция (основной закон) [6]. Однако, на наш взгляд, «границы», в которых существуют конституционные ценности, не должны сводиться только к конституции.

Парадигма понимания конституции как конституционной ценности нашла подтверждение в юридической практике. Так, из постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2003 № 13-П усматривается, что конституция представляет собой конституирующий акт абсолютного учредительного характера в отношении всей правовой системы, включая регионы, конституции (уставы) которых по названной причине обладают относительным учредительным характером, применительно к пониманию правовой системы. А.С. Автономов подчеркивает, что особое значение Конституции Российской Федерации состоит в её верховенстве и прямом действии, уточняя, что ценность имеют как писанные, так и неписанные конституции [7; 8]. Как ценность конституцию рассматривал и В.Е. Чиркин, отмечая, что она «сыграла огромную роль в обеспечении сначала зыбкой, но затем укрепляющейся стабильности в обществе» [8], а в новых условиях продолжает выполнять свою стабилизирующую функцию.

Однако с указанной точкой зрения солидарны не все. По мнению А.А. Кондрашева, конституция являет собой инструмент или же средство эволюционного развития социума, своего рода предпосылку «для применения и фиксации конституционных ценностей в праве» [9]. Данная позиция поддержана Г.Г. Арутюняном, в понимании которого конституция выступает непосредственным «результатом общественного согласия вокруг основополагающих ценностей социального поведения государства и гражданина» [10], а потому становится воплощением конституционных ценностей. В.И. Крусс добавляет, что некоторые конституционные ценности должны признаваться даже без соответствующего правового оформления, объясняя это геополитическими, географическими, экономическими, культурологическими и прочими предпосылками и обстоятельствами [11, с. 191].

Главная причина отсутствия единства мнений по данному поводу заключается в различном понимании сущности конституции: как документа, учредившего определённый общественный и государственный строй; как идеи и решения «самоограниченного государства» [12] – часть конституционализма. Согласно первому подходу, конституция рассматривается неким инструментом, и в этом случае её нормы лишь оформляют ценности, а не сводятся к ним [13]. Суть второго подхода состоит в том, что конституция, с точки зрения идеала демократического правового государства, может признаваться особой ценностью. Однако в данном случае речь, по-видимому, идёт лишь о реальной (соответствующей действительности) и исторической (переходного периода: Основной Закон ФРГ 1949 года, Закон Албании об основных конституционных положениях 1991 года, Конституция Республики Польша 1997 года и др. [14, с. 282–283]) конституциях.

В современных исследованиях выражена и третья точка зрения, согласно которой ценностью обладает как сама конституция, так и её отдельные нормы. Так, Д.Г. Шустров пишет: «практически с каждой конституционной нормой <...>, каждым правом или свободой, содержащимися в конституции, корреспондирует конкретная ценность» [15]. При этом ценностью обладают и те ценности, которые выведены в результате интерпретации конституционного текста. Полагаем, речь должна идти исключительно об официальном (аутентичном или уполномоченном) нормативном толковании, иначе такие ценности не приобретали бы общеобязательного характера.

Понимание конституционного текста в ключе подвижной материи и его использование конституционным (уставным) судом в качестве «живого» инструмента обусловлено прежде всего стремлением к обеспечению особой конституционной защиты благ личности, общества и государства. В этом заключается идея «живого конституционализма», возникшая в США и в дальнейшем воспринятая в Европе. Возникновение данной идеи связано с именем известного правоведа, члена Верховного Суда США О.У. Холмса. В прагматических целях О.У. Холмс предложил эволюционный путь развития конституции, в основе которого заложен принцип расширения практики судебного трактования конституционного текста, а не внесения в него корректив [16]. Данная идея воспринята в Российской Федерации, где Конституционный Суд по этой причине давно прозвали «генератором оживления конституционного текста» [17; 18]. Рассматриваемый подход зиждется на представлениях о возможности вычленения нетекстуальных конституционных ценностей и их особой защиты. По утверждению Н.С. Бондаря, ценностью обладают, во-первых, сама конституция, во-вторых, ценности, отражённые в ней, и, в-третьих, ценности, пусть явно и не выраженные в её тексте, однако обнаруженные органом конституционной юстиции [19].

При этом отметим, что в российской конституционной науке заметно доминирует утилитаристское понимание конституционных ценностей. Так, В.Н. Витрук поясняет, что исследуемая нами категория раскрывает необходимость и положительную значимость объекта для конкретного субъекта [20]. Из этого следует, что представления российских учёных пересекаются с западными идеями о пользе, выгоде и прибыли общества от определенного поведения субъектов. В.Е. Чиркин, пытаясь проиллюстрировать особую значимость конституционных ценностей, доказывал существование не только прямо закрепленных ценностей, но и не нашедших непосредственного отражения в конституционном тексте, но ясно вытекающих из менталитета [21]. В целом верна позиция данного автора о том, что предусмотреть исчерпывающий перечень конституционных ценностей невозможно, и в этом нет необходимости. Однако, на наш взгляд, такое понимание конституционных ценностей приводит к размытию их пределов, а следовательно, формализованности, прежде всего в юридической практике, избегающей понятий общего характера. Поэтому необходимо предельно осторожно относиться к определению в разряд конституционных ценностей всего, что выявлено при доктринальном толковании конституции, до признания таковыми в практике органов конституционного правосудия [22]. Ю.А. Рудт в целях решения данной проблемы предлагает четко разграничивать категории «ценности конституции», прямо в ней указанные, и «конституционные ценности», которые могут выявляться и признаваться [26, с. 31]. В противном случае возникает

риск столкнуться с ситуацией, когда утрачиваются такие важнейшие характеристики конституционных ценностей, как их официальность и обязательность. Исследователи же могут способствовать выявлению этих ценностей путём разработки методологической базы для толкования конституционного текста [23].

Обратим внимание и на недостатки теории «преобразования» действующей конституции [24; 25]. Суть данной теории состоит в том, что конституционные нормы по тем или иным соображениям как можно дольше сохраняются в неизменном виде и приспособляются к новым реалиям через текущие нормативные акты и политическую практику. В этом и заключается суть проблемы, поскольку таким же «удобным» путем обеспечивается реализация конституционных ценностей, а, возможно, создается лишь видимость этого. Практике известны такие случаи, например, Конституция Ирака 1970 года, действовавшая вплоть до момента свержения в 2004 г. режима С. Хусейна (существовал около 34 лет). Под видом важного документа за формально действующей Конституцией, ставшей по большей мере фиктивной, скрывалась тщетная попытка сохранить нежизнеспособные ценности.

С позиции социальных принципов, не только формализованных конституцией, но и выявленных органом конституционной юстиции, понятие конституционных ценностей было обосновано Е.В. Ереклинцевым. По его мнению, конституционные ценности нацелены на обеспечение оптимального развития одновременно личности, общества и государства на основе принципа справедливости [27]. На это указывает то, что государство в лице его органов и должностных лиц приняло на себя обязательство воплотить в жизнь указанные ценности и применять конституционно-правовую ответственность за его неисполнение. Представляется, что тем самым подчёркивается особое значение конституционных ценностей. Вместе с тем посредством актов текущего законодательства содержание конституционных ценностей может обновляться [5, с. 13–14]. В то же время, отмечается, например, Н.А. Бобровым, одним из негативных результатов радикализма частнопроводимого подхода следует признавать акцент на частные институты как правовую монополию регулирования отношений [28]. В развитие указанного мнения В.Д. Мазаев дополняет, что следствием отрицательного результата радикализма стало отсутствие надлежащего конституционно-правового регулирования общественной формы собственности, её места и природы в экономической системе наряду с частной собственностью, отрицание взаимосвязи общественных форм собственности и экономической основы власти народа, нации, государства и публичных образований, что заметно снижает потенциал таких конституционных ценностей, как реальный демократизм, самостоятельность народа и его полномочия [29, с. 7].

В правовой литературе отмечается, что конституционные ценности необходимо рассматривать с точки зрения основополагающих и предельно обобщенных принципов (целей, установок), которые положены в фундамент государственности [30, с. 13]. На наш взгляд, к конституционным ценностям применима характеристика высших идеалов и первопринципов, благ практического порядка. В частности, применительно к Конституции Республики Беларусь, ценностно-идентифицирующим значением обладают, в основном, положения преамбулы и разделов I и II, а последующие – за редким исключением (например, ч. 1 ст. 79, согласно которой Президент является гарантом Конституции, прав и свобод человека и гражданина). С учётом того, что конституционные ценности составляют основу государственности, рассматривать их в качестве умозрительных абстрактных конструкций, которые не имеют связи с реальным процессом её становления и вытекающими из этого политико-правовыми явлениями, недопустимо [31, с. 21]. Развивая мысль о значении конституционных ценностей, Е.А. Тихон делает важное уточнение, поясняя, что сущность государственно-правовой стратегии, направленной на достижение глобальных и долгосрочных целей и ценностей, главными из которых признаются права и свободы человека и гражданина, заключается: во-первых, в решении всех ключевых вопросов в сфере теории и практики развития государственности, во-вторых, в совершенствовании деятельности органов государственной власти, и, в-третьих, в эффективной реализации правового статуса личности, в том числе в области правового обеспечения прав и свобод человека и гражданина [32, с. 10–11]. Официальное признание конституционных ценностей социальными приоритетами априори возводит их в разряд институтов, реализуемых в практической деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, а также их должностных лиц. Государственно-правовая стратегия становится важнейшим механизмом в обеспечении реализации конституционных ценностей, который приводится в действие целым рядом субъектов, включая президента, парламент, правительство, общие и специализированные (конституционные, экономические, административные и др.) суды, прокуратуру и пр. При этом важнейшим субъектом является глава государства, поскольку его программы способствуют надлежащей реализации государственно-правовой стратегии и отражают стратегически важные направления государственной политики в области прав и свобод человека.

При рассмотрении категории «конституционные ценности», В.А. Четвернин ссылается на ч. 3 ст. 55 российской Конституции, поскольку в ней перечислены объекты конституционной защиты: нравственность, здоровье, права и законные интересы людей, основы конституционного строя, а также обороноспособность и безопасность государства, признавая их конституционными ценностями [30, с. 21]. Тем самым данный ученый сужает круг таких ценностей, сводя их исключительно к тем, которые указаны в перечне. С точки зрения специфики толкования конституционного текста, такой подход неприемлем ввиду того, что характер изложения формулировок любой конституции основан на принципе перспективного применения её положений, при котором она не подвергается поправкам на протяжении относительно продолжительного периода времени, независимо от изменений общественно-государственной жизни. К тому же с течением времени возникают «новые» ценности, существующие трансформируются, а «старые» исчезают. Следовательно, исчерпывающим образом указать все конституционные ценности невозможно.

Интересный подход к интерпретации конституционных ценностей отражен в Послании Конституционного Суда Республики Казахстан от 9 июня 2017 г. № 09-2/5, в котором отмечается, что «важнейшие конституционные ценности представляют собой свод национальных интересов и конституционного патриотизма». На наш взгляд, это не характеристика рассматриваемого правового явления, а указание конкретных разновидностей конституционных ценностей.

Оправданной является позиция Ю.А. Рудт, которая определила конституционные ценности как «совокупность признаваемых и особо защищаемых коллективных целей (идей, идеалов, принципов), закрепленных в конституционном тексте либо выявленных в результате конституционного толкования органами конституционного правосудия» [26]. Указанным автором обоснованно отмечается, что ценности могут не только закрепляться в конституции, но и выявляться в процессе её интерпретации. Однако, на наш взгляд, конституционные ценности могут быть закреплены не только в конституции, но и так называемых «конституционных законах». В данном случае, по-видимому, необходимо вести речь только о тех законах, которые по своей сути могут содержать конституционные ценности. Например, согласно ч. 4 ст. 10 Конституции, «приобретение и прекращение гражданства осуществляются в соответствии с законом». Таким законом является Закон Республики Беларусь от 1 августа 2002 г. № 136-З «О гражданстве», который закрепляет не только порядок реализации такого института конституционного права, как гражданство, но также определяет его важнейшие принципы: право на гражданство, его равенство и добровольность, недопустимость лишения гражданства или права на его изменение, учет наилучших интересов детей, избегание безгражданства. Представляется, что подобные принципы также содержат конституционные ценности, что подтверждается государственной политикой в данной сфере. С таким подходом соглашается и белорусский конституционалист А.Н. Пугачев, отмечая, что «в ряде стран один из главных источников конституционного права» [33, с. 192] – это конституционный закон, который, как правило, принимается в специальном (усложненном) порядке. В подтверждение автор указывает, что в отдельных странах к конституционным законам относят законы, составляющие в совокупности конституцию государства (например, в Швеции – Акт о престолонаследии 1810 г., Форма правления 1974 г., Акт о свободе печати 1949 г. [32, с. 192]).

Позиция белорусских исследователей в понимании конституционных ценностей принципиально не отличается от позиции российских коллег. Так, судьей Конституционного Суда Республики Беларусь А.Г. Тиковенко конституционные ценности толкуются как «основополагающие (базовые) предельно обобщенные начала (цели, общие принципы) <...> выполняющие роль правообразующего ориентира» [34, с. 16], то есть в аспекте творчества. Значительного отличия не имеет трактовка Т.С. Масловской, рассматривающей конституционные ценности как «фундаментальные, обобщенные, стратегические приоритеты (цели, принципы) развития общества и государства» [35, с. 37]. Указанный автор справедливо акцентирует внимание на том, что ориентиры приоритетного развития представляют собой такие идеалы, к которым общество и государство стремится на определенной ступени своего развития. Однако в данном случае выпускается из виду немаловажный аспект, заключающийся в том, что конституционные ценности – это приоритет развития не только общества и государства, но и личности, что следует из конституции. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 2 Основного Закона Беларуси, государство ответственно перед гражданином за создание условий для свободного и достойного развития личности. Из изложенного вытекает, что государство должно воплощать в жизнь конституционные ценности для развития личности. При этом личность напрямую заинтересована в исполнении государством своего обязательства, вследствие чего конституционные ценности для неё находятся в приоритете. При этом смешение категорий «установки», «цели», «принципы» и другие недопустимо, поскольку ведет к утрате их правовой сути как норм-целей, -принципов, -дефиниций, -деклараций и т.п. Например, в ч. 1 ст. 1 Конституции определено, что Республика Беларусь – демократическое социальное правовое государство. Указанные признаки лишь описывают эталон, к которому надлежит постоянно стремиться как к конституционной ценности. Таким образом, можно утверждать о существовании так называемых перспективных конституционных ценностей как отдельно их вида.

А.Н. Пугачев рассматривал конституционные ценности в контексте исследования конституционных принципов и конституционного строя, понимая их в качестве закрепленных в Основном Законе основополагающих начал и постулатов, на которых построена система прав человека, обеспеченных при этом особыми государственными мерами охраны и защиты; наиболее значимых принципов организации государства, таких как демократический режим, народовластие, разделение властей, государственный суверенитет и др. [33, с. 191–193]. Ученый выделил важнейший критерий конституционных ценностей – обеспечение их реализации государственными мерами охраны и защиты. Несомненно, что «любые законодательные акты не могут покушаться на эти базовые ценности, в противном случае они должны считаться неправовыми и не могут порождать юридических обязанностей для граждан» [14, с. 183].

Отсутствие в юридической науке единых методологических подходов к пониманию явления конституционных ценностей и существующие в связи с этим разночтения осложнены практикой различного употребления данной категории в работе органов конституционной юстиции. Например, в актах конституционных судов Российской Федерации и Республики Беларусь для обозначения таких ценностей часто используют формулировки «конституционно значимые ценности» и «конституционно защищаемые ценности». В ряде актов используется одновременно несколько вариантов обозначения конституционных ценностей. Так, в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2017 г. № 2-П конституционные ценности обозначены сразу пятью словосочетаниями: «конституционные ценности», «конституционно значимые ценности», «конституционно-защищаемые ценности», «конституционно охраняемые ценности» и «конституционно-признаваемые ценности».

Вариативность указывает на отсутствие в юридической практике единого подхода к обозначению конституционных ценностей, что создаёт условия для формализованного использования исследуемой категории. Это в очередной раз подтверждает важность выработки единых подходов к пониманию конституционных ценностей. Несмотря на наличие различных вариантов обозначения конституционных ценностей, фактического различия в их сути не имеется. Это следует из использования «приставочных» слов «признаваемые», «охраняемые», «защищаемые», «значимые» и т.п., присоединение которых не меняет сути понятия, а подчеркивает роль конституционных ценностей как важнейшего социально-правового явления.

Представляется, что на современном этапе развития юридической науки и практики можно вести речь о формировании нового института конституционного права – **института конституционных ценностей**.

Понятие «конституционные ценности» нельзя отождествлять с понятием «интерес», отражающим общие коллективные цели и устремления демократического большинства. Так, выдвигая тезис о предельной полезности конституционных ценностей с позиции абсолютно или относительно определённого большинства, приходим к умозаключению, что они априори пересекаются с интересами меньшинства, – это некая презумпция. Ориентация на коллективные цели при возникновении коллизии интересов позволяет принять наиболее правильное и безболезненное решение. Аксиома состоит в том, что, в силу своей обязательности, права человека могут (в ряде случаев – должны) быть использованы в целях противостояния позиции большинства. Защита прав меньшинств в случае их столкновения с иными ценностями оправдана тогда, когда более общие конституционные ценности в результате этого стратегически «выигрывают». Социальные группы динамичны, поэтому те из них, которые недавно считались меньшинством, в обозримом будущем могут стать большинством, и наоборот, в связи с чем управление большинства не должно переходить в подавление меньшинства. В таком порядке конституционные ценности должны иметь определяющее значение при разрешении коллизий, возникающих между конституционными интересами личности, общества, государства в любых сферах правоотношений.

Значение конституционных ценностей как продукта народовластия заключается в их связующей роли относительно нравственных, религиозных и правовых принципов общественно-государственного устройства и развития. Единство ценностей способствует соблюдению баланса конституционно-правовых интересов личности, общества и государства. Фиксируя базовые институты конституционного права, они устанавливают оптимальные параметры аксиологического поля всей правовой системы. Считаясь главенствующими, конституционные ценности часто могут испытывать на себе влияние фактов политического характера и в данном случае представляют собой уязвимое явление. Это касается лишь ценностей личности и общества и не затрагивает то, что является ценным для государства, которое аккумулирует политическую волю в своих решениях, выражаемых в праве. Таким образом, состояние не только гармонии, но и враждебности может возникать во взаимоотношениях личности, общества и государства, где данные субъекты лоббируют свои интересы по поводу защиты конституционных ценностей, интересующих каждого из них.

Заключение. На современном этапе общественно-государственного развития большинства стран мира категория «конституционные ценности» занимает центральное место. Это связано с тем, что ценности как символ и атрибут современного демократического правового государства включаются в конституции и потому признаются официально. Несмотря на отсутствие нормативно закреплённого определения термина «конституционные ценности», он нередко используется при изложении текста актов органов конституционного правосудия.

Конституционные ценности можно рассматривать как подсознательно сформированные на историческом и культурном уровнях идеалы и представления об организации и развитии общественно-государственного устройства в виде обобщённых ключевых стратегических приоритетов (идей, принципов, целей), закреплённых как вектор конституционного развития на уровне конституции и конституционных законов, а также разъясняемых органом конституционного контроля в целях обеспечения оптимального баланса конституционно-правовых интересов личности, общества и государства, обеспечивающего их взаимное развитие.

В условиях активного воплощения в жизнь конституционных ценностей важно выработать единые подходы к их пониманию для обеспечения их надлежащей защиты. Должны существовать разумные границы в наименовании правовых ценностей «конституционными». В связи с этим целесообразно закрепить определение понятия «конституционные ценности» в Законе Республики Беларусь «О нормативных правовых актах», изложив его в следующей редакции:

Конституционные ценности – идеалы и представления об организации и развитии общественно-государственного устройства, отраженные в конституции и указанных в ней законах, а также разъясняемые органом конституционного контроля в целях обеспечения оптимального баланса конституционно-правовых интересов личности, общества и государства, обеспечивающего их взаимное развитие.

Легальное закрепление данной дефиниции придаст указанному термину практикоориентированный характер, что будет способствовать единообразному пониманию и использованию в правотворческой и правоприменительной практике.

Правовая природа конституционных ценностей состоит в том, что они могут закрепляться на уровне конституции и конституционных законов, обладающих высшей и более высокой юридической силой соответственно относительно иных документов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Luhmann N. Das Recht der Gesellschaft. – Suhrkamp, 1995. – 599 p.
2. Балаянц М.С. Фундаментальные правовые ценности современного общества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – М., 2007. – 25 с.
3. Мартышин О.В. Проблема ценностей в теории государства и права // Государство и право. – 2004. – № 10. – С. 5–14.
4. Шайо А. Конституционные ценности в теории и судебной практике: введение // Сравнительное конституционное обозрение. – 2008. – № 4. – С. 4–6.
5. Снежко О.А. Правовая природа конституционных ценностей современной России // Сравнительное конституционное обозрение. – 2005. – № 2. – С. 13–19.
6. Автономов А.С. Конституция как ценность // Сравнительное конституционное обозрение. – 2008. – № 3. – С. 50–58.
7. Автономов А.С. Ценность Конституции // Государство и право. – 2009. – № 3. – С. 5–11.
8. Чиркин В.Е. К вопросу о ценности российской Конституции 1993 г. // Актуальные проблемы российского права. – 2013. – № 12. – С. 1517–1522.
9. Кондрашев А.А. Конституционные ценности в современном российском государстве: о конфликтах и девальвациях // Конституционное и муниципальное право. – 2017. – № 1. – С. 6–13.
10. Арутюнян Г.Г. Конституционализм как фундаментальный принцип права в правовом государстве // Конституционное правосудие. – 2012. – № 1. – С. 5–16.
11. Крусс В.И. Теория конституционного правоупотребления. – М.: НОРМА, 2007. – 752 с.
12. Шайо А. Самоограничение власти; пер. с венг. – М.: Юристъ, 2001. – 292 с. (Краткий курс конституционализма)
13. Таева Н.Е. Нормы Конституции Российской Федерации как форма выражения социальных ценностей // Конституционное и муниципальное право. – 2009. – № 5. – С. 2–5.
14. Пугачёв А.Н. Истоки и первопричины европейского конституционализма. – Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2017. – 318 с.
15. Шустров Д.Г. *Essentia constitutionis*: Конституция Российской Федерации в фокусе теорий конституции XX–XXI веков // Сравнительное конституционное обозрение. – 2017. – № 4. – С. 78–93.
16. Берляевский Л.Г. Оригиналистская и ноноригиналистская концепции конституционной интерпретации в США // Журнал российского права. – 2013. – № 8. – С. 101–108.
17. Бондарь Н.С. Социоисторический динамизм Конституции – без переписывания конституционного текста // Журнал конституционного правосудия. – 2014. – № 2. – С. 22–34.
18. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм: постановка проблемы в контексте роли Конституционного Суда в утверждении «живого» российского конституционализма // *Lex Russica*. – 2009. – № 2. – С. 322–343.
19. Бондарь Н.С. Конституционные ценности – категория действующего права (в контексте практики Конституционного Суда России) // Журнал конституционного правосудия. – 2009. – № 6. – С. 1–11.
20. Витрук Н.В. Конституция Российской Федерации как ценность и конституционные ценности: вопросы теории и практики // Конституционные ценности: содержание и проблемы реализации: материалы междунар. науч.-практ. конф., 4–6 дек. 2008 г.: в 2 т. – Т. 1 / Под ред. Н.В. Витрука, Л.А. Нудненко. – М.: Рос. акад. правосудия, 2010. – С. 9–21.
21. Чиркин В.Е. О базовых ценностях российской конституции // Государство и право. – 2013. – № 12. – С. 18–25.
22. Комарова В.В. Наполнение и видовое многообразие правовой категории «конституционные ценности» (конституционно-правовой аспект) // Успехи современного естествознания. – 2015. – № 1. – С. 1385–1387.
23. Кравец И.А. Конституционное правосудие. Теория судебного конституционного права и практика судебного конституционного процесса. – М.: Юстицинформ, 2017. – 400 с.
24. Аничкин Е.С. Преобразование Конституции Российской Федерации: сущность и причины // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2009. – № 323. – С. 202–206.
25. Кондрашев А.А. Конституция России: дефекты принятия и содержания. Преобразование, поправки или пересмотр? // Государство и право. – 2016. – № 2. – С. 32–41.
26. Рудт Ю.А. Баланс конституционных ценностей в доктрине конституционного права и практике органов конституционной юстиции Российской Федерации: автореф. дис. канд. юрид. наук: 12.00.02 / Алтай. гос. ун-т. – Омск, 2019. – 33 с.
27. Ереклинцева Е.В. Суверенитет и демократия как конституционные ценности современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Челябин. гос. ун-т. – Челябинск, 2010. – 26 с.
28. Боброва Н.А. Конституционный строй и конституционализм в России. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – 265 с.
29. Мазаев В.Д. Публичная собственность в России: конституционные основы. – М., 2004. – 384 с.
30. Конституция Российской Федерации. Проблемный комментарий / А.С. Автономов, Н.С. Бондарь, А.М. Ковалёв и др.; отв. ред. В.А. Четвернин. – М., 1997. – 702 с.
31. Ройzman Г.Б. Понятие и юридическая природа конституционных ценностей // Вестн. Челябин. гос. ун-та. Право. – 2012. – № 1(31). – С. 18–24.
32. Тихон Е.А. Приоритетные национальные проекты как форма государственной стратегии по обеспечению прав человека в России // Социальное и пенсионное право. – 2007. – № 2. – С. 10–11.
33. Пугачёв А.Н. Конституционное право: учеб.-метод. комплекс для студентов спец. 1-24 01 02 «Правоведение»: в 3 ч. – Ч. 2: Основы конституционного строя и правового статуса личности: в 2 кн. – Кн. 2: Рекомендации к практическим занятиям / А.Н. Пугачёв, И.В. Вегера. – Новополюк: ПГУ, 2010. – 344 с.
34. Тиковенко А.Г. Конституционные ценности: теория и практика их защиты Конституционным Судом Республики Беларусь // Ценностная парадигма Основного Закона Республики Беларусь: материалы респ. науч.-практ. конф., Минск, 14 марта 2013 г. / редкол.: Г.А. Василевич и др. – Минск: Изд. центр БГУ, 2013. – 148 с.
35. Масловская Т.С. Конституционные ценности и их отражение в международном и национальном законодательстве // Ценностная парадигма Основного закона Республики Беларусь: матер. респ. науч.-практ. конф., 14 марта 2013 г., Минск / редкол.: Г.А. Василевич и др. – Минск, 2013. – С. 37–38.

Поступила 09.09.2024

CONCEPT, SIGNS AND LEGAL NATURE OF CONSTITUTIONAL VALUES**S. ALESKA****(Belarusian State University, Minsk)**

The concept of constitutional values is explored. Taking into account the analysis of the provisions of the legal doctrine, domestic and foreign legislation, the positions of the bodies of constitutional justice, the main approaches to understanding the legal nature of values of this kind are determined. It is noted that the nature of constitutional values is their reflection in the constitution and constitutional laws. The signs of the studied phenomenon are studied. The conclusion about the possibility of considering constitutional values as a new institution of constitutional law is substantiated. A legal consolidation of the concept under study is proposed.

Keywords: constitutional axiology, constitutional values, constitution.

УДК 343.79

DOI 10.52928/2070-1632-2025-70-1-92-95

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УКЛОНЕНИЕ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ: СОСТОЯНИЕ, ТЕНДЕНЦИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Ю.Е. РУДЕНЯ

(Национальный центр законодательства и правовой информации Республики Беларусь, Минск)

Анализируются подходы законодателя к вопросам уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов на протяжении прошлых десятилетий, определяются современные тенденции развития уголовного закона в указанной части. Делается вывод о необходимости корректировки ряда направлений соответствующей уголовной политики исходя из современных вызовов финансовой безопасности страны и реалий социально-экономической ситуации. Соответствующие предложения сопровождаются инициативами изменения нормы об уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов, сборов.

Ключевые слова: уклонение от уплаты налогов, налоговые преступления, экономические преступления, налоги, сборы, лишение свободы, налоговое законодательство.

Введение. Цель исследования заключается в совершенствовании механизма уголовно-правовой охраны отношений, обеспечивающих установленный порядок уплаты налогов, сборов в бюджет, и выработке на этой основе предложений по корректировке соответствующих уголовно-правовых мер. Определяются основные цели уголовной политики в части ответственности за уклонение от уплаты налогов, сборов. Через актуализированную оценку общественной опасности рассматриваемого деяния описывается её социальная обусловленность. Дается научно-доктринальное определение уголовно наказуемой неуплаты налогов, сборов через раскрытие сущностных криминообразующих признаков. Предлагается в приближенном контексте пересмотреть подходы к санкциям за совершение рассматриваемого деяния. С позиций обеспечения более глубокой системной связи уголовного закона и налогового законодательства вносится предложение по усовершенствованию нормативных предписаний Пленума Верховного Суда Республики Беларусь в части применения ст. 243 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК).

Отдельные вопросы, входящие в предмет настоящего исследования, фрагментарно затрагивались в научных трудах ученых в области уголовного и финансового права, а именно А.И. Лукашова, Н.А. Бабия, В.В. Хилюты, В.М. Хомича, Э.А. Саркисовой, В.С. Каменкова, А.А. Пилипенко, А.В. Денисевича. При этом комплексно вопросы уголовной политики в сфере ответственности за уклонение от уплаты налогов, сборов и направления её совершенствования в качестве самостоятельного объекта исследования не рассматривались.

Основная часть. На всем протяжении существования отечественного уголовного закона развитие норм об ответственности за уклонение от уплаты налогов, сборов было неразрывно связано со многими факторами, обусловленными социально-экономической ситуацией в стране и мире, динамичным развитием системы налогообложения и хозяйственной среды, криминогенной ситуацией в различных отраслях экономики, эффективностью деятельности правоохранительных органов. Первое десятилетие нулевых было связано со всплеском активности лжепредпринимательских структур, в связи с чем были распространены «грубые» схемы уклонения от уплаты налогов, сборов (в этих целях создавались фиктивные финансовые организации, а от имени таких субъектов в налоговый учет представлялись подложные документы о несуществующих хозяйственных операциях). При этом в результате мер, принятых на основании Указа Президента Республики Беларусь от 23 октября 2012 г. № 488 (которые в целом заключались во включении в налогооблагаемую базу по обязательствам выявленного субъекта и его контрагентов сумм, равных всему обороту по соответствующим хозяйственным операциям), лжепредпринимательскую активность удалось минимизировать.

В настоящее время государством предпринимаются активные меры по противодействию наиболее используемым недобросовестными налогоплательщиками схемам:

– «дроблению бизнеса», когда в результате не обусловленной деловой необходимостью реструктуризации одной большой компании на несколько мелких новые субъекты хозяйствования, будучи по-прежнему связанными фактически одним учредителем, необоснованно получают преференции упрощенной системы налогообложения, предназначенные по своей сути для субъектов малого и среднего бизнеса. Для борьбы с такими явлениями налоговым законодательством в 2019 г. закреплён механизм корректировки налогового обязательства при отсутствии деловой цели хозяйственной операции (абз. 3 п. 4 ст. 33 Налогового кодекса Республики Беларусь (далее – НК));

– выплате заработной платы и иных доходов «в конвертах». Предлагались различные варианты противодействия таким проявлениям, в том числе направленные на повышение заинтересованности в получении «чистых» доходов. Поскольку неуплата подоходного налога, как правило, сопряжена с неуплатой обязательных страховых взносов, проводится активная информационно-просветительская работа по акцентуации преимуществ государственного социального страхования и негативных последствий их отсутствия для граждан в будущем;

– созданию фиктивных компаний за рубежом, направленные на получение преимуществ «нулевого» НДС при осуществлении экспортных операций. В качестве мировой тенденции отмечается активизация майнинга. Использование «фиатных» денег, в том числе криптовалюты, становится одним из наиболее популярных средств накопления денежного капитала. Распространяемость цепочек движения виртуальных денег через вышеуказанные

инструменты способствует вымыванию финансовых потоков в скрытые от государства каналы, а бюджет недополучает огромные суммы налогов.

В целях эффективного противодействия указанным негативным явлениям требуют усовершенствования системы бухгалтерского и налогового учета, механизмы финансово-хозяйственного контроля, а также ряд подходов к мерам юридической ответственности, в том числе и уголовной. Создатели новых схем уклонения от уплаты налогов, сборов активно используют трудности, связанные с межгосударственным обменом налоговой информацией и получением полной и объективной доказательственной базы [1, с. 96]. С учетом динамичной трансформации налоговой преступности, норма об ответственности за уклонение от уплаты налогов, сборов требует системного концептуального осмысления. Предлагается решить принципиальные вопросы, связанные со специальным субъектом рассматриваемого деяния, исчерпывающим перечнем способов уклонения от уплаты налогов, закреплением специальных оснований освобождения лица от уголовной ответственности. Так, установленный в ст. 243 УК исчерпывающий перечень способов уклонения от уплаты налогов, сборов не позволяет охватить все существующие и возможные в будущем общественно опасные манипуляции в налоговой сфере, влекущие непоступление или неполное поступление налогов в бюджет. Специальная субъектность в норме об ответственности за уклонение от уплаты налогов, сборов позволяет фактическим руководителям в ряде случаев уходить от уголовного преследования с перекладыванием бремени такой ответственности на номинальных руководителей.

В этой связи сперва предлагается четко сформировать основные положения уголовной политики в области противодействия налоговой преступности уголовно-правовыми средствами, которая должна быть тесно связана с социально-экономической политикой государства и состоянием криминогенной обстановки. С одной стороны, на данном этапе развития экономики, связанном с внешним экономическим давлением, актуальной является задача раскрепощения деловой инициативы и поиска внутренних резервов развития экономики. С другой стороны, необходимо точечное усиление уголовно-правового воздействия в отношении особо опасных и трудно выявляемых форм недобросовестной минимизации налоговых платежей [2, с. 118].

Вторым этапом предлагается создание более гибкого механизма реагирования государства на преступную неуплату налогов посредством изменения подходов к криминообразующим признакам данного деяния и наказанию за его совершение. Общественная опасность уклонения от уплаты налогов должна находить реальное отражение в его криминообразующих признаках. В соответствии с современными доктринальными представлениями о криминообразующих признаках преступлений против порядка осуществления экономической деятельности к ним следует относить такие признаки, как обман, злостность, противоправный и умышленный характер поведения [2, с. 48; 3, с. 101–104]. Данные разновидности криминообразующих признаков не вызывают сомнения (обманный характер действий) или могут обоснованно рассматриваться (злостный характер действий) как лежащие в основе необходимости установления уголовно-правового запрета. Рассмотрим содержание этих признаков применительно к уклонению от уплаты налогов, сборов.

Существенность вреда определяется посредством таких признаков, как степень и характер общественной опасности, и выводится через категорию «злостность». Степень общественной опасности отражает интенсивность и глубину вредоносного воздействия преступления на тот или иной объект уголовно-правовой охраны. Изначально указанием на умышленный характер таких действий через введение понятие «уклонение» законодатель сужает понятие «неуплаты» налогов, сборов с позиций исключения любых неосторожных действий, повлекших недополучение бюджетом налоговых платежей (бухгалтерская ошибка и т.п.). Далее понятие «уклонение» с точки зрения признания его преступным сужается до возможности его совершения специальными способами, при которых имеет место активный обман, сопряженный с умышленным характером такого деяния. Помимо этого, злостный характер поведения выражается и в размерном признаке, указывающем на существенное количество ресурсов, предназначенных для формирования бюджета. Диспозицией действующей ст. 243 УК закрепляется четыре способа уклонения от уплаты налогов, сборов в виде сокрытия, занижения налоговой базы, уклонения от представления налоговой декларации и внесения в нее заведомо ложных сведений. Однако указанным подходом не учитываются:

- все существующие и потенциально возможные преступные манипуляции в налоговой сфере;
- специфика отдельных видов налогов, особых режимов налогообложения и динамично развивающийся механизм налоговой системы;
- проблема пересечения (наложения) способов уклонения от уплаты налогов, сборов и вменения в вину несколько таких способов при наличии фактически одной преступной «схемы»;
- тесная связь преступных манипуляций не только с документами налоговой отчетности, но и с иными документами.

В этой связи обоснованным представляется отказ от исчерпывающего перечня способов уклонения от уплаты налогов, сборов. Предлагается сформулировать соответствующие признаки как умышленные деяния, сопряженные с сокрытием сведений о фактах, имеющих значение для налогообложения, или внесением в бухгалтерский или налоговый учет ложных сведений, имеющих значение для налогообложения.

Актуальными являются вопросы применения санкций за уклонение от уплаты налогов, сборов.

Анализ статистических сведений о состоянии преступности за 2015 – 2024 гг. показал, что практически в 65% случаев за уклонение от уплаты налогов, сборов преобладает наказание в виде ограничения свободы. При этом среди указанной категории ограничение свободы без направления в исправительное учреждение открытого

типа составляет примерно 70%. Наиболее распространенная конфигурация назначенных наказаний по ст. 243 УК следующая: ограничение свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа со штрафом и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Стоит отметить, что потенциал наказания в виде лишения свободы на определенный срок оказался невостребованным на практике при назначении наказания за совершение уклонения от уплаты налогов, сборов по ч. 1 ст. 243 УК. Назначение наказаний, связанных с изоляцией лица от общества (арест, лишение свободы на определенный срок, ограничение свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа) в имеющихся пределах не получило своего распространения по причинам необходимости полного и своевременного возмещения ущерба, которое затруднительно при данных обстоятельствах.

Данная тенденция является логичной с точки зрения её соответствия общей макроэкономической политике, направленной на либерализацию условий осуществления предпринимательской деятельности. Стоит отметить уже проделанную в этом направлении работу. Так, во исполнение положений Декрета Президента Республики Беларусь от 23 ноября 2017 г. № 7 «О развитии предпринимательства» корректировка соответствующей санкции произведена Законом Республики Беларусь от 9 января 2019 г. № 171-З. Вместе с тем с учетом вышеизложенного предлагается в санкциях ч.ч. 1, 2 и 3 ст. 243 УК снизить верхние пределы наказания в виде лишения свободы с 3 до 2, с 7 до 5 и с 12 до 8 лет, соответственно, с переводом указанных преступлений в категории преступления, не представляющего большой общественной опасности, менее тяжкого и тяжкого.

Проблемным является вопрос системной взаимосвязи положений уголовного закона и налогового законодательства. Имеющаяся сложность в системном применении указанных норм дополняется крайней нестабильностью налогового законодательства. При этом системная связь признаков уклонения от уплаты налогов, сборов должна быть четко установлена с положениями как Общей, так и Особенной частей НК.

В соответствии с п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 марта 2015 г. № 1 «О практике применения судами законодательства по делам об уклонении от уплаты налогов, сборов (статья 243 УК)» (далее – постановление Пленума № 1) уклонение от уплаты налогов, сборов признается окончательным со дня фактической неуплаты суммы налога, сбора за соответствующий налоговый период в срок, установленный налоговым законодательством, то есть акцент делается именно на налоговый период, когда законодатель связывает действия плательщика с уголовной ответственностью (п. 4 постановления Пленума № 1). Принятие в постановлении Пленума № 1 налогового периода в качестве основы для расчета причиненного преступлением ущерба обусловлено обязанностью плательщика (иного обязанного лица) в случае обнаружения в налоговой декларации (расчете), поданной за прошлый налоговый период либо за прошлый отчетный период текущего налогового периода, неполноты сведений или ошибок внести изменения и (или) дополнения в налоговую декларацию (расчет) (п. 8 ст. 63 НК). Вместе с тем действующая редакция НК связывает момент возникновения обязанности уплатить соответствующий налог с отчетным периодом. Так, с 1 января 2014 г. в п. 8 ст. 46 НК исключена норма, предусматривавшая, что неуплата или неполная уплата сумм налога текущими платежами не является основанием для применения к плательщику (иному обязанному лицу) мер ответственности, установленной законодательными актами.

Следует отметить, что налоговый период может состоять из нескольких отчетных периодов. Например, уплата налога на прибыль производится в течение налогового периода по итогам истекшего отчетного периода не позднее 22-го числа месяца, следующего за истекшим отчетным периодом (налоговый период налога на прибыль равен году, который состоит из нескольких отчетных периодов, равных одному кварталу) (ст. 143 НК). В этой связи предлагается констатировать, что момент окончания уклонения от уплаты налогов, сборов определяется моментом их неуплаты по истечении соответствующего отчетного, а не налогового периода.

Заключение. Общественная опасность уклонения от уплаты налогов, сборов выражается в существенной угрозе экономической безопасности государства в связи с фактическим недополучением бюджетом налоговых платежей, ограничением возможностей государства эффективно выполнять социальные обязательства и перераспределение финансовых ресурсов, влиянием на рост теневой экономики, распространение коррупции и недобросовестную ценовую конкуренцию. В этой связи предлагается сформировать более гибкий уголовно-правовой инструментарий, который будет направлен, с одной стороны, на обеспечение экономической безопасности, а с другой – взаимосвязан с целями раскрепощения деловой инициативы и поиска внутренних резервов развития экономики.

Необходимо ясное и четкое определение уклонения от уплаты налогов, сборов как социального негативного явления, выраженного в недобросовестной минимизации налогоплательщиком своего налогового бремени, и существенных криминообразующих признаков указанного деяния, придающих ему характер общественно опасного. Злоупотребление неуплатой налогов, сборов состоит из обязательной совокупности двух признаков: обмана государства относительно фактов, имеющих значение для налогообложения, и существенности размера не поступивших в бюджет налоговых платежей. По данным признакам также следует проводить разграничение оснований уголовной ответственности от соответствующих оснований административной и гражданско-правовой ответственности за неуплату налогов. Признак обмана предлагается раскрыть в уголовно-правовой норме таким образом, чтобы, с одной стороны, охватить все возможные недобросовестные действия по снижению налоговой нагрузки в ущерб государственным интересам, а с другой – учесть право налогоплательщика на допустимую налоговую оптимизацию.

Предлагается точно скорректировать подходы к санкциям за уклонение от уплаты налогов, сборов. Так, назначение наказаний, связанных с изоляцией от общества (арест, лишение свободы на определенный срок, ограничение свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа) в имеющихся пределах не

получило своего распространения по причинам необходимости полного и своевременного возмещения ущерба, которое затруднительно при данных обстоятельствах. С целью продолжения политики декриминализации экономических рисков в санкциях ч.ч. 1, 2 и 3 ст. 243 УК предлагается снизить верхние пределы лишения свободы, соответственно, с 3 до 2, с 7 до 5 и с 12 до 8 лет.

Необходимо актуализировать отдельные вопросы системного взаимодействия норм уголовного закона и налогового законодательства в разъяснениях Верховного Суда Республики Беларусь. В частности, предлагается уточнить момент окончания рассматриваемого преступления, который приходится на отчетный, а не налоговый период, в связи с чем подлежит соответствующему изменению п. 4 постановления Пленума № 1.

На основании изложенного название и ч.ч. 1 – 3 ст. 243 УК предлагается изложить в следующей редакции: «Статья 243. Неуплата налогов, сборов

1. Умышленные деяния, сопряженные с сокрытием сведений о фактах, имеющих значение для налогообложения, или внесением в бухгалтерский или налоговый учет ложных сведений, имеющих значение для налогообложения (неуплата налогов), повлекшие непоступление либо неполное поступление налогов, сборов в бюджет в значительном размере, –

наказываются штрафом, или лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, или арестом, или ограничением свободы на срок до двух лет, или лишением свободы на тот же срок со штрафом и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без лишения.

2. Неуплата налогов, сборов, повлекшая непоступление либо неполное поступление налогов в бюджет в крупном размере, –

наказывается ограничением свободы на срок до пяти лет или лишением свободы на тот же срок со штрафом и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

3. Неуплата налогов, сборов повлекшая непоступление либо неполное поступление налогов в бюджет в особо крупном размере, –

наказывается лишением свободы на срок до восьми лет со штрафом и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью».

ЛИТЕРАТУРА

1. Брызгалин А.В., Берник В.Р., Головкин А.Н. Налоговая оптимизация: принципы, методы, рекомендации, арбитражная практика / Под ред. А.В. Брызгалина. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт-Издат, 2007. – 320 с.
2. Концепция модернизации уголовного законодательства в экономической сфере / Редкол.: В.И. Радченко, Е.В. Новикова, А.Г. Федотов. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2010. – 196 с.
3. Кальман А.Г. Экономическая преступность как криминологическое понятие // Государство и право. – 2003. – № 3. – С. 101–104.

Поступила 25.03.2025

CRIMINAL POLICY IN THE SPHERE OF LIABILITY FOR TAX EVASION: STATUS, TRENDS, PROSPECTS

Yu. RUDENYA

(National Center of Legislation and Legal Information of the Republic of Belarus, Minsk)

The approaches of the legislator to the issues of criminal liability for tax evasion over the past decades are analyzed, modern trends in the development of criminal law in this part are determined. A conclusion is made about the need to adjust a number of areas of the relevant criminal policy based on modern challenges to the country's financial security and the realities of the socio-economic situation. The relevant proposals are accompanied by initiatives to change some provisions of regulatory legal acts.

Keywords: *tax evasion, tax crimes, economic crimes, public danger of crime, taxes, fees, punishment for tax crimes, imprisonment, tax legislation.*

УДК 347.1

DOI 10.52928/2070-1632-2025-70-1-96-103

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ, СПОСОБЫ И СРЕДСТВА ЗАЩИТЫ ПРАВ СУБЪЕКТОВ НА ИНФОРМАЦИЮ

П.А. ТАРАСОВ

(Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Минск)

ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-4634-4218>

В статье рассматриваются отдельные элементы механизма защиты гражданских прав на информацию, её формы, способы и средства. Определен порядок гражданско-правовой защиты права на информацию, в том числе проанализирован судебный порядок защиты. На основе изучения имеющихся теоретических исследований соответствующих проблем, а также подходов отечественных и зарубежных цивилистов предлагается классификация способов защиты гражданских прав на информацию. В процессе осмысления средств защиты названных прав внесены предложения по разработке и систематизации цифровых средств самозащиты.

Ключевые слова: гражданские правоотношения, информация, защита гражданских прав, самозащита права, способы защиты, средства защиты, субъективные права, формы защиты.

Введение. Право на информацию занимает особое место среди гражданских прав в современном белорусском обществе. Информатизация, а также приходящие ей на смену процессы цифровизации всё больше затрагивают интересы лиц в различных сферах общественных отношений. Субъекты вступают в правоотношения по поводу информации, выступающей в качестве законодательно закрепленного объекта гражданских прав (нераскрытая информация), а также охраняемого законом нематериального блага (личная и семейная тайны). Кроме того, некоторые сведения становятся предметом договоров (об оказании информационных услуг и т.д.). В связи с этим физические и юридические лица, а также публичные образования нуждаются не только в беспрепятственном осуществлении своих гражданских прав на информацию, но и в обеспечении их юридической защиты.

Взросший интерес в отечественной и зарубежной цивилистической науке к изучению вопросов правовой защиты информации вытекает из необходимости разработки нормативных правовых актов, направленных на регулирование общественных отношений в информационной сфере. Стоит отметить, что собственно «защита гражданских прав» представляет собой «правовой институт, нормы которого предусматривают механизмы судебных и административных процедур защиты нарушенных или оспоренных гражданских прав» [1, с. 215]. Формы, способы, а также средства защиты, являясь элементами указанного института, изучались В.А. Бабаковым, Е.В. Вавилиным, В.А. Витушко, В.П. Грибановым, Е.В. Ермоленко, Д.Н. Латыповым, С.Г. Мухиным, Д.В. Параскевой, В.Ю. Савватеевым и др. Защита прав на различные виды информации представлена в работах таких ученых, как Т.В. Белова, Т.М. Бикташев, Т.А. Горуца, С.С. Лосев, Р.В. Северин, А.А. Снытников, Л.В. Туманова и др. Вместе с тем, в настоящее время комплексные правовые исследования, посвященные гражданско-правовым формам, способам и средствам защиты прав субъектов на информацию на территории Республики Беларусь, отсутствуют. Этим обусловлена актуальность представленной темы.

Целью настоящего исследования является формирование научного представления о гражданско-правовой защите права субъектов на информацию. Её достижение возможно путем решения задач по изучению форм, систематизации способов, определению средств и доказыванию значения гражданско-правовой защиты рассматриваемого права.

Основная часть. В общей теории права, как и в теории гражданского права, до сих пор ведутся научные дискуссии о том, как соотносятся «правовая защита», «правовая охрана», «защита прав», «охрана прав» и другие схожие понятия. Как отмечает В.А. Бабаков: «Очевидно, что присутствующая дихотомия рассматриваемых понятий обусловлена их близостью» [2, с. 9]. Понимание различия между указанными правовыми категориями имеет значение и в регулировании отношений, возникающих по поводу конфиденциальных или общедоступных сведений. Точке зрения автора статьи наиболее близка позиция исследователей, которые соотносят упомянутые понятия как общее и частное.

Так, по мнению Д.В. Мазеева, «правовая защита субъективных прав и свобод является составной частью правовой охраны» [3, с. 28]. Д.Н. Латыпов предполагает, что «понятие охраны включает защиту как ее частный случай, когда необходимо применение активных мер, направленных против чьих-либо посягательств» [4, с. 73]. В учебной литературе «охрана гражданских прав» понимается в широком и узком значениях. В последнем случае она представляется как «сторона охранительной функции гражданского права, а именно защита гражданских прав, проявляющаяся в восстановлении нарушенного субъективного гражданского права, а в случае невозможности его восстановления – компенсации потерпевшему причиненного вреда» [5, с. 260]. Анализируя различные точки зрения, можем предположить, что защита гражданского права на информацию представляет собой комплекс мер правового характера, направленных на восстановление прав субъекта, нарушенных в результате разглашения конфиденциальных сведений, искажения, непредоставления или ограничения в ознакомлении со сведениями, доступ к которым не может быть ограничен в соответствии с законодательными актами. На наш

взгляд, осуществление защиты рассматриваемого права зависит от его разновидности (право на доступ к информации, право на тайну, право на получение сведений и др.) и непосредственно влияет на использование субъектами форм, способов и средств защиты нарушенного права. Возможность успешной защиты права на информацию во многом зависит от формы, которую выбрал сам субъект. В научной литературе она представляется как «совокупность правовых норм и институтов материального и процессуального права, предоставляющих управомоченному субъекту возможность реализации права на защиту...» [6, с. 64]. Лицо самостоятельно выбирает, с помощью каких процедур или действий восстановить нарушенное право на информацию.

В цивилистической науке существуют разные классификации форм защиты гражданских прав. В частности, Е.Е. Богданова выделяет такие формы, как «судебная, административная и самозащита» [7, с. 40]. Согласно воззрениям классика гражданско-правовой науки В.П. Грибанова, «следует различать: исковую форму защиты права, защиту гражданских прав в порядке особого производства в суде, административный порядок защиты гражданских прав и специфическую <...> общественно-правовую форму защиты права...» [8, с. 110]. Анализируя различные позиции ученых и предлагаемые ими классификации, Д.Н. Латыпов придерживается мнения, в соответствии с которым формы защиты гражданских прав следует разделять на юрисдикционные и неюрисдикционные [9, с. 22]. На наш взгляд, такой подход является наиболее современным и применимым к защите права на информацию.

Юрисдикционная форма защиты гражданских прав на информацию предполагает обращение обладателя, пользователя или иного связанного с ней субъекта в органы, уполномоченные на принятие специальных мер воздействия к нарушителю с целью пресечения его незаконных действий и последующего восстановления нарушенного права на информацию обратившегося субъекта. Порядок использования данной формы обычно определяется законодательством. Применимо к нераскрытой информации лицо, чьи права были нарушены, самостоятельно выбирает, как обращаться за защитой в уполномоченный орган: в общем или специальном порядке. Так, в отношениях, связанных с правовой защитой коммерческой тайны, современные цивилисты (С.С. Лосев, Е.И. Мелихов, Р.В. Северин и др.) выделяют судебный и административный порядки. Например, владелец сведений, охраняемых в режиме коммерческой тайны, в случае их разглашения контрагентами, государственными органами, их должностными лицами или иными субъектами может обратиться за защитой нарушенного права в один из судов общей юрисдикции или третейский суд. В соответствии с белорусским законодательством, осуществление недобросовестной конкуренции между субъектами предпринимательства и хозяйствующими субъектами не допускается. Незаконное получение, использование или разглашение конкурентами сведений, составляющих коммерческую тайну, может нанести вред их обладателю. Отметим, что Законом Республики Беларусь от 12 декабря 2013 г. № 94-З «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» установлен прямой запрет на такие действия. Таким образом, лицо, чьи права на коммерческую тайну были нарушены, может использовать административный порядок их защиты. Для этого ему необходимо обратиться в Министерство антимонопольного регулирования и торговли (далее – МАРТ) Республики Беларусь. Именно названный государственный орган антимонопольного регулирования при достаточности оснований может вынести соответствующее предупреждение конкурирующему субъекту.

Административный порядок защиты прав субъектов на информацию также может применяться и при защите прав потребителей на информацию. Указанные субъекты гражданских правоотношений могут обращаться за помощью для восстановления его нарушенного права в республиканские органы государственного управления Республики Беларусь (МАРТ, Комитет государственного контроля, Министерство сельского хозяйства и продовольствия и др.), а также местные исполнительные комитеты. Например, если потребителю был продан товар, оказана услуга или выполнена работа без предоставления необходимой и достоверной информации о них, он имеет право обратиться в один из перечисленных органов с заявлением, в котором будут указаны все необходимые обстоятельства. Уполномоченный орган обязан отреагировать на поступившее сообщение, и может вынести предписание лицу, реализовавшему товар, оказавшему услугу или выполнившему работу, о приостановлении его деятельности до устранения допущенных им нарушений.

В теории гражданского права, помимо судебного и административного порядков защиты нарушенных прав, предусмотрен и смешанный (административно-судебный) порядок. Однако, по мнению отдельных авторов не во всех случаях возможно его применение. Так, в отношениях, складывающихся по поводу коммерческой тайны, его использование затруднительно. В частности, Р.В. Северин объясняет это тем, что «смешанный административно-судебный порядок защиты права на коммерческую тайну, законом не установлен» [10, с. 112]. Вместе с тем, по нашему мнению, он применим в других сферах, например, при рассматриваемой нами выше защите прав потребителей на информацию.

Отметим, что потребители, выбирая юрисдикционную форму защиты своих прав и законных интересов, могут обращаться не только в государственные административные и судебные органы, но и в общественные объединения, которые наделены соответствующими полномочиями. Такие организации не могут самостоятельно привлечь к ответственности лицо, не предоставившее информацию, необходимую для удовлетворения интересов потребителя. Однако, для этого общественное объединение может обращаться в уполномоченные государственные органы, а также в суд или предъявлять претензию изготовителю/продавцу товара, исполнителю услуги или работы для возмещения убытков в досудебном порядке. На наш взгляд, общественный порядок защиты права на информацию можно назвать одной из разновидностей юрисдикционной формы защиты.

Также необходимо отметить, что выбор того или иного порядка защиты права на информацию зависит от того, на какой вид конфиденциальных сведений они распространяются. К примеру, административный порядок защиты, как правило, применим только для защиты права на общедоступную информацию (сведения о товарах (работах, услугах); о льготах и компенсациях, предоставляемых государством физическим и юридическим лицам; накапливаемые в открытых информационных системах, созданных для информационного обслуживания населения и т.д.). Судебный порядок применяется как для защиты права на общедоступную, так и нераскрытую информацию, охраняемую в различных режимах конфиденциальности (коммерческая тайна, профессиональная тайна, личная и семейная тайна, нотариальная тайна и т.д.). Таким образом, указанный порядок защиты права в рамках юрисдикционной формы защиты права на информацию является универсальным и может быть использован при возникновении её объективной необходимости.

Что касается неюрисдикционной формы защиты прав субъектов на информацию, то она представлена самозащитой права. В соответствии со ст. 11 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) данная категория отнесена к способам защиты гражданских прав. Вместе с тем ряд правоведов подвергают сомнению целесообразность такого отнесения. Так, Е.В. Ермоленко полагает, что «самозащиту субъективных гражданских прав следует рассматривать как форму, а не способ защиты, как указано в ст. 11 ГК» [5, с. 269]. Придерживается этого мнения Д.Н. Латыпов, который отмечает, что «выбор формы защиты является первичным по отношению к выбору конкретного способа защиты, реализуемого уже в выбранной форме» [9, с. 23]. Полагаем, что приведенные точки зрения являются наиболее обоснованными, так как понятие «форма защиты» шире понятия «способ защиты», так как она, собственно, и содержит в себе определенные способы защиты прав.

Самозащита права на информацию проявляется в определенных действиях управомоченного субъекта, направленных на защиту информации от посягательства иных субъектов. Одним из ее признаков является односторонний характер. Лицо, чьи права на ту или иную информацию были нарушены, самостоятельно, без помощи третьих лиц, осуществляет защиту таких прав в виде фактических или юридических действий. В отличие от ст. 14 ГК Российской Федерации, ст. 11 ГК Республики Беларусь допускает самозащиту только в том случае, если право уже было нарушено. Существующая норма ограничивает субъекта в действиях, направленных на предупреждение нарушения его права на информацию, и, на наш взгляд, нуждается в корректировке. Одним из путей решения данной проблемы, по мнению С.Г. Мухина, может быть внесение изменений в ГК Республики Беларусь. В частности, ученый предлагает законодательное закрепление нормы, которая допускает самозащиту не только в случае нарушения гражданских прав, но и при наличии реальной угрозы нарушенного права [11, с. 7]. По нашему мнению, реализация предложений названного правоведа открывает субъектам возможность использования самозащиты права на информацию еще до его нарушения, тем самым, нося профилактический характер.

Отметим, что самозащита права на информацию имеет свои способы. Здесь следует согласиться с позицией Е.В. Лаевской, в том, что «выбор способа самозащиты определяется в зависимости от того, какое именно гражданское право нарушено» [12, с. 212]. Например, непредоставление сведений о товаре влечет нарушение права потребителя на получение информации о нем, а размещение сведений личного характера близким родственником субъекта без его согласия ведет к нарушению права на тайну. В первом случае лицо, чье право было нарушено, может самостоятельно обратиться к продавцу/производителю с требованием предоставить необходимую информацию, а также потребовать возмещение причиненного ущерба. Во втором – потребовать удаления из сети Интернет размещенных сведений. Что касается использования субъектами таких прав, как «необходимая оборона» и «крайняя необходимость», то с учетом того, что информация является нематериальным благом, а отношения по поводу неё в первую очередь носят неимущественный характер, то такие способы защиты права в рассматриваемой сфере, на наш взгляд, фактически не применимы.

В настоящее время ГК Республики Беларусь не содержит перечня способов самозащиты права. Вместе с тем анализ законодательства и возникающих по поводу информации правоотношений позволяет выделить некоторые способы, предусмотренные существующими нормами, а также выделяемые в гражданско-правовой доктрине. Они могут быть использованы при определенных условиях. К таким способам можно отнести: отказ в даче согласия на обработку персональных данных (в соответствии с Законом Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных»), отказ от исполнения договора по оказанию информационных или цифровых услуг (может быть использован при условии выполнения п. 1 ст. 736 ГК), отказ от получения предоставляемой информации (в случае использования обладателем или информационным посредником технических средств для предоставления информации) и другие способы, предусмотренные законодательством или гражданско-правовым договором. Наличие названных способов подтверждает возможность использования субъектами самозащиты как одной из важных форм защиты гражданских прав на информацию.

Необходимо учитывать, что любое лицо в Республике Беларусь может отстаивать свои права и интересы как самостоятельно, так и путем обращения к уполномоченным субъектам. Важно заметить, что «защита гражданских прав базируется на усмотрении и активном поведении самих заинтересованных лиц» [13, с. 177]. Это свидетельствует о том, что перед субъектами открыта широкая возможность выбора использования или неиспользования того или иного способа защиты. В действующем белорусском законодательстве имеется множество различных способов защиты тех или иных гражданских прав. В основном свое закрепление они получили в ГК.

Отметим, в кодифицированных законодательных актах всех стран ЕАЭС имеются схожие перечни способов защиты гражданских прав, которые являются открытыми. Тем не менее, не все из них могут применяться для защиты прав субъектов на информацию, поэтому полагаем целесообразным проведение систематизации и классификации способов защиты того или иного права по различным основаниям в исследуемой сфере.

По нашему мнению, одним из критериев систематизации способов защиты права на информацию является видовой признак. Опираясь на него, можно выделить: *способы защиты права на общедоступную информацию* и *способы защиты права на конфиденциальную информацию*. Первая группа способов будет включать те, которыми обеспечивается защита права на доступ и получение необходимой информации. Они преимущественно будут связаны с защитой прав потребителей. Ранее нами уже отмечалось, что предоставление субъекту достоверных сведений о товарах (работах, услугах) является неперенным условием развития возникающих гражданских правоотношений между ним и иными субъектами (продавцами, изготовителями, исполнителями и т.д.) [14, с. 371]. Так как, предоставляемая физическим лицам информация о товарах (работах, услугах) тесно связана с их качеством, она должна соответствовать требованиям, предъявляемым Законами Республики Беларусь от 9 января 2002 г. № 90-З «О защите прав потребителей» (далее – Закон о защите прав потребителей) и от 16 июля 2008 г. № 405-З «О защите прав потребителей жилищно-коммунальных услуг». Лица, чьи права были нарушены непредоставлением надлежащих сведений, могут использовать способы защиты, предусмотренные указанными нормативными правовыми актами. Так, к ним относятся возмещение убытков, взыскание неустойки, требование о возмещении обязательства в натуре (например, при необходимости реального исполнения информационной услуги или передачи носителя информации) и др.

Вторая группа выделяемых по видовому признаку способов защиты гражданских прав включает те из них, которые используются субъектами в случае нарушения конфиденциальности принадлежащих им сведений. Здесь интересы связаны с необходимостью сохранения информации в недоступности для других лиц путем установления режима различных видов тайн (коммерческая тайна, служебная тайна, профессиональная тайна, личная тайна, семейная тайна и др.) и восстановления нарушенного права в случае их разглашения. Кроме того, необходимо отметить, что выбор способа защиты в данном случае также зависит и от вида установленного режима конфиденциальности. Правоведами выделяются особенности защиты права на информацию, охраняемую в режиме коммерческой тайны. Например, они выделяют такие способы, как признание недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления в сфере коммерческой тайны (если правообладателю «предписано раскрыть секретность информации, однако он считает, что действия соответствующего органа выходят за пределы его компетенции и противоречат закону»); восстановление положения существовавшего до нарушения права; признание оспоримой сделки недействительной («когда правонарушение еще не привело к полному прекращению самого нарушенного права, и имеется фактическая возможность ликвидации последствия нарушения»); требование о признании права («в ситуации принятия нанимателем решения о сохранении служебного изобретения в тайне и попытке работника подать заявку на получение патента»); взыскание неустойки («в случае наличия соответствующих условий в договоре») [10, с. 120–121; 13, с. 177] и др. На наш взгляд, применение указанных способов позволяет обеспечивать системную защиту гражданских прав на информацию, в отношении которой установлен режим коммерческой тайны.

Еще одним критерием, на котором может быть построена система способов защиты в рассматриваемой сфере, является зависимость использования сведений в различных правоотношениях (по мере определенности обязанных субъектов). Так, О.Ю. Сидорова определяет информацию в качестве объекта как абсолютных, так и относительных гражданских правоотношений [15, с. 9]. Полагаем, что в данном случае следует выделять: *способы защиты гражданских прав на информацию в относительных правоотношениях* и *способы защиты гражданских прав на информацию в абсолютных правоотношениях*.

Первая категория будет включать в себя те способы, которые применяются при возникновении обязательств по передаче, обеспечению доступа, неразглашению сведений и т.д. Информация, являясь нематериальным благом, может являться предметом договора по оказанию информационных услуг. Следовательно, несвоевременная передача сведений или их непредоставление делают такое обязательство неисполненным. Кроме того, в сфере защиты сведений, представляющих коммерческую ценность, между их владельцем и лицами, получившими доступ к такой информации, допускается заключение обязательства о неразглашении коммерческой тайны. Право владельца таких сведений может защищаться как путем заключения отдельного соглашения о конфиденциальности, либо включения «в допсоглашения в качестве дополнительных условий к уже заключенным договорам» [16, с. 89]. В случае неисполнения обязательства, заинтересованная сторона может потребовать его исполнения или прекращения действия, нарушающего её право на информацию, а также использовать иные способы гражданско-правовой защиты.

Во втором случае речь идет об использовании способов, направленных на защиту интересов субъектов в правоотношениях, которые носят абсолютный характер. Они применяются при обеспечении конфиденциальности сведений, а также при нарушении исключительных прав.

Некоторые ученые считают, что абсолютное право на информацию неразрывно связано с правом собственности. По мнению одних, информацию можно «рассматривать как объект права собственности и элемент состава имущества юридических и физических лиц» [17, с. 12]. Другие дают определение понятию «собственность на

информацию» [18, с. 14]. Позиция авторов, относящих её к объектам права собственности, строится на том, что субъекты могут владеть, пользоваться и распоряжаться имеющимися у них сведениями. Сегодня вопрос об отнесении информации именно к объектам права собственности носит дискуссионный характер. Так, иного мнения придерживается Л.Б. Ситдикова, которая причисляет информацию к нематериальным благам [19, с. 46]. О.Ю. Сидорова отстаивает ту позицию, согласно которой «абсолютное гражданское право на информацию является исключительным правом особого рода» и определяет его как «возможность лица обладать, пользоваться и распоряжаться принадлежащей ему информацией по своему усмотрению и в своем интересе путем совершения в отношении этой информации любых действий, не противоречащих закону и иным правовым актам и не нарушающих права и охраняемые законом интересы других лиц» [15, с. 11]. Принимая во внимание данную точку зрения, можно сделать вывод о том, что при определенных условиях права на информацию в таких правоотношениях могут защищаться некоторыми способами, применяемыми для защиты объектов права интеллектуальной собственности (например, компенсация, изъятие экземпляров носителей информации и др.).

Стоит отметить, что важным аспектом классификации способов защиты гражданских прав на информацию является субъектный состав правоотношения, в котором возникает необходимость их использования. По данному принципу можно выделить *способы, применяемые для защиты прав на информацию физических лиц*, и *способы, применяемые для защиты прав на информацию юридических лиц и публичных образований*. В частности, среди первых можно выделить компенсацию морального вреда. Он может быть использован как в договорных правоотношениях (например, в случае предоставления гражданину некачественной информационной или цифровой услуги), так и в случае возникновения между субъектами внедоговорных обязательств (к примеру, в случае разглашения субъектом личной тайны гражданина). На наш взгляд, компенсация морального вреда является как основным способом гражданско-правовой защиты для физических лиц, так и мерой гражданско-правовой ответственности субъекта, нарушившего права владельца таких сведений.

Кроме того, отметим, что юридические лица и публичные образования (в лице государственных органов) не могут использовать указанный способ защиты права на информацию в связи со спецификой своей правосубъектности. Тем не менее, данные лица в ходе осуществления предпринимательской и хозяйственной деятельности несут риск репутационных потерь и снижения уровня «гудвилла» на рынке в целом в случае разглашения (распространения) порочащих сведений, инсайдерской или иной конфиденциальной информации о деятельности организаций. В связи с этим рядом авторов (Т.А. Борычева, Е.Г. Дюбко, Д.В. Санников и др.) предлагается использование такого способа защиты как «компенсация нематериального вреда». Белорусским законодательством такой способ защиты не предусмотрен, хотя в то же самое время он встречается в гражданско-правовой доктрине и, полагаем, может быть отнесен к выделяемым по второму критерию.

По нашему мнению, среди способов защиты гражданских прав на информацию также можно выделить: *предупредительные* и *восстановительные*. Суть первых заключается в недопущении нарушения права обладателя сведений, в то время как вторые используются уже после правонарушения. В частности, одним из предупредительных способов будет *пресечение действий, нарушающих право на информацию или создающих угрозу их нарушения* (например, запрещение бывшим работникам организации распространять (разглашать) сведения ограниченного распространения (служебную тайну) на протяжении определенного периода времени после увольнения). Данный способ раскрывается через норму, содержащуюся в п. 6 ст. 364 ГК и ставшей новеллой для белорусского законодательства. Она закрепила возможность обладателей сведений пресекать действия разглашающих или распространяющих их субъектов. В законодательстве Российской Федерации воздержание кредитором от совершения определенного действия получило название «негативное обязательство». В Республике Беларусь подобная норма позволяет кредитору (в лице обладателя) не только требовать от должника (обязанный субъект) пресечения распространения (разглашения) информации, когда оно уже произошло, но и в случае возникновения их угрозы.

Ко второй группе рассматриваемых способов защиты права на информацию следует относить те, которые применяются для восстановления нарушенного права субъекта. Так, среди них можно выделить: признание права на информацию (например, право авторства размещенного в сети исследования и опубликованного под чужим именем), возмещение убытков, взыскание неустойки и т.д.

Учитывая, что основными целями защиты гражданских прав на информацию являются пресечение их нарушения и последующее восстановление нарушенных прав, немаловажным основанием для их классификации может быть сфера их использования. В частности, одни будут использоваться субъектами в сфере защиты прав потребителей для восстановления нарушенного права на получение надлежащей информации о товарах, работах и услугах (взыскание неустойки, предоставление надлежащих сведений по решению суда и т.д.); вторые – в предпринимательской деятельности для защиты коммерческой тайны организации (возмещение убытков, прекращение правоотношения с контрагентами); третьи – при обеспечении неприкосновенности частной жизни для прекращения действий, нарушающих право на конфиденциальность сведений (например, требование об удалении из социальных сетей информации, составляющей личную или семейную тайну, и последующая компенсация морального вреда); четвертые – при осуществлении правовой охраны объектов интеллектуальной собственности для компенсации потерь от нарушенного права авторства, смежных прав и др.

Таким образом, классификация способов защиты гражданских прав субъектов на информацию придает системный характер их правовому механизму. Выбор того или иного способа зависит от конкретного результата,

на который он направлен. Правильно выбранный способ защиты позволяет не только упредить правонарушение или восстановить нарушенное право, но и несет воспитательную функцию. Это объясняется тем, что некоторые из них, облекаясь в меру гражданско-правовой ответственности, сдерживают субъектов от совершения правонарушений (бездействия) с информацией.

Наряду с рассмотренными способами, защита прав на информацию обеспечивается и различными гражданско-правовыми средствами. По своей сути они являются некоторой формой обращения субъекта в судебный или иной орган государственной власти, обладающий установленной компетенцией, а также к субъекту, нарушившему право обратившегося лица на информацию, с целью его восстановления или недопущения нарушения данного права. По мнению Б.С. Монгуш, «средства защиты гражданских прав реализуются путем их применения и использования субъектами права» [20, с. 141]. Отметим, что отсутствие возможности использования лицами имеющихся средств препятствует осуществлению защиты права как на конфиденциальные, так и общедоступные сведения. Среди средств защиты права на информацию в законодательстве Республики Беларусь можно отметить: заявление, иск, жалобу, предписание, претензию и др.

Наиболее часто встречающимися среди них, по нашему мнению, являются иск и жалоба. Так, они составляют при решении споров с юридическим лицом или государственным органом, не предоставившим информацию, которая относится к категории общедоступных сведений, или в случае нарушения порядка информирования (например, накапливаемая в информационных системах и предназначенная для информационного обслуживания населения), в судебном порядке. Названные средства могут быть выражены в документах, формы которых устанавливаются гражданским процессуальным законодательством.

К важным средствам защиты рассматриваемого права следует отнести и претензию. Так, например, потребитель, которому была предоставлена недостоверная информация о товаре (работе, услуги), может обратиться к предоставившему её субъекту, с требованием об устранении нарушений. Такая возможность предусмотрена действующим законодательством. Указанное средство защиты может быть использовано, в том числе, и через общественное объединение, которое в рамках юрисдикционной формы защиты представляет интересы потребителя.

Предписание как средство защиты прав на информацию также может быть использовано субъектами гражданских правоотношений. Как уже отмечалось ранее, оно выносится уполномоченным государственным органом в адрес лица, нарушившего права субъекта на информацию и обратившегося за помощью для его защиты. В частности, предписание может быть вынесено органами прокуратуры в адрес государственного органа, иной организации или индивидуального предпринимателя, нарушивших законодательство. В данном случае, его форма определяется Законом Республики Беларусь от 08.05.2007 г. № 220-3 «О прокуратуре Республики Беларусь». Предписание, в первую очередь, является средством, применяемым при административном порядке защиты.

Что касается средств самозащиты права на информацию, то гражданским законодательством субъектам предоставлена возможность использования своих непосредственных действий, облекаемых в любую незапрещенную законом форму. В случае, когда лицо, чье право на какие-либо сведения нарушается, не обращается за защитой в государственные либо иные органы, может иметь место непосредственное обращение к правонарушителю. Например, требование о прекращении распространения информации о частной жизни субъекта может быть обличено в форму электронного письма или видеосообщения.

Так, на современном этапе в условиях информатизации и цифровизации общественных отношений требуется актуализация не только системы способов самозащиты гражданских прав, но и представляется необходимым закрепление новых видов средств защиты – *«цифровых средств самозащиты гражданских прав»*. К таковым можно отнести заявления субъекта о необходимости прекращения нарушения того или иного принадлежащего ему права, в том числе на информацию, направленные в виде: электронного письма, электронного сообщения или видеосообщения в мессенджерах, размещения требования на личных страницах в социальных сетях, открытых для доступа других субъектов, и так далее. На наш взгляд, указанные средства могут быть использованы в качестве разновидностей юридически значимых сообщений, закрепленных нормами ст. 166-1 ГК.

В связи с тем, что в гражданских правоотношениях наиболее уязвимыми являются такие субъекты, как потребители, а предоставление недостаточной или недостоверной информации может причинить вред их законным интересам, предлагаем изложить абз. 2 п. 1 ст. 15 Закон о защите прав потребителей в следующей редакции:

«Потребитель вправе предъявить требования, предусмотренные настоящим Законом, продавцу (изготовителю, поставщику, представителю, исполнителю, ремонтной организации) по месту его нахождения (месту жительства), а также по месту нахождения торгового объекта (объекта обслуживания), где были нарушены права потребителя, либо независимо от места их нахождения посредством электронных или видеосообщений в социальных сетях, мессенджерах и иными цифровыми средствами, использование которых не запрещено законодательными актами».

С нашей точки зрения, предлагаемая норма даст реальную возможность осуществления самозащиты нарушенного права на информацию субъектами с помощью цифровых средств. Кроме того, законодательное закрепление таких средств создаст условия для их последующей систематизации.

Заключение. Таким образом, проведенный анализ положений белорусского законодательства, а также изученные позиции ученых по рассматриваемой теме, позволяют сделать некоторые выводы.

Защита гражданских прав на информацию включает в себя комплекс мер правового характера, направленных на восстановление прав субъекта, нарушенных в результате разглашения конфиденциальных сведений, искажения, непредоставления или ограничения в ознакомлении со сведениями, доступ к которым не может быть ограничен в соответствии с законодательными актами. Ее осуществление происходит в зависимости от разновидности защищаемого права (на доступ к информации, на тайну, на получение сведений и т.д.) и непосредственно оказывает влияние на выбор и использование субъектами форм, способов и средств защиты нарушенного права. Судебный порядок, в рамках которого может быть защищено любое нарушенное право на информацию, независимо от её вида (нераскрытая, общедоступная и др.), является наиболее универсальным при реализации защиты гражданских прав в юрисдикционной форме.

Классифицировать способы защиты гражданских прав можно по следующим критериям: по виду сведений (в том числе, в зависимости от вида режима ограниченного доступа); по субъектному составу, осуществляющему защиту права; по критерию целевого назначения защиты; по мере определенности обязанных субъектов; по сфере использования и другим. Систематизация способов защиты гражданских прав субъектов на информацию позволяет структурировать механизм их защиты и совершенствовать порядок гражданско-правовой защиты прав на информацию в целом. Средства самозащиты выделяются среди средств, используемых для защиты гражданских прав на информацию. В условиях интенсивного развития процессов информатизации и цифровизации гражданских правоотношений необходимо законодательное закрепление «цифровых средств самозащиты гражданских прав» и их последующая систематизация. В связи с чем предлагается внесение изменений в законодательство о защите прав потребителей.

В современных условиях продуктивная защита субъективных прав на информацию возможна при комплексном использовании предусмотренных белорусским законодательством форм, способов и средств гражданско-правовой защиты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гавриленко В.Г. Юридический словарь / под науч. ред. Н.И. Ядевич. – Минск: Право и экономика, 2013. – 951 с.
2. Бабаков В.А. Гражданско-правовая защита интересов государства / под науч. ред. Е.В. Вавилина. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 344 с.
3. Мазаев Д. В. Соотношение категорий «Правовая охрана» и «Правовая защита» в контексте отраслей российского права и законодательства // Общество и право. – 2013. – № 4. – С. 25–29.
4. Латыпов Д.Н. К вопросу об определении защиты и охраны гражданских прав. Теоретико-доктринальное исследование // Закон и право. – 2018. – № 6. – С. 71–74.
5. Гражданское право. Общая часть: учеб. пособие / В.А. Витушко, Н.Л. Бондаренко, К.К. Уржинский, Е.В. Уржинская, Е.М. Ефременко и др.; под. ред. В.А. Витушко, М.Н. Шимкович. – Минск: Акад. управ. при Президенте Респ. Беларусь, 2022. – 464 с.
6. Ермоленко Е.В. К вопросу о содержании правовой категории «форма защиты гражданских прав и законных интересов»: постановка проблемы // Актуальные проблемы гражданского права. – 2016. – № 2. – С. 56–64.
7. Богданова Е.Е. Формы и способы защиты гражданских прав и интересов // Журнал российского права. – 2003. – № 6. – С. 39–45.
8. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. – М.: Статут, 2001. – 411 с.
9. Латыпов Д.Н. Система способов защиты гражданских прав в Российской Федерации: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук: 5.1.3 / Ульянов. гос. ун-т. – Ульяновск, 2022. – 38 с.
10. Северин Р.В. Механизм защиты прав на коммерческую тайну. – М.: ЛИБРОКОМ, 2016. – 256 с.
11. Мухин С.Г. Определение самозащиты как способа защиты гражданских прав // Вестн. Белор. гос. экон. ун-та. – 2014. – № 6. – С. 102–107.
12. Лаевская Е.В. К вопросу о содержании самозащиты субъективных гражданских прав // Право и демократия: сб. науч. тр. / Белор. гос. ун-т; редкол.: В.Н. Бибило и др. – Минск, 2013. – Вып. 24. – С. 197–216.
13. Лосев С.С. Научно-практический комментарий к Закону Республики Беларусь «О коммерческой тайне». – Минск: Бизнес-софсет, 2016. – 208 с.
14. Тарасов П.А. К вопросу о гражданско-правовых способах и средствах защиты прав потребителей на информацию // Правовая политика, наука, практика – 2024: сб. материалов Респ. науч. практ. конф., Минск, 10 окт. 2024 г. / Нац. центр законодательства и правовой инфор. Респ. Беларусь; редкол.: Е.В. Семашко и др. – Минск, 2024. – С. 370–374.
15. Сидорова О.Ю. Информация как объект абсолютных и относительных гражданских правоотношений: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Волгогр. акад. МВД России. – Волгоград, 2003. – 30 с.
16. Парашенко В.В. Соглашение о конфиденциальности и его реализация в инвестиционной деятельности: теоретико-правовой аспект // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2022. – № 1. – С. 87–94.
17. Информация как объект права собственности / В.К. Новиков, И.С. Рекунков, Д.В. Сироткин, А.А. Тыртышный // Вестн. Росс. нового ун-та. Сер.: Человек и общество. – 2017. – № 2. – С. 11–14.
18. Латыпов И.А. Собственность на информацию как социально-философская проблема : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11 / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург, 2009. – 39 с.
19. Ситдикова Л.Б. Информация как правовая и как гражданско-правовая категория: статус информации в гражданском праве // Гражданское право. – 2007. – № 2. – С. 41–47.
20. Монгуш Б.С. Функции средств защиты гражданских прав // Вестн. Саратов. гос. юрид. акад. – 2012. – № 3. – С. 140–144.

Поступила 14.02.2025

**CIVIL LAW FORMS, WAYS AND MEANS OF PROTECTING
THE SUBJECTS' RIGHTS TO INFORMATION****P. TARASOV***(Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Minsk)*

The article considers certain elements of the mechanism of protection of civil rights to information, its forms, ways and means. The order of civil law protection of the right to information is defined, including the analysis of the judicial order of protection. Based on the study of available theoretical studies of relevant problems, as well as approaches of domestic and foreign civilists, the classification of ways of protection of civil rights to information is proposed. In the process of comprehension of the means of protection of the named rights, proposals for the development and systematization of digital means of self-protection are made.

Keywords: *civil legal relations, information, protection of civil rights, self-protection of the right, methods of protection, means of protection, subjective rights, forms of protection.*

УДК 341.1/8+349.6

DOI 10.52928/2070-1632-2025-70-1-104-108

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ХИМИЧЕСКИМИ ЗАГРЯЗНЕНИЯМИ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

д-р юрид. наук, доц. О.Н. ТОЛОЧКО
(Белорусский государственный университет, Минск)
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5612-7033>

Статья посвящена актуальным проблемам международного экологического права и национального законодательства Республики Беларусь, связанным с химическими загрязнениями окружающей среды. Развитие промышленного производства, увеличение потребления товаров, содержащих химические загрязнители, рост количества отходов производства и потребления, а также глобальное изменение климата обусловили необходимость активизации усилий государств в защиту окружающей среды от химических загрязнений. Автор анализирует нормы международного права, программы ЮНЕП, ЕАЭС по защите окружающей среды и предлагает ряд законодательных изменений, в частности, введение института комплексных экологических разрешений. Это, по мнению автора, позволит реализовать комплексный подход к окружающей среде и распространить разрешительную систему на все виды деятельности, загрязняющей окружающую среду, обеспечит контроль уровня образования отходов и обращения с ними, предотвращение загрязнения почвы и подземных вод, снизит количество аварийных ситуаций и их последствий, обеспечит участие общественности и ее информирование о принятии решений, минимизирует вероятность трансграничного переноса загрязняющих веществ и, в конечном счете, будет способствовать достижению Целей устойчивого развития.

Ключевые слова: международное экологическое право, химические загрязнения, законодательство, экологические разрешения, ЕАЭС, ЮНЕП.

Введение. Важным направлением международного сотрудничества в экологической сфере является предупреждение и управление в области загрязнений окружающей среды химическими веществами. Развитие промышленного производства, увеличение потребления товаров, содержащих химические загрязнители, рост количества отходов производства и потребления, а также глобальное изменение климата обусловили необходимость активизации усилий государств в борьбе с химическим загрязнением окружающей среды. Рост объемов таких загрязнений и связанные с ним проблемы охраны окружающей среды, здоровья и благополучия населения актуализируют правовые проблемы, связанные с противодействием этой угрозе, в том числе в рамках международного сотрудничества.

Цель исследования состоит в определении влияния проблемы химических загрязнений на развитие соответствующих норм международного права, права ЕАЭС и законодательства Республики Беларусь, а также в выработке практических предложений по совершенствованию указанных норм. Методологическую основу исследования составили диалектико-материалистический метод познания, метод системного анализа, формально-юридический и др.

Основная часть. По данным Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП), человечество производит около 2,3 млрд т твердых бытовых отходов в год,¹ причём большая часть этих отходов выделяет парниковые газы или ядохимикаты. Свалки по всему миру заполняют, в том числе, электроника от компьютеров до телефонов, поскольку политика производителей поощряет потребителей приобретать новые устройства, а не ремонтировать старые. Широко используются пластмассы и различные химические вещества: ртуть в электронике, свинец в косметике, стойкие органические загрязнители в чистящих средствах и т.д. Всё это подтверждает высокую актуальность исследований, направленных на повышение эффективности международного сотрудничества по борьбе с химическими загрязнениями окружающей среды. Указанным проблемам посвящены работы Н.А. Соколовой [1], А.М. Солнцева [2], М.У. Хайрутдинова [3], С. Алам, Л. Нурхидая [4], Н. Назир, Ф. Фуруока [5] и др. Вместе с тем, низкие темпы имплементации норм международного права и рекомендаций международных организаций в рассматриваемой области, недостаточность практических результатов по сокращению химических загрязнений и управлению в сфере химических производств дают основания вновь обращаться к рассматриваемым правовым проблемам.

Основными источниками норм международного права по предупреждению и управлению в области охраны окружающей среды от загрязнений химическими веществами являются в настоящее время Конвенция о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния 1979 г. с Протоколами, Венская конвенция об охране озонового слоя 1985 г., Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой, 1987 г., Базельская конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением 1989 г., Роттердамская конвенция о процедуре предварительного обоснованного согласия в отношении отдельных опасных химических веществ и пестицидов в международной торговле 1998 г., Стокгольмская конвенция о стойких органических загрязнителях 2001 г. (во всех указанных Конвенциях участвует Республика Беларусь); Минаматская

¹ URL: <https://www.unep.org/ru/novosti-i-istorii/istoriya/vosem-sposobov-preodolet-krizis-svyazannyi-s-zagryazneniem-i-otkhodami>.

конвенция о ртути 2013 г. (Беларусь, как и Россия, подписала, но не ратифицировала данную Конвенцию), а также ряд Конвенций МОТ, регулирующих вопросы безопасности химических производств: Конвенция МОТ № 170 о химических веществах 1990 г. (Беларусь не участвует), Конвенция МОТ № 174 о предотвращении крупных промышленных аварий 1993 г. (Беларусь не участвует) и некоторые другие.

В 2023 г. под эгидой ЮНЕП была принята Глобальная рамочная программа по химическим веществам.² Программа является комплексным планом по решению проблемы жизненного цикла химических веществ, включая продукты и отходы, на основе международного сотрудничества заинтересованных сторон. Программа определяет 5 стратегических целей и 28 задач по рациональному управлению химическими веществами и отходами, в реализации которых предполагается участие не только государств (правительств), но и частных компаний, а также общественных организаций. Помимо прочего, Программа предусматривает механизмы финансирования, – как и во многих других экологических соглашениях и программах это движение средств от богатых стран к менее обеспеченным. Был создан специальный фонд, получателями средств из которого могут быть правительства развивающихся стран и стран с переходной экономикой. В исключительных случаях за поддержкой могут обратиться представители неправительственных организаций.

Программа обращает внимание на важность регионального сотрудничества и координации (п. С раздела VI). Регионам рекомендуется определить общие приоритеты, разработать планы по рациональному регулированию химических веществ и назначить региональный координационный орган. Указанная рекомендация представляется актуальной для ЕАЭС, без проактивной позиции которого трудно будет осуществить реально эффективные шаги по решению проблемы химических загрязнений. Экологические проблемы в одном государстве-участнике чаще всего имеют трансграничный характер и влияют на экологическую обстановку в других странах. Это обстоятельство нашло отражение в Решении Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 г. № 12 «О стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года», в соответствии с которым «одним из интеграционных приоритетов является <...> разрешение существующих экологических проблем и обеспечение устойчивого развития. В этой сфере предполагается объединение усилий по созданию и использованию новых технологий и инноваций, в том числе <...> моделей циркулярной экономики, биоинженерии и нанотехнологий»³.

В настоящее время экологическая политика ЕАЭС сконцентрирована на 4 основных направлениях: декарбонизация и регулирование выбросов парниковых газов; «зеленые» технологии в сфере транспорта; «зеленая» энергетика; «зеленое» финансирование и ESG-стандарты. В отношении непосредственно химических загрязнений комплексных планов пока нет, хотя отдельные вопросы ставятся в повестку. Так, подчеркивается важность ограничения пластика и значимость зеленой металлургии. Однако темпы, с которыми принимаются соответствующие меры, неудовлетворительны. К примеру, согласно Стратегии, члены ЕАЭС в 2022 г. обязались подвергнуть вопрос относительно пластика научному изучению, провести анализ, собрать необходимые данные, подготовить обоснование, а в 2023 г. планировали дать прогноз относительно запрета на ввоз отдельных видов пластика, в том числе и о последствиях такого решения [6, с. 115]. С учетом того, что есть большое количество мировых разработок по борьбе с пластиковыми загрязнениями, вряд ли можно согласиться с обоснованностью таких сроков. В целом очевидно, что экологическая проблематика не приобрела на данный момент в ЕАЭС того приоритетного значения, которого она, без сомнения, заслуживает в условиях глобального изменения климата и нарастания проблем, связанных с общим загрязнением окружающей среды.

Согласно положениям Глобальной рамочной программы ЮНЕП по химическим веществам, значительная роль в формировании рационального подхода к регулированию химических веществ принадлежит правительствам, поскольку именно на национальном уровне реализуются основные мероприятия по снижению выбросов и загрязнений. В этой связи целесообразным является принятие национального плана действий и назначение координационного органа по взаимодействию с заинтересованными государственными и общественными структурами, а также региональными (ЕАЭС, СНГ) и универсальными (ЮНЕП) международными организациями. Такой орган, помимо прочего, может взять на себя просветительскую функцию, продвигая экологичные формы поведения граждан и юридических лиц, проводить консультации с представителями соответствующих секторов экономики и других заинтересованных сторон, участвовать в международных конференциях и координировать взаимодействие с органами здравоохранения, сельскохозяйственными объединениями, профсоюзами и т.д. в решении приоритетных задач по уменьшению химических загрязнений и рациональному управлению химической промышленностью.

Сравнительно новой экологической проблемой является утилизация батарей электромобилей, с которой в самое ближайшее время столкнется и Беларусь, и ЕАЭС. На данный момент утилизация и повторное использование аккумуляторных батарей электромобилей регулируется лишь в некоторых странах Европы и Китае; где-то (Канада, Индия) правила лишь разрабатываются. В ряде стран (США, Канада) действуют правила переработки

² URL: https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/46685/global_framework_chemicals_Planet_RU.pdf?sequence=4&isAllowed=y.

³ URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01428320/scd_12012021_12.

таких батарей. Однако в большинстве государств планеты регулирование практически отсутствует. Поиском механизмов для повторного применения батарей электрокаров занимаются крупные автопроизводители, такие как Nissan, General Motors, Tesla, Mitsubishi, Ford. Nissan создал отдельное совместное предприятие с Sumitomo Corporation для содействия альтернативному применению батарей Nissan Leaf, которые впоследствии попадут на вторичный рынок. Некоторые автопроизводители (Renault) внедряют бизнес-модель для повторного использования аккумуляторных батарей, в соответствии с которой аккумуляторная батарея сдается в аренду собственнику транспортного средства, в то время как право собственности на аккумуляторную батарею сохраняется за производителем. После выработки батареи эксплуатационного ресурса производитель заменяет её на новую по минимальной цене. Впоследствии аккумуляторные батареи либо восстанавливаются в качестве запасных, либо подвергаются утилизации для повторного использования компонентов.

Утилизацией батарей электромобилей в промышленном масштабе в Европе занимаются только две компании – бельгийская Umicore и немецкая Redox, причем их техпроцессы сводятся в основном к восстановлению металлов – меди, никеля и кобальта. Соединения ценного лития не перерабатывают из-за слишком высокой стоимости процесса, делающей переработанный литий гораздо дороже добываемого из недр. Таким образом, литий-ионные батареи электромобилей перерабатываются в странах ЕС лишь на 70%.⁴

Сама переработка включает в себя следующие этапы: сбор отслуживших аккумуляторных батарей; разряд с использованием выделяемой энергии в электросети; демонтаж после разряда; собственно переработка, в процессе которой максимум ценных веществ (нержавеющая сталь, алюминий, медь, пластик и др.) могут быть извлечены из ячеек каждого литий-ионного аккумулятора; для достижения максимального эффекта отделяются и перерабатываются также корпуса.

Компания Umicore предоставляет услуги по переработке литий-ионных, литий-полимерных и никелевых металлгидридных батарей из всех возможных областей применения по всему миру. Из аккумуляторов извлекаются ценные металлы, которые могут быть преобразованы в активные катодные материалы для производства новых аккумуляторных батарей. Другими примерами решения проблемы являются такие проекты как «The Reborn Light» в г. Намиэ (Япония), призванный обеспечить городское освещение. Nissan и ее дочерняя компания 4R Energy Corporation планируют установить новые уличные фонари в городе Намиэ (Япония), которые будут питаться от комбинации из солнечных панелей и использованных батарей от электромобиля Nissan Leaf.

BMW Group открыла в Лейпциге завод по ремонту и хранению использованных батарей, который может принять одновременно до 700 батарей. Федеральное министерство экономики и энергетики Германии предоставляет финансирование для этого предприятия через программу «Смарт Энерджи». Батареи электромобилей BMW с отработанным ресурсом используются в системах быстрой зарядки. Компания EVgo уже создала первую такую систему в г. Юнион-Сити (Калифорния), где батареи BMW i3 используются для сохранения энергии во время пиковой солнечной активности с последующим распределением её, чтобы уменьшить нагрузку на быстрые системы зарядки, которые подключены к общей энергосети. Аккумуляторные батареи BMW i3 также подключили к британской национальной энергосистеме, создав из них крупнейшее в Великобритании хранилище из шести транспортировочных контейнеров, пять из которых вмещают 500 аккумуляторов BMW i3, емкостью 33 кВт каждый. Батареи Renault поддерживают лифты в Париже; стадион в Амстердаме запитали от аккумуляторных батарей Nissan Leaf.

Приведенные примеры дают основания к выводу о том, что проблема аккумуляторных батарей электромобилей, как и другие подобные экологические проблемы, могут быть решены лишь в результате реализации хорошо продуманной национальной стратегии и в рамках добросовестного партнерства правительственных, неправительственных и частных организаций, а также граждан.

Трудности по реализации мер по управлению загрязнением химическими веществами обусловлены в значительной мере естественным противоречием между задачами по защите окружающей среды и здоровья человека, с одной стороны, и социально-экономическими задачами, с другой стороны. В международном измерении справедливость распределения бремени расходов на защиту окружающей среды учитывает дисбаланс в экономическом развитии государств. С этих позиций Беларусь может ставить вопрос о внешнем финансировании, однако для поддержки со стороны международных структур потребуются встречные шаги национального законодателя.

Возможной законодательной новеллой, которая, вероятно, будет поддержана ЮНЕП и её финансовыми институтами, является совершенствование института комплексных природоохранных разрешений (ст. 30 Закона «Об охране окружающей среды»)⁵ В настоящее время Закон предусматривает необходимость получения комплексных природоохранных разрешений для круга предприятий, определенного Приложением к Указу Президента Республики

⁴ Мартинети Е. Как прямо сейчас перерабатываются аккумуляторы электромобилей // ШЭР Медиа. – URL: <https://sher.media/kak-pryamo-sejchas-pererabatyvayutsya-akkumulyatory-elektromobilej/> (дата обращения 03.02.2025).

⁵ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=v19201982>.

Беларусь от 17.11.2011 № 528⁶. Представляется целесообразным учесть позитивный международный опыт (ЕС,⁷ Казахстан⁸ и др.), который реализует комплексный подход к окружающей среде. Система комплексного предупреждения и контроля распространяет разрешительную систему практически на все виды деятельности, загрязняющей окружающую среду. Предприятия-заявители предоставляют максимальный объем информации для выполнения оценки и выдачи разрешения; при выдаче разрешения учитываются все ключевые виды воздействия на окружающую среду по поступлениям в атмосферу, водные объекты и в почву загрязняющих химических веществ. При выдаче разрешений учитываются также наилучшие доступные технологии. Обеспечивается эффективное использование энергии, контроль уровня шума, образования отходов и обращения с ними, предотвращение загрязнения почвы и подземных вод. В условия выдачи разрешений включаются мероприятия по предотвращению аварийных ситуаций и снижению их последствий; обеспечивается участие общественности и её информирование о принятии решений; сводится к минимуму вероятность трансграничного переноса загрязняющих веществ на дальние расстояния, проводится мониторинг соблюдения условий выданных разрешений и др.

Изменения, направленные на поэтапное внедрение системы комплексных и иных экологических разрешений, могут быть внесены в ходе разработки Экологического кодекса Республики Беларусь.⁹ Введение экологических разрешений позволит сблизить законодательство Беларуси с экологическим законодательством России, Казахстана, других государств – участников ЕАЭС, позволит в значительной мере модернизировать систему предупреждения и управления в области загрязнения окружающей среды химическими веществами и, соответственно, повысить эффективность достижения Целей устойчивого развития в области экологии.

Заключение. Предупреждение и управление в области загрязнения окружающей среды химическими веществами представляет собой важную эколого-экономическую задачу, решение которой немыслимо без международного сотрудничества на глобальном и региональном уровне, а также без принятия соответствующих мер на уровне национального законодательства и практики его применения.

Для решения указанной задачи представляется целесообразным рассмотреть вопрос о ратификации подписанной в 2014 г. Минаматской конвенции о ртути 2013 г., а также участия страны в ряде Конвенций МОТ, регулирующих вопросы безопасности химических производств, прежде всего – в Конвенции № 170 о химических веществах 1990 г. и Конвенции МОТ № 174 о предотвращении крупных промышленных аварий 1993 г. Требуется определенной корректировки политика ЕАЭС по противодействию химическим загрязнениям. Целесообразно принять комплексный план, в котором должны быть указаны реально осуществимые сроки решения вопросов по отдельным видам загрязнений (пластику, свинцу и т.д.) с учётом имеющихся в мире разработок и передовых практик по решению таких проблем. Представляется целесообразным также введение экологических разрешений.

Реализация этих мер позволит реализовать комплексный подход к окружающей среде и распространить разрешительную систему на все виды деятельности, загрязняющей окружающую среду, с учётом наилучших доступных технологий; обеспечит контроль уровня образования отходов и обращения с ними, предотвращение загрязнения почвы и подземных вод; снизит количество аварийных ситуаций и их последствий; обеспечит участие общественности и её информирование о принятии решений; минимизирует вероятность трансграничного переноса загрязняющих веществ и, в конечном счете, будет способствовать достижению Целей устойчивого развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соколова Н.А. Международно-правовая охрана атмосферы и озонового слоя: продолжение истории // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2021. – № 10. – С. 123–130. DOI: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2021.86.10.123-130>.
2. Солнцев А.М. Роль международного права в борьбе с ртутными загрязнениями // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 1. – С. 13–19.
3. Хайрутдинов М.У. Международное право в области трансграничного загрязнения окружающей среды: состояние, проблемы и перспективы // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2020. – № 36. – С. С. 203–216. DOI: <https://doi.org/10.17223/22253513/36/18>.
4. Alam S., Nurhidayah L. The international law on transboundary haze pollution: What can we learn from the Southeast Asia region? // Review of European, Comparative and International Environmental Law. – 2017. – Vol. 26 (3). – P. 243–254. DOI: <https://doi.org/10.1111/reel.12221>.
5. Nazeer N., Furuoka F. Overview of ASEAN environment, transboundary haze pollution agreement and public health // International Journal of Asia Pacific Studies. – 2017. – Vol. 13 (1). – P. 73–94. DOI: <http://dx.doi.org/10.21315/ijaps2017.13.1.4>.
6. Ефремова М.С. Роль ЕАЭС и ШОС в формировании пространства экологической безопасности в Евразии // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2023. – № 17 (1). – С. 110–118. DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-01-110-118>.

Поступила 04.02.2025

⁶ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P31100528>.

⁷ Директива Европейского парламента и Совета ЕС 2010/75/ЕС о промышленных выбросах (о комплексном предотвращении загрязнения и контроле над ним) // WECOOP. – URL: <https://wecoop.eu/wp-content/uploads/2020/04/%D0%94%D0%98%D0%A0%D0%95%D0%9A%D0%A2%D0%98%D0%92%D0%90-%E2%84%96201075%D0%95%D0%A1.pdf>.

⁸ Экологический кодекс Республики Казахстан от 2 января 2021 года № 400-VI // Юрист. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39768520&doc_id2=39768520#activate_doc=2&pos=155;-111&pos2=2167;-110.

⁹ URL: <https://belta.by/society/view/v-belarusi-planiruetsja-razrabotat-ekologicheskij-kodeks-665680-2024/>.

**INTERNATIONAL LEGAL PROBLEMS OF COMBATING CHEMICAL POLLUTION
OF THE ENVIRONMENT****V. TALOCHKA***(Belarusian State University, Minsk)*

The article is devoted to current problems of international environmental law and national legislation of the Republic of Belarus related to chemical pollution of the environment. The development of industrial production, an increase in the consumption of goods containing chemical pollutants, height in the amount of production and consumption waste, as well as global climate change have necessitated the need to intensify the efforts of states to protect the environment from chemical pollution. The author analyzes the norms of international law, UNEP, EAEU environmental programs and proposes a number of legislative changes, in particular, the introduction of the institution of comprehensive environmental permits. In the author's opinion, this will make it possible to implement an integrated approach to the environment and extend the permitting system to all types of activities that pollute the environment, ensure control of the level of waste generation and handling, prevention of soil and groundwater pollution, will reduce the number of accidents and their consequences, ensure public participation and informed decision-making, minimize the likelihood of transboundary transport of pollutants and, ultimately, contribute to the achievement of the Sustainable Development Goals.

Keywords: *international environmental law, chemical pollution, legislation, environmental permits, EAEU, UNEP.*

УДК 94(470)

DOI 10.52928/2070-1632-2025-70-1-109-115

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС И ЕГО РАЗРЕШЕНИЕ В ПРОГРАММАХ
ПАРТИЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ, ДЕЙСТВОВАВШИХ
НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

канд. юрид. наук, доц. Д.В. ЩЕРБИК
(Белорусский государственный университет, Минск)
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3242-4647>

В публикации рассматриваются идеологические позиции партий социалистического направления, действовавших на территории Беларуси в конце XIX – начале XX века по национальному вопросу. В идеологии народничества, различных направлений марксизма выявляются их подходы к определению нации и её признаков, её места в историческом процессе. В программных документах и публицистике белорусских народников, БСГ, партии эсеров, польской партии социалистов, различных групп и партий марксистского направления выявляется соотношение их национальных и социалистических идеалов, предложения по решению национального вопроса, отношение к праву наций на самоопределение, государственному переустройству России. Отмечено влияние данных идеологических позиций на дальнейшее строительство белорусской государственности.

Ключевые слова: нация, национальный вопрос, социализм, БСГ, ППС, РСДРП, Бунд, белорусские народники, белорусская государственность.

Введение. Процессы формирования наций в Восточной Европе, развития идентичности и самоидентификации населения вызывают значительный интерес исследователей, в том числе зарубежных (напр., Р. Радик, Т. Снайдер, А. Валицкий и др.). В данной же публикации мы обратимся к исследованию истории идей, а именно к изучению отношения к национальному вопросу в идеологии организаций социалистической направленности, действовавших в Российской империи на территории Беларуси, влиянию их подходов на последующее становление белорусской государственности.

Основная часть. И первая трудность, с которой сталкивается исследователь, состоит в разграничении социалистических и национальных идей, зачастую переплетавшихся в идеологии многих национально-освободительных движений. Последние, в целом, преимущественно относились к социалистическому лагерю, часто называя свои нации «пролетарскими (плебейскими)» и отрицая их внутреннюю классовую борьбу. Это относится, прежде всего, к белорусским организациям.

Чтобы понять переплетение различных подходов к национальному вопросу у левых организаций, необходимо проследить генезис национализма в его связи с социалистическими идеями. В данном случае необходимо воспользоваться предложенной А. Веломским стадийной классификацией национализма, его идейно-политических взглядов [1]. Действительно, кроме наиболее общего определения национализма как любви к родине и соотечественникам, различные направления национализма мало что связывает. Они по-разному предлагают решать те проблемы, которые стоят перед обществом.

Первая волна национализма имела общие корни с либеральными и демократическими теориями. И как раз их решения для конкретных проблем, стоящих перед Родиной, использовали патриоты в своей деятельности. Рождение данной волны национализма произошло в период Великой французской революции в момент провозглашения принципа суверенитета народа. Данная волна проявляла себя в движении как умеренных, так и радикальных революционеров. Её кредо составлял суверенитет народа как внутри страны (в столкновении с монархией, церковью, аристократией), так и вне её. Первоначальный универсализм французских революционеров, столкнувшись с реакцией и сопротивлением как верхов, так и низов соседних народов, быстро начал приобретать патриотические ноты. Декларация «Родина в опасности» является явным свидетельством единства национально-патриотических и революционных идей того времени.

Подобный свободолобивый пафос отличает национализм первой волны у всех народов. Французские, польские, итальянские революционные демократы, а равно революционеры иных европейских народов, выступают за Европу как за свободное содружество свободных народов, каждый из которых внутренне устроен по республиканскому образцу.

Романтизм как реакция на первоначальный французский универсализм, а затем на завоевания Наполеона ещё больше привносит в среду революционеров любовь к родному краю и народу. Во Франции и других странах они начинают рассматривать свой народ как самоценность, как эталон свободолобия, образец для остальных народов Европы. Национально-религиозная экзальтация А. Мицкевича о Польше «как Христе народов» (Польшу при этом понимал не этнически – авт.), находится в данном случае в одном ряду с религиозным революционным национализмом Д. Мадзинни, с французскими представлениями о Париже «как центре Человечества». Однако, если перечисленные направления переходят в рассмотрении нации с гражданских позиций на культурологические, где народ отличает особенность культуры, в том числе его революционные и свободолобивые черты, то в протестантской части Германии акцент переносится на этнические и языковые особенности. Именно они в условиях немецкого государственного и культурного партикуляризма становятся определяющими в самоидентификации немецкого народа.

Отметим, что разные подходы к основе самоидентификации нации, по мнению А. Веломского, являются результатом влияния католицизма, разного отношения к римскому праву [1, с. 43–50]. И как в ходе революции, на различных её этапах, по мере достижения ряда её целей происходил раскол революционеров по радикальности их социально-политических требований, так и в национальном вопросе революционеры начинают расходиться. Часть из них сохраняет свои национал-либеральные убеждения (Гамбета, Гизо, Клемансо), часть в виду невозможности достижения социальных идеалов укрепляется в идеях классовой интернациональной солидарности (Ж. Прудон, К. Маркс), а часть, после афер Буланже и Дрейфуса во Франции, или коррупционных правительств Дж. Джолитти и поражений в войне с Абиссинией в Италии, разочаровались в либерализме, демократии и перешли на авторитарные позиции. Выделение внеисторических национальных интересов, явно конфликтующих с интересами победившей буржуазии или воспринявших идеи интернационализма социалистов, вели к требованию единства нации и подавлению классовых и партикулярных интересов внутри общества и использования силы во внешней политике. С этого момента, по мнению А. Веломского, начинается вторая волна национализма [1, с. 35], которая, восприняв к тому же в разной степени идеи социал-дарвинизма, привела к появлению интегрального национализма во Франции, нацизма в Германии, фашизма в Италии и др.

Медленное развитие буржуазных отношений в Восточной Европе, самодержавие в Российской империи привели к тому, что к началу XX века национальное движение в данном регионе находилось на стадии первой волны, что как раз объясняет тесное переплетение демократических, социалистических и национальных идей. В то же время, некоторые особенности западноевропейского восприятия наций как культурных или этнических феноменов, характерных для эпохи романтизма, равно как и идеи интегрального национализма второй волны, также не могли не оказывать на них своего влияния.

В начале XX века на землях Беларуси по национальному вопросу левые силы можно разделить на три блока: радикально интернационалистски настроенные левые (СДКПиЛ, часть РСДРП), приверженцы национально-культурной автономии (Бунд), национально-ориентированные социалисты и большевики-ленинцы. Истоки их позиций уходили в дискуссию социалистов и революционно-демократических националистов первой половины XIX века, дебаты по национальному вопросу между левыми движениями во второй половине XIX века.

Невозможность реализовать социально-экономические идеалы еще в ходе Великой французской революции после поражения якобинцев вело радикальных левых по пути неприятия либеральных идей, побуждало их искать силу, способную победить власть буржуазии. Не восприняв национальные идеалы романтизма, они свою опору видели в классовой солидарности трудящихся всех народов. Однако национальные идеалы части революционеров, а равно трудящихся, их готовность ради их реализации сплотится с буржуазией поставили вопрос о четком размежевании и определении их позиций.

Так, уже с конца 30-х годов один из отцов либерального революционно-демократического национализма Дж. Мадзинни критикует социалистическое движение, видит в нем препятствие национальной гармонии [2]. А в период «весны народов» 1848 – 1849 гг. ему в ответ прозвучало: «Рабочие не имеют отечества» [3]. В 50-е годы XIX в. К. Маркс активно критиковал Дж. Мадзинни, отмечая «формализм» его республиканизма [4, с. 29], и в 60-е гг. он окончательно выразил социалистическую позицию в отношении национализма, обвинив Мадзинни во враждебном отношении к пролетариату, без защиты которого, по его мнению, республиканизм Мадзинни является лишь новой формой буржуазного деспотизма [4, с. 33].

Однако отмежевываясь от националистов, левым необходимо было выработать собственную стратегическую и тактическую позицию по национальному вопросу. Обострил левую дискуссию и вопрос польского восстания 1863 – 1864 гг., которое обсуждалось на Первом интернационале. В результате уже на нем среди социалистических сил выделилось несколько направлений, по-разному рассматривавших национальный вопрос. Прудонисты, выступавшие за социалистические преобразования и построение демократической федерации, рассматривали национальный вопрос как явление отвлекающего от дела общественного преобразования [5, с. 97]. К. Маркс, в свою очередь, более гибко воспринимал национальный вопрос. В 1866 г. в письме к Ф. Энгельсу он осуждал «прудонистскую клику» в Париже, которая «...объявляет войну устаревшей, национальности – бессмыслицей, нападает на Бисмарка и Гарибальди и т.д. Как полемика с шовинизмом, эта тактика полезна и объяснима. Но когда верующие в Прудона <...> думают, что вся Европа может и должна сидеть тихо и смиренно на своей задней, пока господа во Франции отменяют "нищету и невежество"... – то они смешны» [6, с. 93–94]. В своей публицистике Ф. Энгельс и К. Маркс рассматривали национальные движения в тесной связи с появлением капитализма, отмечали их историческую прогрессивность, их важность и возможность их использования в борьбе с империализмом великих буржуазных государств, а равно с полуфеодалными государствами, такими как Российская империя. При этом данные авторы отмечали перспективу слияния наций в будущем коммунистическом обществе.

Двойственность позиции основателей марксизма нашла отражение в резолюции Лондонского конгресса Интернационала в 1896 г.: «Конгресс выступает за полную автономию всех национальностей и заявляет о своем сочувствии рабочим любой страны, в настоящее время страдающей под ярмом военного, национального или какого-либо иного деспотизма; Конгресс призывает рабочих всех этих стран стать в строй бок о бок с классово-сознательными рабочими всего мира, чтобы добиться свержения всемирного капитализма и установления всемирной социал-демократии» [6, с. 88]. Последствием стало выделение в социалистическом движении Российской империи различных подходов к решению национального вопроса.

Так, созданная на территории Царства Польского, Литвы и Беларуси в 1882 г. польская Интернациональная социально-революционная партия «Пролетариат», а равно воссозданная после её разгрома в 1888 г. Социально-

революционная партия «Пролетариат» выступали с интернационалистических позиций. Попытка объединения в 1892 г. польских социалистических организаций не привела к успеху и в 1893 г. движение раскололось по национальному вопросу на две организации: Польскую социалистическую партию (ППС) и Социал-демократию Королевства Польского (в последствии Социал-демократию Королевства Польского и Литвы). Лидеры последней, в том числе Роза Люксембург, отрицали лозунг самоопределения наций. Со времен I Пролетариата они рассматривали национальный вопрос как форму морального закрепощения пролетариата посредством враждебного его интересам влияния привилегированных групп. На I съезде СДКП прямо отмечалось, что борьба за независимость является отречением от успешной политической борьбы и отдалением от целей пролетариата [7, с. 333]. По мнению Р. Люксембург, централизаторские процессы в многонациональных государствах в условиях капитализма являются объективными, поэтому вместо борьбы национальной, работники должны сосредоточиться на интернациональной борьбе с капитализмом, в ходе которой будет происходить их все более тесное сближение. При этом она отрицала социал-шовинистические позиции таких немецких социал-демократов, как Анер, которые за благо считали германизацию поляков [7, с. 334].

После слияния СДКПиЛ и РСДРП, а также в период революции данная позиция, названная В. Лениным «абстрактным интернационализмом», была близка выходцу из СДКПиЛ Ф. Дзержинскому, а также такому представителю РСДРП(б), как Г. Пятаков¹, во многом впоследствии ставших приверженцами идей «автономизации» в СССР. Её же поддерживались и марксисты-меньшевики. Они выступали против идей федерализма (централизма) и сепаратизма, за «целостность, неделимость и единство» демократической России при обеспечении территориальной автономии для областей отличающихся национальными, культурными и экономическими особенностями, борьбы с национальным угнетением, обеспечения остальным нациям автономии в сфере образования и права использования родного языка в государственных органах и суде². В июле 1917 г. в свою избирательную платформу они включили идею экстерриториальной автономии, исходившую от австрийских социал-демократов³.

Австро-марксистская модель «национально-культурной» автономии, в свою очередь, является результатом синтеза идей марксизма и революционного национализма с его сформированным романтизмом культурологическим понимание нации, что, опять же, примечательно, учитывая католицизм Австрии. Так, основатели данного подхода дали следующее её определение. О. Бауэр рассматривал нацию как «совокупность людей, связанных общностью характера на почве общей судьбы» [8, с. 54], для которой характерна также общность культуры и языка, а К. Раннер – как «союз одинаково мыслящих и одинаково говорящих личностей. Это культурная общность группы современных людей, не связанная с землей». Для них было важно сочетать идеи марксизма с необходимостью сохранения австро-венгерского государства как крупной хозяйственной единицы. Данную проблему они предлагали решить через идею экстерриториальной автономии. Социализм в понимании Бауэра будет представлять период, в который наконец-то весь народ превратится в нацию, а нации будут продолжать свое развитие все более дифференцируясь [8, с. 44]. Таким образом, нация выступала как ценность, которая должна была сохраниться и свободно развиваться при социализме на почве общей хозяйственной политики. Неприятие территориальной автономии должно было обеспечить отсутствие конфликтов между народами в результате устранения объективного при её сохранении стремления каждого территориального большинства ассимилировать или ликвидировать меньшинство.

В Российской империи за экстерриториальность выступил Бунд. Так, бундовцы, первоначально отстаивавшие исключительно общегражданское равноправие народов России, с IV съезда (1901 г.) перешли к требованию федеративного переустройства России с «национальной автономией каждой национальности, независимо от занимаемой ею территории»⁴. С VI съезда (1905 г.) и раскола с РСДРП Бунд однозначно переходит к требованию национально-культурной автономии, которая предполагала «кiszятие из ведения государства и органов местного и областного самоуправления функций, связанных с вопросами культуры, <...> и передача их нации в лице особых учреждений, местных и центральных, избираемых всеми её членами на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования»⁵. В дальнейшем данное положение неоднократно детализировалось в программных документах Бунда в революционный период 1917 г. Тогда же бундовцы окончательно поддержали и идею о будущем развитии еврейской нации в ходе построения социалистического общества⁶.

¹ Национальный вопрос в программных документах политических партий, организаций и движений России. Начало XX в.: Документы и материалы: учеб. пособие. – 2-е изд., испр. и доп. / сост., авт. введ. и ред. И.В. Нам. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. – С. 129–130.

² Резолюция Всероссийской конференции меньшевистский и объединенных организаций РСДРП (1917) // Национальный вопрос в программных документах политических партий, организаций и движений России. Начало XX в.: Документы и материалы: учеб. пособие. – 2-е изд., испр. и доп. / сост., авт. введ. и ред. И.В. Нам. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. – С. 162–163.

³ Резолюция по национальному вопросу, принятая объединенным съездом РСДРП // Национальный вопрос в программных документах политических партий, организаций и движений России. Начало XX в.: Документы и материалы: учеб. пособие. – 2-е изд., испр. и доп. / сост., авт. введ. и ред. И.В. Нам. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. – С. 164–165.

⁴ Резолюция IV съезда Бунда (май 1901 г.) // Национальный вопрос в программных документах политических партий, организаций и движений России. Начало XX в.: Документы и материалы: учеб. пособие. – 2-е изд., испр. и доп. / сост., авт. введ. и ред. И.В. Нам. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. – С. 84.

⁵ Резолюция VI съезда Бунда (октябрь 1905 г.) // Национальный вопрос в программных документах политических партий, организаций и движений России. Начало XX в.: Документы и материалы: учеб. пособие. – 2-е изд., испр. и доп. / сост., авт. введ. и ред. И.В. Нам. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. – С. 85.

⁶ Там же. – С. 85–86.

Более традиционный подход, однако, опиравшийся на идею широкой территориальной автономии, характерен для Партии социалистов-революционеров. Еще накануне и в ходе Первой русской революции в программе партии содержится требование: «демократической республики с широкой автономией областей и общин, как городских, так и сельских; возможно большее применение федеративных отношений между отдельными национальностями, признание за ними безусловного права на самоопределение; введение родного языка во все местные, общественные и государственные учреждения; в областях со смешанным населением право каждой национальности на пропорциональную своей численности долю в бюджете, предназначенном на культурно-просветительные цели, и распоряжение этими средствами на началах самоуправления»⁷. Лидер партии В. Чернов в 1903 г. отмечает, что для реализации социалистических устремлений к единению человечества в духе социализма, необходимо учитывать объективно исторически сложившиеся национальные организмы и использовать национальное возрождение для приобщения к общечеловеческим ценностям: «Национальное для нас есть форма усвоения и воплощения всемирного, всечеловеческого прогресса». Для этого партия и должна выступать за «полное и безусловное право национальностей на самоопределение. Вот почему мы стоим за федеративный строй, за широчайшее развитие местного самоуправления, за культурную автономию народностей. Лишь свободный общественный строй, в котором ограждены и права меньшинства, способен обеспечить мирное сожитие под одной государственной кровлей различных наций» [9, с. 59–60].

Уже в 1917 г. эсеры считали децентрализм важнейшим элементом реформирования России: «В условиях децентрализации, то есть развития большей степени самостоятельности, самостоятельности легче будет учесть своеобразие условий хозяйственного и культурного развития» [10, с. 63]. Поэтому в 1917 г. для наибольшего развития самостоятельности наций и обеспечения свободы и децентрализации съезд ПСР выступил за совмещение идей территориального федерализма с идеей национально-персональной автономии для наций без территории и национальных меньшинств⁸.

На позиции соединения национальной идеи с социализмом, вплоть до отстаивания приоритета первой, стояли Польская социалистическая партия (ППС), а также Белорусская социалистическая громада (БСГ). ППС, рожденная в результате эволюции революционных демократов XIX в. в сторону увлечения социалистической мыслью, сохраняла своим приоритетом требование независимости. Так, Б. Лимановский, который как раз и был символом такой эволюции, в 1881 г. писал, что патриотизм и социализм не противоречат друг другу, а взаимно друг друга укрепляют, а настоящий патриотизм обращается к трудящимся как основе силы народа, и поэтому должен быть социалистическим. А социализм, как вытекающий из любви к народу, должен, в свою очередь, быть патриотическим [7, с. 336]. По мнению К. Келлес-Крауза, одного из составителей программы ППС, не только классовый характер государства угнетает пролетариат, но и принадлежность к чуждому государству. Важнейшей триадой его политической мысли, а равно приоритетами ППС, было «независимость – демократия – социализм», причем именно в такой последовательности. Независимое государство должно было быть демократическим и республиканским, а затем уже станет социалистическим. Ю. Пилсудский в статье 1903 г. «Как я стал социалистом» вспоминал, что если бы он в то время столкнулся с «варшавским» социализмом (интернациональным, в духе Р. Люксембург – авт.), то отверг бы его [7, с. 338]. А учитывая, что социализм в ППС воспринимался скорее этически, а не материалистически (т.е. как борьба за достоинство человека, результат моральной революции), то становится понятной дальнейшая эволюция ППС и Ю. Пилсудского в сторону провозглашения независимого польского государства, а после возникших трудностей в его развитии – и отказ от идей демократии, федерализма и социализма в пользу укрепления и развития польского национального государства, что, очевидно, целиком укладывалось в русло развития национализма второй волны.

Белорусское социалистическое движение еще со времен «гомоновцев» содержало в своей идеологии национальный компонент. В обоих номерах «Гомона» отчетливо выражено представление о белорусском народе как об объективной реальности⁹. Их понятие нации включает, по мнению Л.И. Шиманской, такие признаки, как единство климатических и этнографических условий, общность психологического склада людей, общность экономической жизни, язык¹⁰. Предваряя Б. Андерсона с его «воображаемыми сообществами» и споря с Л. Тихомировым, авторы «Гомона» отмечали, что кажущаяся искусственность национального как формы общественных отношений на самом деле является результатом «практического творчества людей», вытекает из естественных потребностей людей устроиться лучше, счастливее и проч.»¹¹. Указывая на появление национального вопроса ещё в период племенных столкновений, авторы находятся на позициях первой волны национализма периода романтизма,

⁷ Программа Партии социалистов-революционеров // Национальный вопрос в программных документах политических партий, организаций и движений России. Начало XX в.: Документы и материалы: учеб. пособие. – 2-е изд., испр. и доп. / сост., авт. введ. и ред. И.В. Нам. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. – С. 59.

⁸ Из резолюции по национальному вопросу, принятой на III съезде Партии социалистов-революционеров // Национальный вопрос в программных документах политических партий, организаций и движений России. Начало XX в.: Документы и материалы: учеб. пособие. – 2-е изд., испр. и доп. / сост., авт. введ. и ред. И.В. Нам. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. – С. 153–154.

⁹ Гомон. Белорусское [социально]-революционное обозрение № 1 // Публицистика белорусских народников: нелегальные издания белорусских народников (1881–1884) / сост. и подгот. С.Х. Александрович, И.С. Александрович. – Минск: Изд-во БГУ, 1983. – С. 33–59; Гомон. Белорусское социально-революционное обозрение № 2 // Публицистика белорусских народников: нелегальные издания белорусских народников (1881–1884) / сост. и подгот. С.Х. Александрович, И.С. Александрович. – Минск: Изд-во БГУ, 1983. – С. 59–122.

¹⁰ Шиманская Л.И. Общественно-политические и социологические взгляды революционных народников Белоруссии: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.08 / Ин-т философии и права АН БССР. – Киев, 1982. – С. 22.

¹¹ Гомон. Белорусское социально-революционное обозрение № 2. – С. 84.

при этом уже замечая негативные аспекты идей его второй волны, приходящие из Европы, с их апелляцией к социал-дарвинизму, объективности насилия, угнетения и ассимиляции. Подобные идеи за их «узкий национализм» «гомоновцами» резко отвергаются¹².

Идея федерализма для белорусских народников является объективной необходимостью борьбы с самодержавием, а после его свержения – борьбы с буржуазией, так как федерализм позволяет лучше понимать интересы народа и обеспечивать повышение его сознания в единстве с интеллигенцией в ее социалистических идеалах, а также способен обеспечить последующее свободное развитие культурных форм, а равно свободы личности и самостоятельности труда, которые невозможны в условиях национального угнетения¹³. Так, в напечатанной во втором номере «Гомона» статье о национальном вопросе провозглашается: «Исторический прогресс состоит в том, что человечество, входя все в более и более близкую связь, в то же время дифференцируется для свободного развития и проявления всякой нации в целом человечестве, всякой общественной самостоятельной группы в каждой нации и всякой человеческой личности в этой общественной группе. Без сознания своей личности каждым человеком народ был бы стадом; без сознания своих особенностей каждым народом таким стадом было бы все человечество»¹⁴.

Восходящая к народнической традиции БСГ, которая к тому же первоначально тесно сотрудничала с «ППС на Литве», также находилась под влиянием идей последней, а равно народников-эсеров, сочетая в своей деятельности национальный вопрос с социализмом. Так, в духе немецкого романтизма один из лидеров БСГ А. Луцкевич в своей статье «Родная мова і яе культурнае значэнне» писал, что язык является наиболее ярким воплощением культуры, души нации, на биологическом уровне связывал его с народом [11, с. 63]. В иных публикациях он отмечал, что каждый народ имеет миссию участвовать в развитии всего человечества, но может ее реализовать только в рамках развития своей собственной культуры. Полное саморазвитие же народа возможно исключительно в демократических формах, при социально-экономическом обеспечении трудящихся людей [12, с. 102].

На Конференции российских национально-социалистических партий, состоявшейся в 1907 г. в Гельсингфорсе, БСГ подписалась под резолюцией, провозглашающей необходимость в пределах Российского государства обеспечить реализацию как территориальных автономий народностям, так и создание экстерриториальных органов народного самоуправления¹⁵. В программных документах начала XX века, ставя перед собой цели низвержения самодержавия и замены его демократической федерацией со свободным самоопределением и культурно-национальной автономией народностей, белорусское движение также отстаивало ценность национального развития¹⁶. Требования федерации, законодательного сейма для Белорусского края в Вильно сохраняются и в программе 1917 г.¹⁷. Логичным следствием такого подхода для белорусских социалистов стала эволюция в сторону идей независимости, проявившаяся в провозглашении БНР, либо, в более мягком варианте отстаивания идей белорусской советской государственности и федерации в СССР.

Особую позицию по национальному вопросу занимал В.И. Ленин и его последователи в РСДРП. Выступая за включение в программу партии пункта о самоопределении народов и трактуя его как право самостоятельного определения своей судьбы угнетенной нацией вплоть до отделения, Ленин в то же время отмечал приоритет социалистических целей у партии, указывал, что она, оставив вопрос самоопределения народам, должна концентрироваться на идеях интернациональной борьбы трудящихся за социализм [6]. Поэтому на Всероссийской (апрельской) конференции РСДРП(б) 24–29 апреля 1917 г. не была принята резолюция Г. Пятакова, которая в духе радикального интернационализма отвергала «в принципе раздробление крупных государственных образований на мелкие национальные государства», а также утверждала, что «образование национальных государств в обстановке империалистической эпохи, т.е. эпохи кануна социалистической революции, есть вредная и реакционная утопия»¹⁸. Напротив, была принята гораздо более дипломатичная и гибкая ленинско-сталинская резолюция, которая требовала с одной стороны закрепления права наций на свободное отделение и образование самостоятельного государства, широкой областной автономии в рамках государства, а с другой стороны отвергала идею национально-культурной автономии и отмечала, что «вопрос о праве наций на свободное отделение непозволительно смешивать с вопросом о целесообразности отделения той или другой нации в тот или иной момент»¹⁹.

¹² Там же. – С. 109.

¹³ Гомон. Белорусское [социально]-революционное обозрение № 1. – С.69; Гомон. Белорусское социально-революционное обозрение № 2. – С. 59–122.

¹⁴ Гомон. Белорусское социально-революционное обозрение № 2. – С. 109.

¹⁵ Резолюция конференции российских национально-социалистических партий, состоявшейся 16–20 апреля 1907 г. в Гельсингфорсе // Национальный вопрос в программных документах политических партий, организаций и движений России. Начало XX в.: Документы и материалы: учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. / сост., автор введений и ред. И.В. Нам. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. – С.119–120.

¹⁶ Программа Белорусской социалистической громады (1903–1906 гг.) // Весн. Белар. дзярж. ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 1993. – № 1. – С. 65.

¹⁷ Программа Белорусской социалистической громады (принята III партийным съездом 14–25 октября 1917 г. в Минске) // Весн. Белар. дзярж. ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 1993. – № 1. – С. 67–68.

¹⁸ Проект резолюции по национальному вопросу, предложенный Г. Пятаковым от имени секции по национальному вопросу и отвергнутый Всероссийской (апрельской) конференции РСДРП(б) 24–29 апреля 1917 года // Национальный вопрос в программных документах политических партий, организаций и движений России. Начало XX в.: Документы и материалы: учеб. пособие. – 2-е изд., испр. и доп. / сост., авт. введ. и ред. И.В. Нам. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. – С. 167.

¹⁹ Резолюция по национальному вопросу, принятая Всероссийской (апрельской) конференции РСДРП(б) 24–29 апреля 1917 года // Национальный вопрос в программных документах политических партий, организаций и движений России. Начало XX в.: Документы и материалы: учеб. пособие. – 2-е изд., испр. и доп. / сост., автор введ. и ред. И.В. Нам. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. – С. 169.

Если учесть централизаторский подход к построению партии и представления о централизованной организации и плановости постреволюционных социально-экономических преобразований, подобный подход создавал возможность использовать национальные движения для борьбы с империализмом, а равно с российским самодержавием, но отмечал их вторичность после победы революции.

В.И. Ленин, как отмечает Ю. Семенов, принципиально не давал определение нации [13], большее внимание уделяя национальным движениям. Благодаря этому он мог уже после революции, не скатываясь в догматизм, сохранять более гибкий подход к национальному вопросу, учитывать стремления национальных элит к построению национальной государственности, уважительно относиться к «социал-националам» в партии и выступать с требованием федеративного подхода к построению советского государства [14]. В свою очередь И.В. Сталин, сформулировав в 1913 г. понимание нации как «исторически сложившейся устойчивой общности людей, возникшей на базе общности четырех основных признаков, а именно: на базе общности языка, общности территории, общности экономической жизни и общности психического склада, проявляющегося в общности специфических особенностей национальной культуры» [15, с. 295] и поддержавший принятие в 1917 г. упомянутой выше резолюции, более инструментально и догматически делал акцент на разные признаки нации в зависимости от этапа политической борьбы, что позволило ему в последствии легко перейти от поддержки права наций на самоопределение в период до и во время революции к идеям «автономизации» после победы в гражданской войне, фактически на практике приняв позицию отрицания национального вопроса в духе радикального интернационализма.

Следует отметить, что областная автономия в программе большевиков не была идентичной национально-территориальной автономии, поскольку строилась не только на национально-территориальных началах: «Партия требует широкой областной автономии, отмены надзора сверху, отмены обязательного государственного языка и определения границ самоуправляющихся и автономных областей на основании учета самим местным населением хозяйственных и бытовых условий, национального состава населения и т.д.»²⁰. Данная позиция также позволила большевикам в последующие годы гибко относиться к вопросу создания тех или иных территориальных образований, изменению их территориальных границ.

Заключение. Таким образом, невозможность до революционных свершений в Российской империи реализовать суверенитет народа приводило к смешению в программах и идеологии революционных организаций в России национального вопроса и идей социализма. Национализм первой волны без особых проблем легко сочетался с революционными идеями благодаря требованию суверенитета народа во внутрисоциальном и внешнем измерениях. Данное смешение идей особенно характерно для национальных социалистических организаций (белорусские народники, ППС, БСГ, Бунд и др.). Те из них, которые добились впоследствии решения задачи национальной и государственной независимости (ППС), вынуждены были определяться с приоритетом национального или социалистического, что привело к расколам (раскол на «санационный» блок Ю. Пилсудского и примкнувшим к нему правых ППС-ев и враждебных ему левой фракции ППС (с мая 1926 г.) и оппозиционной ППС (с ноября 1926 г.)). Для белорусских социалистов подобная эволюция стала невозможной в результате реализации идей белорусской государственности в форме БССР, а затем их устранения в результате борьбы с «нацдемовщиной» и торжеством «интернационалистской» доктрины.

Среди общероссийских социалистических партий, уже имевших государственность в форме России, национальный вопрос имел второстепенное значение в соотношении с идеями социализма. Наибольшее отмежевание от национализма заметно среди «интернационалистов» в РСДРП (бывших членов СДКПиЛ, Г. Пятакова и др.), что выражалось в их централизаторских склонностях, воплотившихся в идее и практике «автономизации». Более гибкая позиция ленинского крыла РСДРП(б) также опиралась на обоснованное Марксом отмежевание от национализма при сохранении желания инструментально использовать национальный вопрос в борьбе с капитализмом и самодержавием. Их *ad hoc* отношение к национализму позволило победить в Гражданской войне и создать федеративный СССР, а в последствии отступить от реального наполнения его федеративной сущности.

Еще более лояльное отношение к национальному развитию в условиях социализма высказывали эсеры, а также группы полностью или частично воспринявшие идеи австро-марксизма, однако, их идеи не были реализованы вследствие поражения в Гражданской войне, но повлияли на необходимость выстраивания гибкой национальной политики большевиков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Wielomski A. *Nacjonalizm wobec problemu Europy*. – Warszawa: Klub Zachowawczo-Monarchistyczny, 2018. – 218 s.
2. Кирова К.Э. Джузеппе Мадзини и утопический социализм (1830–1840) // История социалистических учений. Сб. памяти акад. В.П. Волгина / отв. ред. Б.Ф. Поршнев. – М.: Наука, 1964. – С. 245–284.
3. Маркс К. Манифест Коммунистической партии / [Соч.] К. Маркса и Ф. Энгельса; пер. с нем. с предисл. Г. Плеханова. — Женева: Социаль-демократ, 1900. – 78, [2], 48 с.; 20.
4. Колпинский Н.Ю. Маркс и Энгельс о Мадзини // История социалистических учений: сб. ст. / редкол.: Г.С. Кучеренко (отв. ред.). – М.: Наука, 1976. – С. 22–37.
5. Первый Интернационал. – Ч. 1: 1864–1870. / Под ред. И.А. Бах (отв. ред.), Л.И. Гольмана и В.Э. Куниной. – М.: Мысль, 1964. – 582 с.

²⁰ Там же.

6. Ленин В.И. О праве наций на самоопределение // Вопросы национальной политики и пролетарского интернационализма. – Вып. 9. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1959. – С. 54–111.
7. Kucharczyk G. Polska myśl polityczna do roku 1939. – Dębogóra: Wyd. Dębogóra, 2011. – 550 s.
8. Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия / В изл. и со вступ. ст. С. Семковского. – Пг.: Книга, 1918. – 154 с.
9. Чернов В. Национальное порабощение и революционный социализм // Национальный вопрос в программных документах политических партий, организаций и движений России. Начало XX в.: Документы и материалы: учеб. пособие. – 2-е изд., испр. и доп. / сост., авт. введ. и ред. И.В. Нам. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. – С. 59–63.
10. Лапина И.А. Дискуссии о национально-государственном устройстве и положении этнических меньшинств в периодической печати революционной эпохи. 1917 г. // Общество. Среда. Развитие (Тerra Humana). – 2012. – № 1. – С. 60–65.
11. Луцкевіч А. Родная мова і яе культурнае значэнне. – Вільня [Вільнюс]: Ін-т беларусістыкі; Беласток: Белар. гіст. тав-ва, 2009. – С. 63–64.
12. Луцкевіч А. Кудой ісьці. – Вільня [Вільнюс]: Ін-т беларусістыкі; Беласток: Белар. гіст. тав-ва, 2009. – С. 101–102.
13. Семенов Ю. Из истории теоретической разработки В.И. Лениным национального вопроса [Электронный ресурс] // Научно-просветительский журнал «Скепсис». – URL: https://scepsis.net/library/id_2670.html (дата обращения: 08.06.2024).
14. Ленин В.И. К вопросу об национальностях или об «автономизации» // Вопросы национальной политики и пролетарского интернационализма. – Вып. 9. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1959. – С. 170–176.
15. Сталин В.И. Марксизм и национальный вопрос // Соч. – Т. 2. – М.: ОГИЗ; Гос. изд-во полит. лит-ры, 1946. – С. 290–367.

Поступила 16.10.2024

**THE NATIONAL QUESTION AND ITS RESOLUTION IN THE PROGRAMS OF THE PARTIES
OF SOCIALIST DIRECTION THAT OPERATED ON THE TERRITORY OF BELARUS
AT THE END OF THE 19TH AND BEGINNING OF THE 20TH CENTURY**

D. SHCHERBIK
(Belarusian State University, Minsk)

The publication examines the ideological positions of the parties of the socialist trend on the territory of Belarus in the late 19th and early 20th centuries on the national question. The ideology of various socialist trends reveals their ideas about the definition of a nation and its characteristics, its place in the historical process. The program documents and journalism of the Belarusian populists, the BSG, the Socialist Revolutionary Party, the Polish Socialist Party, and various groups and parties of the Marxist trend reveal the relationships between their national and socialist ideals, proposals for solving the national question, the attitude to the right of nations to self-determination, and the state reorganization of Russia. The influence of these ideological positions on the further construction of Belarusian statehood is noted.

Keywords: nation, national question, socialism, BSG, PPS, RSDLP, Bund, Belarusian populists, Belarusian statehood.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бондарь Т.Е. Ресурсный взгляд на финансы организаций как альтернатива распределительной концепции их понимания	2
Веретенникова Е.С. Методика анализа факторов формирования системы управления региональными цепями поставок (на примере Витебской области)	6
Высоцкий С.Ю., Иванов М.Р. Развитие науки и технологий как фактор экономической резильентности стран	12
Дервяго И.П., Боян Чжоу Институциональные аспекты формирования зеленой экономики: опыт Китая.....	16
Ревяко К.В., Берестень И.В., Ерофеева О.Н. Стратегический конкурентный анализ оптовой торговли медицинским оборудованием и инструментарием в Республике Беларусь и выявление ключевых факторов конкурентоспособности организаций отрасли	20
Тебекин А.В., Серяков Г.Н. Технологический уклад экономики как основа инновационного развития промышленности	28
Фурсевич И.Н. Эффективный академический контракт в учреждениях высшего образования Республики Беларусь: понятие и возможности применения	33
Чукасова-Ильющикина Е.В. Стратегические подходы предприятия, направленные на оптимизацию бизнес-процессов в период кризисных изменений	39
Шестакова К.В., Карпенко Е.М. Онтологический анализ категории «социально-экономическая система»	44

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Антоненко С.Б. Правозащитная деятельность Георгия Конисского	49
Василевич С.Г. Международные договоры Республики Беларусь об оказании правовой помощи по уголовным делам	54
Гасанов А.П. Поступление на службу в органы прокуратуры: законодательство Республики Беларусь и предложения по его реформированию	58
Иванкович А.Д., Семёнова Т.В. Регуляторный режим продуктов трёхмерной биопечати (биопринтинга) в правовых реалиях Республики Беларусь	63
Катушонок О.В. Криминологическое исследование основных форм некриминального насилия в супружеских отношениях: на основе анализа общественного мнения	71
Козел В.М. Уголовно-процессуальная форма электронной информации: понятие и направления совершенствования	76
Луцевич Ж.А. О некоторых аспектах правового регулирования таможенной сферы в Республике Беларусь	81
Олесько С.С. Понятие, признаки и правовая природа конституционных ценностей	85
Руденя Ю.Е. Уголовная политика в сфере ответственности за уклонение от уплаты налогов: состояние, тенденции, перспективы	92
Тарасов П.А. Гражданско-правовые формы, способы и средства защиты прав субъектов на информацию	96
Голочко О.Н. Международно-правовые проблемы борьбы с химическими загрязнениями окружающей среды	104
Щербик Д.В. Национальный вопрос и его разрешение в программах партий социалистического направления, действовавших на территории Беларуси в конце XIX – начале XX века	109